

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

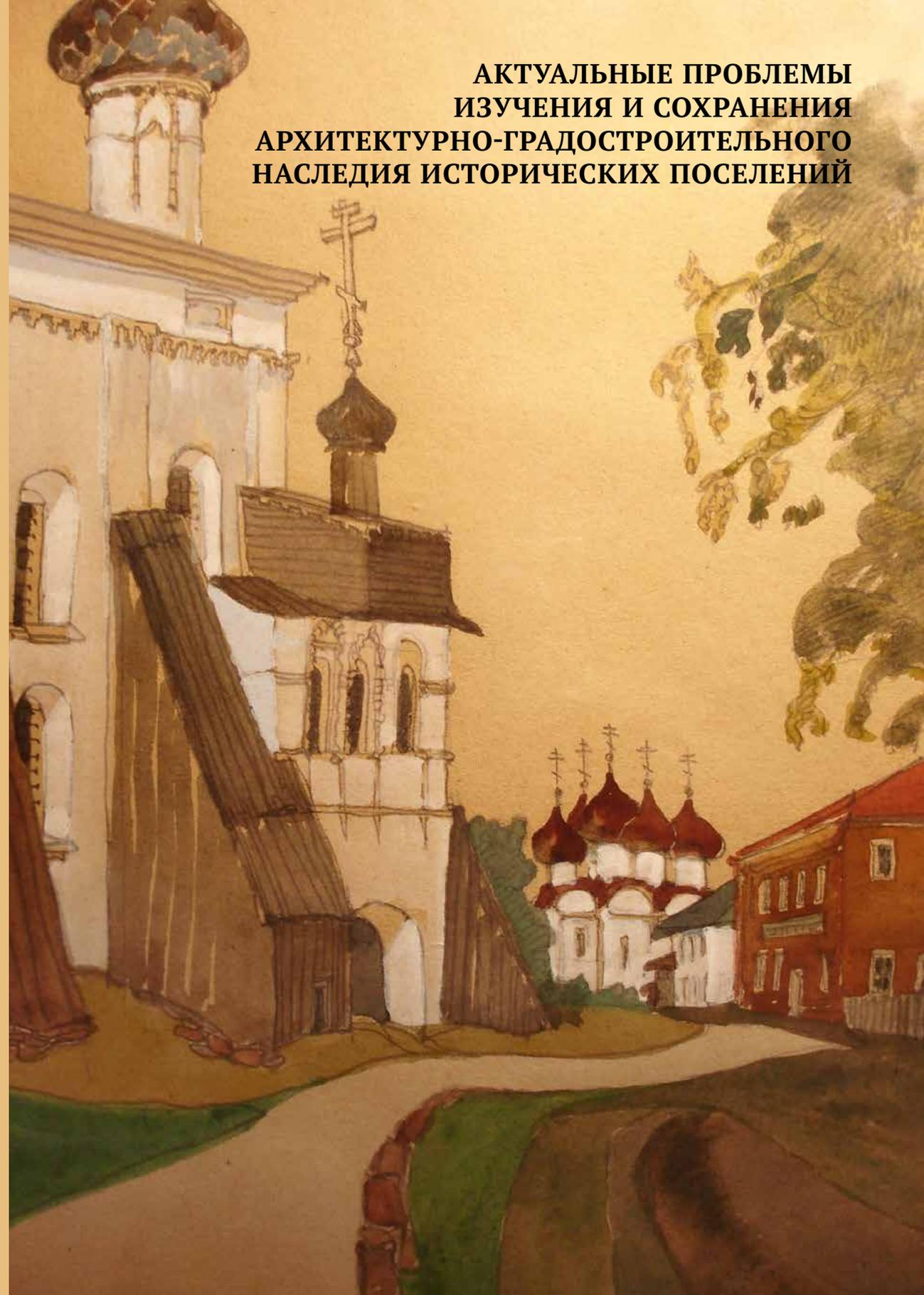
Настоящее издание является сборником статей, подготовленным по материалам 13-й Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений». Научная встреча проходила в 2014 г. в Каргополе (Архангельская область) и была приурочена к 95-летию Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея. В конференции приняли участие архитекторы, градостроители, искусствоведы, реставраторы, историки, ландшафтоведы, научные сотрудники музеев из различных городов России: Архангельск, Великий Новгород, Вологда, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Няндомы Архангельской области, Петрозаводск, Плес Ивановской области, Санкт-Петербург, а также специалисты из Англии и США.

Вошедшие в книгу статьи объединены по основным направлениям исследований градостроительных проблем исторических городов и сельских поселений, ландшафтов, памятников истории и культуры, письменным и другим источникам в исследовании наследия.

Издание представляет интерес как для специалистов, так и широкого круга читателей, интересующихся вопросами отечественной истории и культуры, которым небезразлична судьба культурного наследия страны.

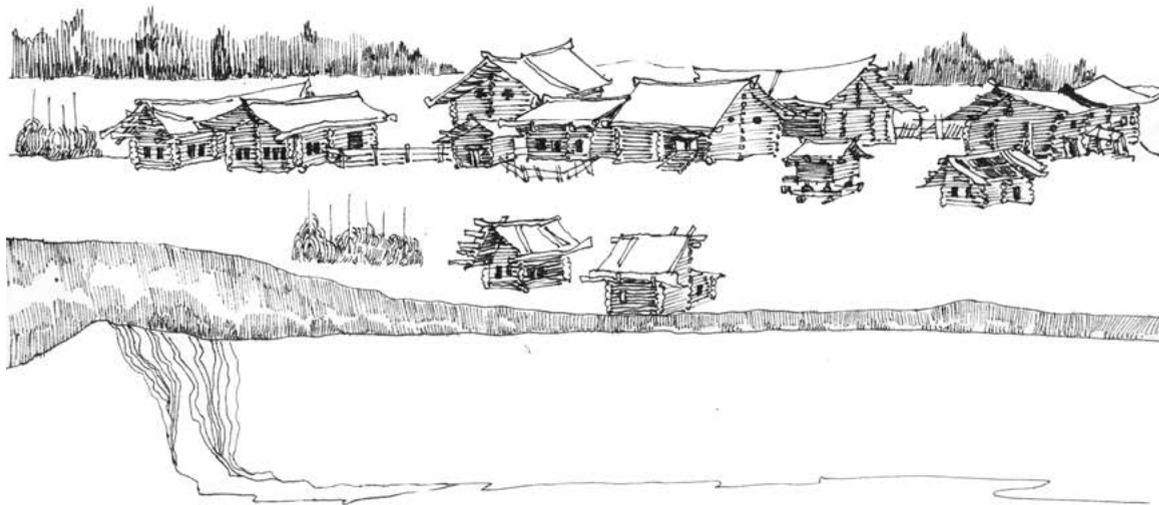
**АНИ** Ассоциация  
**Научная  
инициатива**

Москва-Каргополь  
2016



Ассоциация развития научных инициатив «Научная инициатива»  
Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей  
Российский комитет по селам и малым городам ЕКОВАСТ (ECOVAST)  
Ассоциация деревянного домостроения, НЛК Домостроение  
Российский Комитет ИКОМОС (ICOMOS-CIVVIN, CIAV)

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ



Москва-Каргополь  
2016

**Ответственный редактор:** О. Г. Севан

**Редакционная коллегия:** О. Г. Севан, Н. И. Решетников, Н. И. Тормосова

**Авторский коллектив:**

**Предисловие:** Решетников Н. И., Севан О. Г.

**Гл. 1:** Алипова Ю. Б., Куспак С.О. (разд. 1.1); Охремчук В. П. (разд. 1.2); Агафонова И. С., Давыдов А. И. (разд. 1.3); Попов В.А. (разд. 1.4); Пятницкая Т.Н. (разд. 1.5); Завьялова Н. И. (разд. 1.6); Кузнецов Е.В., Герасимова Е.Л. (разд. 1.7); Брумфилд У. (разд. 1.8).

**Гл. 2:** Севан О. Г. (разд. 2.1); Ермолаев А. П. (разд. 2.2); Иванов А. В. (разд. 2.3); Макарова Е. С., Онучина И. В. (разд. 2.4); Блинов К. В. (разд. 2.5); Шургин И. Н. (разд. 2.6); Решетников Н. И. (разд. 2.7); Егоров А. Н., Забалдина Е. А. (разд. 2.8); Сорокин А. И. (разд. 2.9); Тузов Д. В. (разд. 2.10).

**Гл. 3:** Тормосова Н. И., Трапезникова О. Н. (разд. 3.1); Мильчик М. И. (разд. 3.2); Лаптева Т. А., Николаева М. В. (разд. 3.3); Комиссаренко А. И., Болотина Н. Ю., Кононова А. Ю. (разд. 3.4); Кукушкин И. П. (разд. 3.5); Черкасова М. С. (разд. 3.6).

**Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений:** по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 12–15 авг. 2014 г. Каргополь [Сборник статей] / Ассоциация «Научная инициатива»; отв. ред. О. Г. Севан. — М. 2016. — 271 с., ил.

Настоящее издание является сборником статей, подготовленным по материалам 13-й Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений». Научная встреча проходила в 2014 г. в Каргополе (Архангельская область) и была приурочена к 95-летию Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея. В конференции приняли участие архитекторы, градостроители, искусствоведы, реставраторы, историки, ландшафтовики, научные сотрудники музеев из различных городов России: Архангельск, Великий Новгород, Вологда, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Няндама Архангельской области, Петрозаводск, Плес Ивановской области, Санкт-Петербург, а также специалисты из Англии и США.

Вошедшие в книгу статьи объединены по основным направлениям исследований градостроительных проблем исторических городов и сельских поселений, ландшафтов, памятников истории и культуры, письменным и другим источникам в исследовании наследия.

Издание представляет интерес как для специалистов, так и широкого круга читателей, интересующихся вопросами отечественной истории и культуры, которым небезразлична судьба культурного наследия страны.

ББК 63.3(2P3)я43+63.5(2P31)+79.1

*Рисунок на титульном листе: Село Волосово, Каргопольский р-н, Архангельская область. О. Севан. 1982 г. Иллюстрация на обложке: г. Каргополь, Архангельская область. О. Севан, 1983 г.*

- © Коллектив авторов (авторы статей), 2016
- © Каргопольский музей, 2016
- © Российский ЕКОВАСТ, 2016
- © Ассоциация деревянного домостроения, 2016
- © Рисунки, чертежи, фото авторов, 2016
- © Маркелова М. В., Севан О. Г., оформление, 2016

## Содержание

**Предисловие**.....7

**ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОХРАНЫ**.....13

*Ю. Б. Алипова, С. О. Куспак (г. Петрозаводск, Республика Карелия)*

**1. 1. Анализ и проблемы государственной охраны объектов архитектурно-градостроительной среды и регулирования градостроительной деятельности на территории исторических городов (поселений)**.....14

*В. П. Охремчук (г. Архангельск)*

**1. 2. Проекты зон охраны объектов культурного наследия как эффективный инструмент сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических городов и селений Архангельской области**.....24

*И. С. Агафонова, А. И. Давыдов (г. Нижний Новгород)*

**1. 3. Город Городец Нижегородской области: из опыта охраны историко-культурного пространства**.....33

*В. А. Попов (г. Новгород)*

**1. 4. Застройка исторической части Великого Новгорода. Этапы развития и регламентирование**.....46

*Т. Н. Пятницкая (г. Санкт-Петербург)*

**1. 5. Принципы составления градостроительного регламента для исторической части города Тихвина**.....62

*Н. И. Завьялова (г. Москва)*

**1. 6. Архитектурный облик исторических поселений в составе охраняемых территорий**.....69

*Е. В. Кузнецов, Е. Л. Герасимова (г. Няндама, Архангельская область)*

**1. 7. Проблемы сохранения участка Северной железной дороги «Вологда–Архангельск» как объекта историко-культурного наследия**.....82

Уильям Брумфилд (США)  
1.8. Великая Тотьма: центр северного барокко.....91

ГЛАВА 2. ДЕРЕВЯННЫЕ ГОРОДА, СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ  
И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ РОССИИ.....107

О. Г. Севан (г. Москва)  
2. 1. Исторические деревянные города и поселения России:  
проблемы сохранения и развития.....108

А. П. Ермолаев (г. Москва)  
2. 2. От «архитектуры» к строительству: опыт работы в селе  
Ошевенском.....132

А. В. Иванов (г. Москва)  
2. 3. Возможности регенерации исторической среды центра  
г. Каргополя: взгляд из XXI века.....135

Е. С. Макарова, И. В. Онучина (г. Каргополь)  
2. 4. Историко-культурная среда Каргополя: гражданская  
архитектура, создатели, наследники.....145

К. В. Блинов (г. Москва)  
2. 5. Деревянные дома в облике городов Российской Федерации  
как элемент градостроительного наследия. Уникальность  
и уязвимость.....154

И. Н. Шургин (г. Москва)  
2. 6. Проблемы сохранения традиционных деревянных  
построек в сельской местности и возможности  
ее решения.....164

Н. И. Решетников (г. Москва)  
2. 7. Проблемы музеефикации архитектурного  
и градостроительного наследия.....176

А. Н. Егоров, Е. А. Забалдина (г. Каргополь)  
2. 8. О роли местного сообщества в сохранении историко-  
культурного наследия Каргополя.....184

А. И. Сорокин (г. Плес, Ивановская область)  
2. 9. Некоторые замечания о сельской архитектуре Каргополя  
(тезисы).....188

Д. В. Тузов (г. Москва)  
2. 10. Актуальные вопросы подготовки кадров по специальности  
«Реставратор».....189

ГЛАВА 3. ПИСЬМЕННЫЕ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ  
КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ И АРХИТЕКТУРНОГО  
НАСЛЕДИЯ.....193

Н. И. Тормосова (г. Каргополь), О. Н. Трапезникова (г. Москва)  
3. 1. Научно-исследовательская Геоинформационная система  
(ГИС) «Каргополье» как инструмент изучения и сохранения  
историко-культурных ландшафтов.....194

М. И. Мильчик (г. Санкт-Петербург)  
3. 2. Иконы Преподобного Александра Ошевенского  
XVIII–XIX веков: Преемственность в развитии архитектурного  
образа основанного им монастыря.....206

Т. А. Лаптева, М. В. Николаева (г. Москва)  
3. 3. Принципы описания церковной деревянной архитектуры  
в писцовых и переписных книгах XVII в.: Устьянские  
волости.....217

А. И. Комиссаренко, Н. Ю. Болотина, А. Ю. Кононова (г. Москва)  
3. 4. Писцовая книга карельских дворцовых вотчин Бежецкого  
и Ярославского уездов стольника И. И. Тютчева и подьячего  
И. Соколова 1686 г. как источник изучения истории церквей  
в карельских дворцовых поселениях и их приходов.....229

И. П. Кукушкин (г. Вологда)  
3. 5. Идеологические, религиозно-эсхатологические мотивы  
времен Ивана Грозного в градостроительстве Вологды.....235

М. С. Черкасова (г. Вологда)  
3. 6. К изучению церковно-монастырских книжных собраний  
на севере России XVI–XVII веков.....241

Приложения.....	252
Таблица 1. Книги в сельских церквях Вологодского уезда (1589/90 г.).....	252
Таблица 2. Книжное собрание Вассиановой Строкиной пустыни по описям 1581 и 1678 гг.....	253
<i>Richard Davies (England)</i>	
<b>Wooden Churches: Travelling in the Russian North</b>	
<i>Ричард Дэйвис (Англия)</i>	
Деревянные Церкви: путешествие по Русскому Северу.....	254
<b>Резолюция Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений», 2014 г.....</b>	
	259
Список сокращений.....	265
Об авторах.....	267

## Предисловие

Русский Север — одна из уникальных территорий Российской Федерации, имеющая стратегически важные для страны выходы к северным морям. Здесь расположены масштабные лесные запасы, полезные месторождения, гидроресурсы. Уникальны и местные традиции, и историко-культурное и природное наследие.

Именно поэтому Русский Север в целом и Каргополье в частности привлекают внимание ученых-исследователей, представляющих различные области науки. Вполне закономерным стало регулярное проведение конференций разнообразной тематики, инициатором и организатором которых выступает Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей. Публикуемые по результатам дискуссий материалы освещают различные стороны истории и культуры Русского Севера. При этом авторы статей, исследуя тот или иной вопрос, стремятся привлечь читателей к обсуждению проблем в сфере изучения, использования и сохранения национального достояния страны.

Первый сборник 1996 г., опубликованный по материалам конференции, посвященный 850-летию Каргополя, освещал вопросы культурного наследия<sup>1</sup>. Затем были изданы сборники с исследованиями актуальных аспектов истории и культуры северных земель. В издании 1998 г. в центре внимания были проблемы памятников и старообрядческой культуры в разных регионах нашей страны<sup>2</sup>, позже — исследования особенностей и состояния традиционной и современной культуры в исторических городах<sup>3</sup>. В связи с 2000-летием христианства были проведены две конференции, на которых поднимались вопросы христианской культуры, мест православия и его памятников на Русском Севере<sup>4</sup>. Внимание научной

<sup>1</sup> Каргополь. Историческое и культурное наследие: Материалы науч.-прак. конф., посв. 850-летию города Каргополя / Науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. — Каргополь, 1996.

<sup>2</sup> Старообрядческая культура Русского Севера: Тезисы докладов и сообщений Каргопольской науч. конф. / Науч. ред. и сост. Н. И. Решетников; науч. конс. Н. А. Кобяк. — М.: Каргополь, 1998.

<sup>3</sup> Исторический город и сохранение традиционной культуры: Опыт, проблемы, перспективы: Материалы V Каргопольской науч. конф. / Науч. ред. Н. И. Решетников. — М., 1999.

<sup>4</sup> Христианство и Север: По материалам VI Каргопольской науч. конф. / Науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. — М., 2002; Святые и святыни северорусских земель: По материалам VII Науч. рег. конф. / Науч. ред. Н. И. Решетников. — Каргополь, 2002.



В. Ф. Стожаров.  
Город  
Каргополь.  
1960-е гг.

общественности в тот период привлекла тема традиционного народного костюма и сохранения обрядности<sup>5</sup>.

В 2006 и 2010 гг. обсуждалась постоянно волнующая российских специалистов и общественность тема — изучение и сохранение историко-культурного наследия<sup>6</sup>. В центре внимания дискуссий в 2008 г. были особенности культуры российских уездных городов, что объяснялось актуализацией проблемы охраны наследия в малых и крупных городах<sup>7</sup>. В связи с 400-летием освобождения

<sup>5</sup> Народный костюм и обрядность на Русском Севере: Материалы VIII Каргопольской науч. конф. / Науч. ред. Н. И. Решетников; сост. И. В. Онучина. — Каргополь, 2004.

<sup>6</sup> Историко-культурное наследие Русского Севера: Проблемы изучения, сохранения и использования: Материалы IX Каргопольской науч. конф. / Науч. ред. Н. И. Решетников, И. В. Онучина; сост. Н. И. Тормосова. — Каргополь, 2006; Культура Поонежья X–XXI вв.: общерусские черты и региональные особенности: материалы XI Каргопольской науч. конф. / Науч. ред. и сост. И. В. Онучина, Н. И. Решетников. — Каргополь, 2011.

<sup>7</sup> Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции: Материалы X Каргопольской науч. конф. / Науч. ред.: Н. И. Решетников, И. В. Онучина; сост. И. В. Онучина. — Каргополь, 2009.

от польско-литовских интервентов, в 2012 г. рассматривались события, происходившие на Русском Севере в XVII в.<sup>8</sup>.

Среди всех этих проблем наиболее актуальными являются изучение, сохранение и использование архитектурно-художественного и градостроительного наследия. Уникальные памятники архитектуры за долгие годы нигилизма и господствовавшей советской идеологии разрушались или исчезали безвозвратно. Храмы и их ансамбли гибли в результате человеческого небрежения или стихийных бедствий. Особенно сильно пострадали памятники деревянного зодчества от пожаров: гибли ансамбли с шатровыми, бочкообразными и куполообразными завершениями, а также уникальные подкупольные росписи небес. А вместе с этим исчезали культурные ландшафты и окружающая сельская и городская среда.

Так или иначе, вопросы сохранения историко-культурного наследия постоянно рассматривались в сборниках по материалам Каргопольских научных конференций. Еще на первой конференции в 1996 г. с результатами своих исследований выступили кандидат искусствоведения М. И. Мильчик<sup>9</sup>, архитектор Научно-производственного центра по охране памятников архитектуры Архангельской области Н. Н. Уткин<sup>10</sup>, старший научный сотрудник Каргопольского музея М. Н. Крючкова<sup>11</sup> и др.

Проблемы сохранения деревянного зодчества рассматривал в своих работах управляющий Фонда «Поддержка памятников деревянного зодчества» И. Н. Шургин<sup>12</sup>. Кроме того, в статье в сборнике, подготовленном к 95-летию Каргопольского музея, он резюмирует, что по результатам исследования храма Рождества Христова

<sup>8</sup> XVII век в истории и культуре Русского Севера: Материалы XII Каргопольской науч. конф. / Науч. ред. Н. И. Решетников; сост. Н. И. Тормосова. — Каргополь, 2012.

<sup>9</sup> См.: Мильчик М. И. Александро-Ошевенский монастырь и его роль в архитектурно-пространственной структуре волости // Каргополь. Историческое и культурное наследие... С. 93–112.

<sup>10</sup> См.: Уткин Н. Н. О градообразующем значении Новгородского волока в свете изучения города Каргополя // Там же. С. 71–76.

<sup>11</sup> См.: Крючкова М. Н. Соборная колокольня города Каргополя: легенды и факты // Там же. С. 87–92.

<sup>12</sup> См.: Шургин И. Н. Деревянные надгробные памятники кладбища деревни Чучкас на Верхней Пинеге // Там же. С. 173–192; он же. Часовни Кенозерья // Старообрядческая культура Русского Севера... С. 116–121; он же. Деревянные церкви с трапезными в монастырях Русского Севера // Исторический город... С. 133–136; он же. Некоторые архитектурные особенности деревянных церквей XVII–XVIII веков в уездных городах Русского Севера // Уездные города России... С. 173–183; он же. Георгиевская церковь на р. Ерге — новооткрытый деревянный памятник XVII века в Архангельской области // Историко-культурное наследие Русского Севера... С. 213–220; он же. Деревянные церкви первой половины XVII века без алтарного прируба // XVII век в истории... С. 85–93.

на погосте Большая Шалга был разработан проект его реставрации. Теперь дело за его реализацией<sup>13</sup>.

Активным участником многих Каргопольских научных конференций является М. И. Мильчик<sup>14</sup>, при непосредственном участии которого проходят круглые столы и принимаются основные заключительные документы. К его авторитетному мнению прислушиваются многие специалисты в области архитектурного и градостроительного наследия.

Интересны работы заведующего сектором «Деревянное зодчество» НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, кандидата архитектуры А. Б. Бодэ<sup>15</sup>, который в одной из своих аналитических статей рассматривает каменное зодчество Каргополя, его особенности и новые данные по истории и архитектуре Сретено-Михайловской церкви в Красной Ляге. Подводя итоги своим исследованиям, он пишет: «По количеству памятников и их художественной цельности Каргополь сопоставим с Великим Устюгом. Однако Устюг представляет более молодой пласт в истории русской архитектуры. Каргополь древнее, его каменная летопись вобрала в себя больше исторических периодов. Колорит древнерусского зодчества, его особенности в Каргополе ощущаются очень остро»<sup>16</sup>.

Исследования архитектурного наследия в среде бытования Каргополя проводили и научные сотрудники Каргопольского музея Д. В. и Н. И. Тормосовы. В ходе Онежской экспедиции они выявили, что архитектурное наследие Каргополя, некогда слывшее «страной деревянного зодчества» и славившееся исключительным мастерством старых мастеров, сегодня имеют многочисленные утраты<sup>17</sup>.

К архитектурному наследию Каргополя обращались и другие исследователи, рассматривавшие памятники с разных позиций,

<sup>13</sup> См.: Русский Север. По страницам летописи веков Каргополя: авторский сборник / Науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. — М., 2014. — С. 85–86.

<sup>14</sup> См.: Мильчик М. И. Злоключения каргопольских плотников на дворе московского дьяка в 1690 г. // Уездные города России... С. 43–54; он же. Деревянные крепости Колы и Холмогор системы обороны Поморья XVI–XVII веков // XVII век в истории... С. 20–32

<sup>15</sup> См.: Бодэ А. Б. Поонежские покрытые бочкой храмы // Историко-культурное наследие... С. 196–203; он же. Об особенностях зодчества Каргополя. Синтез эпох // Уездные города России... С. 184–191; он же. Кубоватые храмы Онеги // Культура Поонежья... С. 311–322; он же. Деревянные поонежские храмы XVII века: История, архитектура, современное состояние // XVII век в истории... С. 77–84.

<sup>16</sup> Бодэ А. Б. Архитектурное наследие Каргополя // Русский Север: По страницам летописи веков Каргополя... С. 61.

<sup>17</sup> Тормосов Д. В., Тормосова Н. И. Памятники церковной архитектуры Поонежья: история и современность // Христианство и Север... С. 48.

и их статьи включались в разные тематические сборники или в монографии. Проблемы изучения культовой деревянной архитектуры рассматривает один из авторов генплана и ряда проектов реставрации музея деревянного зодчества «Малые Корелы», член ИКОМОС О. Г. Севан<sup>18</sup>. Своими наблюдениями и открытиями делится с читателями главный специалист по сохранению памятников зодчества НП «Кенозерский» Л. Г. Шаповалова<sup>19</sup>. О храмовом строительстве повествует директор Вельского муниципального музея Г. А. Веревкина<sup>20</sup>.

Проведенная в 2014 г. международная конференция, тринадцатая по счету, имела международный характер и была посвящена актуальным проблемам изучения и сохранения архитектурного и градостроительного наследия исторических поселений. В научном собрании участвовали специалисты, занимающиеся как исследованием, так и проектированием и строительством в исторических поселениях. Также были представлены как отечественные научные кадры из музеев Архангельска, Великого Новгорода, Вологды, Москвы, Новосибирска, Няндомы Архангельской области, Плеса Ивановской области, Санкт-Петербурга и других российских городов, так и специалисты из Англии и США. Самой представительной была делегация от Каргополя.

В общей сложности были заслушаны 43 доклада, которые сопровождались активным обсуждением. На заседаниях рассматривалось несколько научных проблем, которые были классифицированы по следующим темам:

- бъекты культурного наследия в исторических поселениях и ландшафтах: проблемы изучения и сохранения;
- проблемы градостроительной охраны и проектирования городов и поселений;
- деревянные города и сельские поселения России;
- письменные и другие источники как инструмент изучения архитектурного наследия.

В ходе работы состоялась выездная сессия в ряд сельских поселений Каргополя (сел Архангело и Ошевенское). Были осмотрены комплекс жилых построек и полуразрушенного Александро-

<sup>18</sup> См.: Севан О. Г. Культовая деревянная архитектура XVII–XIX веков в системе поселений Русского Севера: к постановке вопроса // XVII век в истории... С. 67–76.

<sup>19</sup> См.: Шаповалова Л. Г. Влияние каменного зодчества уездного Каргополя на архитектуру окрестностей // Уездные города России... С. 192–198; она же. Монастырское освоение северного края и забытые обитатели Каргополя // Русский север. По страницам летописи... С. 87–98.

<sup>20</sup> См.: Веревкина Г. А. Храмовое строительство в городе Вельске Вологодской губернии на рубеже XIX–XX веков // Уездные города России... С. 111–118.

Ошевенского монастыря, деревянная шатровая Богоявленская церковь (1784) с колокольней и обсуждены проблемы сохранения уникального храма и разрушающейся колокольни. Местные жители организовали для участников конференции чаепитие в одном из гостевых домов поселения и приняли участие в фольклорных мероприятиях. Позже состоялась встреча с архитектором и руководителем Мастерской ТАФ, профессором МАРХИ А. П. Ермолаевым и его коллегами. Обсуждались вопросы, на которых мастер акцентировал внимание, в первую очередь касающиеся методов сохранения деревянных сооружений в сельской среде. Для участников конференции была проведена экскурсия и показаны различные экспозиции в интерьерах сохранившихся жилых домов, реконструированные и реставрируемые объекты, а также новые сооружения. Несомненно, этот визит продемонстрировал один из реальных живых примеров успешного решения вопросов сохранения и осторожного вмешательства в жилую сельскую среду.

Научная конференция завершилась круглым столом «Исторические города и селения Архангельской области: проблемы и решения», на котором обсуждалась современная ситуация в сфере изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений. По результатам докладов и этих обсуждений была принята резолюция, которая разослана в различные уровни власти и в Министерство культуры РФ. Оргкомитет конференции и редколлегия сборника выражают благодарность участникам конференции за активное участие в ней и подготовку статей для настоящего сборника. Отдельно благодарим Ассоциацию развития научных инициатив «Научная инициатива», Ассоциацию деревянного домостроения и НЛК Домостроение за помощь в издании материалов сборника. Каргопольский музей, Российский Комитет ЕКОВАСТ и РК ИКОМОС надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество с научным сообществом в решении проблем изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия России.

*Редакционная коллегия*

## ГЛАВА 1.

### ИЗУЧЕНИЕ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОХРАНЫ



г. Коломна, Московская область. Рисунок О. Севан, 1987 г.

### **1.1. Анализ и проблемы государственной охраны объектов архитектурно-градостроительной среды и регулирования градостроительной деятельности на территории исторических городов (поселений)**

В международной практике тенденция перехода от сохранения единичных памятников — объектов культурного наследия к сохранению памятников в сложившемся природном и архитектурно-градостроительном окружении, а позднее — к осознанию специфической историко-культурной ценности и сохранению целостных фрагментов этой среды, включающей единичные памятники и ансамбли, начала складываться во второй половине XX в.

В 1957 г. в Париже, впервые в послевоенной Европе, состоялся международный конгресс архитекторов и специалистов по историческим постройкам, на котором была обозначена проблема интеграции исторических построек в современное городское пространство и планирование.

Венецианская хартия 1964 г. значительно расширила понятие «исторический памятник», включив в него не только отдельные объекты, но и, как сказано в документе, «городскую или сельскую среду, носящие характерные признаки определенной цивилизации, знаменательного пути развития или исторического события». Таким образом, научное сообщество распространило свой профессиональный интерес не только на выдающиеся памятники, но также на «более рядовые» исторические постройки, приобретающие с течением времени значительную культурную ценность. Время подтвердило правильность такого подхода: ведь за прошедшие годы типология и видовая принадлежность культурного наследия, и, соответственно, количественный состав памятников, многократно увеличились. Правда, значительно расширился и круг проблем, связанных с их сохранением.

В нашей стране впервые официальный список исторических городов был сформирован в 1970 г. решением Государственного комитета по строительству и Коллегии Министерства культуры РСФСР, когда в него были включены первые 115 городов и других населенных мест, «имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные

ландшафты и древний культурный слой земли, представляющие археологическую и культурную ценность».

В 1990 г. совместным постановлением коллегии Минкультуры РСФСР, коллегии Госстроя РСФСР и Президиума Центрального Совета ВООПиК этот список был существенно расширен, и в него были включены 426 городов, 54 поселка городского типа и 56 сел. В 2002 г. в списке значились 478 городов и поселков городского типа (села отсутствовали). В 2010 г. приказом Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ (№ 418/339 от 25.07.2010 г.) был утвержден перечень исторических поселений, градостроительная документация по которым согласовывается с федеральным органом охраны объектов культурного наследия. В указанный список не вошел ни один из пяти городов Республики Карелия, включенных в перечень исторических городов Российской Федерации, утвержденный в 1990 г.

На этом можно закончить краткий экскурс в историю вопроса и перейти к рассмотрению ряда проблем сохранения архитектурно-градостроительной среды исторических поселений, обусловленных недостатками действующего законодательства.

В российском законодательстве об объектах культурного наследия понятие «историческое поселение» впервые появляется в Федеральном законе № 73-ФЗ от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1978 г. предусматривал необходимость согласования проектов планировки, застройки и реконструкции городов и других населенных пунктов, имеющих памятники истории и культуры, с органами охраны памятников и ВООПиК, но само понятие «исторический город или поселение» в нем отсутствовало.

В первой редакции Федерального закона № 73-ФЗ определение звучало так: «Историческим поселением в целях настоящего Федерального закона является городское или сельское поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для

сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию».

Как видим, определение повторяет формулировку из списка исторических городов 1970 г. В научной, академической терминологии термин «поселение» является универсальным и может обозначать населенный пункт любого типа — город, село, деревню, существующий, утраченный и т. д., а также один из типов археологических объектов.

Но если обратиться к другим страницам действующего законодательства, прежде всего, Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, мы встречаем употребление термина «городское или сельское поселение» совсем в ином значении. Согласно ст. 2 данного закона (основные термины и понятия) «поселение», городское или сельское — это один из 5 видов муниципальных образований, т. е. часть территории Российской Федерации, на которой действует местное самоуправление (а всего данным законом было установлено 5 видов муниципальных образований, в мае 2014 г. добавлено еще 2).

В таком же значении понятие «городское или сельское поселение» используется законодательством по территориально-административному делению, Градостроительным кодексом Российской Федерации (от 29.12.2004 № 190-ФЗ) и другими правовыми актами. Все они приняты уже после вступления в действие Федерального закона № 73-ФЗ в 2002 г.

Но поскольку межселенные территории в соответствии с действующим законодательством отсутствуют, объекты культурного наследия всегда располагаются в границах того или иного поселения, но эти поселения далеко не всегда являются историческими. Так, из 22 городских и 87 сельских поселений в Карелии (а республиканский закон «О городских и сельских поселениях в Республике Карелия» был принят в 2004 г.) лишь единицы не имеют объектов культурного наследия в своих границах.

Федеральным законом от 12.11.2012 № 179-ФЗ в ст. 59 Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» были внесены изменения, и формулировка стала звучать так: *«Историческим поселением в целях настоящего Федерального закона являются включенные в перечень исторических поселений федерального значения или в перечень исторических поселений*

*регионального значения населенный пункт или его часть, в границах которых расположены объекты культурного наследия, включенные в реестр, выявленные объекты культурного наследия и объекты, составляющие предмет охраны исторического поселения».*

Еще до издания вышеупомянутого приказа федерального Министерства культуры и Министерства регионального развития от 2010 г. (сформировавшего перечень исторических поселений федерального значения), в Карелии по результатам комплексных научных исследований территории, проведенных специалистами-архитекторами в 1991–1996 гг., был сформирован сводный перечень исторических поселений, в который помимо упоминавшихся ранее 5 исторических городов входили еще 156 традиционных поселений, преимущественно — исторических деревень.

Конечно же, этот список подлежал пересмотру, однако на настоящий момент сложилась ситуация, при которой предусмотренный статьей 59 перечень исторических поселений регионального значения в Карелии не сформирован и ни один из населенных пунктов республики не имеет утвержденных границ исторической части и перечней ценных градоформирующих объектов и иных особенностей, составляющих предмет охраны исторического поселения.

Для формирования пакета обосновывающих документов необходимо проведение комплексных натурных исследований, требующих существенных временных и финансовых затрат, тогда как темпы нового строительства на исторических территориях ежегодно наращиваются, угрожая сохранности традиционной архитектурно-градостроительной среды.

Формирование перечня исторических поселений федерального значения закон возлагает на федеральный орган охраны объектов культурного наследия (Министерство культуры РФ) в *«установленном им порядке»*, формирование перечней исторических поселений регионального значения — на органы государственной власти субъектов Федерации, в порядке, установленном законом субъекта Федерации. Принцип распределения полномочий в данном случае сопоставим с подходом при принятии решения о включения объектов культурного наследия в реестр или о создании историко-культурного заповедника (федерального или регионального значения).

Сложность принятия решения о придании некой территории, насыщенной памятниками и другими историко-культурными

особенностями, статуса историко-культурного заповедника или исторического поселения, как и необходимость проведения специальных исследований в этой области и привлечения к проработке такого рода вопросов высококвалифицированных специалистов, вполне сопоставимы. И потому в таких случаях закономерно необходима историко-культурная экспертиза. *Однако в настоящее время проведение такой экспертизы с целью обоснования принятия на соответствующем уровне решения о включении населенного пункта или его части в перечень исторических поселений законодательством не предусмотрено.*

Следует особо отметить, что новая редакция статьи 59 № 73-ФЗ распространяется лишь на населенные пункты либо на часть их территории. С деревнями и другими поселениями, ранее бывшими самостоятельными населенными пунктами, а позднее включенными в состав более крупных градостроительных образований, более или менее понятно. А как быть с поселениями, соответствующими критериям исторического поселения, но *утратившими статус населенных пунктов (БНП)?*

В Карелии, как и во многих других регионах страны, давно расселенных во время известной «кампании по укрупнению населенных пунктов», но сохранивших свои традиционные черты, старинные деревни «оживают» только в летний период за счет приезжающего местного населения или дачников. Как один из вариантов, возможно сохранение таких «летних» деревень путем придания им статуса достопримечательного места (порядок принятия решения в таких случаях законом определен и понятен, и в Карелии есть два подобных примера). Но это не решает вопросов регулирования хозяйственной, строительной, градостроительной деятельности на таких территориях, иногда даже не имеющих статуса БНП и считающихся просто урочищами или обозначенных на картах условными надписями «разв.» или «сар.».

Но очевидно, что в зависимости от социально-экономической ситуации такая деятельность может затухать, что ведет к окончательному разрушению бывшего поселения. А может, напротив, активизироваться, что может привести к возрождению его как населенного пункта, но при этом — к полной деградации его ценных историко-культурных характеристик, если о них не побеспокоиться заранее. Поэтому требуется серьезная работа по внесению изменений в законы о территориальном устройстве (в части расширения типов населенных пунктов и поселений),

местном самоуправлении (в части расширения круга вопросов местного значения и соответствующих полномочий), лесной, земельный, градостроительный кодексы и т. д. Таким образом, работа должна выполняться на межведомственном уровне, когда речь заходит об исторических поселениях и территориях.

Много вопросов вызывает реализация положений статьи 60 № 73-ФЗ в новой редакции от 12.11.2012 г. До сих пор остается неясным, *кто и каким образом должен обеспечить «сохранность предмета охраны исторического поселения».* В отношении объектов культурного наследия эти позиции частично урегулированы действующим законодательством, за причинение физического вреда объектам культурного наследия предусмотрена ответственность, вплоть до уголовной. Но как определить нанесение ущерба «предмету охраны» исторического поселения? Какие меры можно предпринять для предотвращения этого ущерба или его компенсации в условиях явно недостаточного государственного регулирования в области градостроительства?

Градостроительный кодекс понимает «градостроительный регламент» как «устанавливаемые в пределах границ территориальной зоны виды разрешенного использования земельных участков, равно как всего, что находится над и под поверхностью земельных участков и используется в процессе их застройки и последующей эксплуатации объектов капитального строительства, предельные (минимальные и/или максимальные) размеры земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, а также ограничения использования земельных участков и объектов капитального строительства», в том числе — установленные в соответствующих зонах охраны объектов культурного наследия.

Таким образом, обеспечить применение в историческом поселении исключительно традиционных строительных материалов и технологий строительства, традиционных объемно-планировочных и архитектурных решений, обязать пользователей сохранять при реконструкции и ремонте основные характерные элементы объектов ценной историко-архитектурной застройки не представляется возможным, так как эти позиции не предусмотрены определением градостроительного регламента. (Но такие попытки имеются, о чем см. статьи В. Попова, Т. Пятницкой в настоящем сборнике. — *Прим. ред.*) Но это именно те детали и особенности, которые формируют облик исторического поселения.

Кроме того, в действующем законодательстве отсутствует правовой механизм сохранения объектов ценной и фоновой застройки исторических поселений, определяющих целостный характер исторической архитектурно-градостроительной среды. Режимы в зонах охраны объектов культурного наследия, как правило, предполагают определенные требования к сохранению объектов ценной средовой застройки и даже рядовой или фоновой застройки, к объектам компенсационного строительства и строительства в буферных зонах. При этом соответствующие понятия отсутствуют как в нормативно-правовых документах, регулирующих градостроительную деятельность, так и в законодательстве, касающемся объектов культурного наследия.

По этим причинам настаивать на применении к зданиям, не являющимся объектам культурного наследия, особых требований в части их реконструкции, реставрации отдельных элементов, сохранения до возможного признания их памятниками и иных ограничений, сегодня не представляется возможным.

При существующем правовом регулировании и распределении полномочий предусматриваемое законодательством *особое регулирование градостроительной деятельности в исторических поселениях*, к сожалению, не более чем декларация. Пункт 3 ст. 60 № 73-ФЗ в действующей редакции гласит, что «особое регулирование градостроительной деятельности в историческом поселении осуществляется органами местного самоуправления (про города федерального значения Москву и Санкт-Петербург, являющиеся самостоятельными субъектами Федерации, мы сейчас не говорим) и включает в себя:

1. проведение анализа состояния территории исторического поселения, проблем и направлений ее устойчивого развития с учетом обеспечения сохранности объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия, предмета охраны исторического поселения;
2. определение перечня мероприятий по устойчивому развитию территории исторического поселения;
3. разработку градостроительных регламентов, предусматривающих предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, ограничения использования земельных участков и объектов капитального строительства, с учетом требований к сохранению планировочной структуры исторического поселения, размерам и пропорциям

зданий и сооружений, использованию отдельных строительных материалов, цветовому решению, запрет или ограничение размещения автостоянок, рекламы и вывесок, другие ограничения, необходимые для обеспечения сохранности объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия, предмета охраны исторического поселения;

4. обеспечение согласования проектов генеральных планов, проектов правил землепользования и застройки, подготовленных применительно к территориям исторических поселений федерального значения и территориям исторических поселений регионального значения».

Очевидно (и как правило), органам местного самоуправления поселений без помощи властных структур регионального и федерального уровней не по силам обеспечить грамотное, всестороннее формирование перечисленных требований и их соблюдение всеми участниками градостроительной деятельности, в том числе индивидуальными застройщиками. Кроме того, по первым трем пунктам для обеспечения корректного исполнения четвертого также напрашивается проведение государственной историко-культурной экспертизы, что, как уже было отмечено выше, действующим законодательством не предусмотрено.

В дополнение к существенным пробелам законодательства следует отнести *отсутствие правового статуса историко-культурного опорного плана*. Данный план, аккумулирующий всю полноту имеющейся информации по планировке и застройке исторического поселения, должен являться своего рода «дежурной картой», оперативно отображающей происходящие изменения градостроительной ситуации, и основным инструментом регулирования современной градостроительной деятельности на исторических территориях. Однако как в Градостроительном кодексе, так и в законодательстве об объектах культурного наследия отсутствует упоминание о существовании такого документа, не определен порядок его утверждения, ведения и применения.

Но упоминая о *согласовании градостроительной документации* с органами охраны объектов культурного наследия, стоит обратить внимание на то, что и здесь также имеются вопросы, недостаточно урегулированные действующим законодательством, и прежде всего Градостроительным кодексом. Согласно ему, зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации относятся к зонам

с особыми условиями использования территорий (ГК РФ, ст. 1, п. 4) и отображаются в документах территориального планирования и градостроительного зонирования, в том числе — в генеральных планах и правилах землепользования и застройки территорий в составе городских и сельских поселений и городских округов (ГК РФ, ст. 30, п. 5).

Однако разработка или корректировка зон охраны объектов культурного наследия в составе градостроительной документации не предусмотрена, и вопросы, касающиеся государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия, не входят в определенный действующим порядком состав вопросов, подлежащих согласованию. При отсутствии утвержденных предметов охраны исторических поселений процедура согласования градостроительной документации с органами охраны объектов культурного наследия фактически сводится к проверке корректности отображения границ и режимов установленных зон охраны объектов культурного наследия, а также полноты статистических данных по памятникам.

Более того, в случае выявления новых объектов культурного наследия, утверждения границ территории объекта культурного наследия или установления зон охраны соответствующие изменения в генеральный план или правила землепользования и застройки вносятся органами местного самоуправления в установленном Градостроительным кодексом порядке, т. е. через процедуру публичных слушаний, хотя и имеют обязательный характер. Как пример, можно сослаться на курьезный случай, когда депутаты Петрозаводского совета не утвердили внесение изменений в Правила землепользования и застройки города в части отображения границ одного из двух выявленных памятников археологии.

Наконец, особо следует отметить проблему отсутствия у органов охраны объектов культурного наследия полномочий по контролю за соблюдением ограничений, установленных в зонах охраны объектов культурного наследия, в условиях заметной активизации современной экономической и строительной деятельности. Предусматривавшееся ранее законом № 73-ФЗ согласование проектов нового строительства в границах таких зон с органами охраны объектов культурного наследия в рамках приведения законодательства в соответствие Градостроительному кодексу исключено<sup>21</sup>.

<sup>21</sup> Ст. 30 Федерального закона от 18.12.2006 № 232-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Порядок разработки и согласования проектной документации определен ст. 48 Градостроительного кодекса; в соответствии с ч. 16 вышеназванной статьи, требовать согласования проектной документации, заключение на проектную документацию и иные документы, не предусмотренные Градостроительным кодексом, не допускается.

Как мы видим, согласование в случае нового строительства в зоне охраны объекта культурного наследия градостроительного плана земельного участка с органом охраны памятников законодательством не предусмотрено. В результате в случае недоработки или некомпетентности специалистов муниципального уровня застройщик может не знать о наличии существенных ограничений вплоть до наступления конфликтной ситуации.

Также крайне негативно сказывается на состоянии исторической архитектурной среды норма Градостроительного кодекса, не требующая разработки проектной документации при осуществлении индивидуального жилищного строительства. Вопросы сохранения такой важной неотъемлемой части среды исторического поселения, как культурный ландшафт, законодательством вообще практически не регулируются.

К сожалению, любая из затронутых проблем заслуживает отдельного и более подробного обсуждения. Однако и перечисленные примеры свидетельствуют о необходимости безотлагательного внесения на федеральном уровне существенных изменений в действующее законодательство в целях устранения правовых пробелов в сфере комплексного сохранения архитектурно-градостроительного наследия малых исторических городов и сельских поселений.

\*\*\*

Пока данный материал готовился к публикации, Федеральным законом от 22.10.2014 № 315 были внесены изменения в Федеральный закон от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», которые вступают в силу 22 января 2015 г. Анализ внесенных изменений может стать темой доклада на следующей конференции, посвященной вопросам сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений.



г. Каргополь, Архангельская губерния. Христорождественский собор.  
Фото начала XX века.

*В. П. Охремчук (г. Архангельск)*

### **1.2. Проекты зон охраны объектов культурного наследия как эффективный инструмент сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических городов и селений Архангельской области**

Перед тем как перейти непосредственно к зонам охраны, хотелось бы сказать несколько слов об исторических поселениях, коим у нас является город Каргополь. Так как зоны охраны именно исторических поселений должны иметь свои особенности, и связаны они с особым статусом городов, которые признаны таковыми. «Историческое поселение — это городское или сельское поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия, имеющие важное значение для сохранения



г. Каргополь, Архангельская область. Христорождественский собор.  
Фото О. Севан, 2012 г.

самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию»<sup>22</sup>.

Главная причина исключения многих городов из списка исторических заключается в том, что статус «исторического поселения» дает не только привилегии, но и накладывает определенные ограничения на современную деятельность внутри территории. Статус исторического населенного пункта позволяет сохранять культурное наследие города, но при этом способствует естественному угасанию города как живого, развивающегося организма. Поэтому в январе 2011 г. губернатор Петербурга Валентина

<sup>22</sup> В соответствии с Приказом Минкультуры РФ № 418, Минрегиона РФ № 339 от 29 июля 2010 г. «Об утверждении перечня исторических поселений» к историческим поселениям относятся 41 город, среди которых два расположены на территории Архангельской области: города Каргополь и Сольвычегодск. Следует отметить, что в упомянуто приказе перечень исторических городов России был сокращен с 478 до 41. При этом он не является исчерпывающим, так как согласно п. 2 Приказа Росохранкультуре, Департаменту культурного наследия и изобразительного искусства Минкультуры России было необходимо представить в 6-месячный срок предложения по дополнению Перечня.

Матвиенко обратилась к премьеру В. В. Путину с просьбой исключить Санкт-Петербург из списка исторических поселений, власти которых с июля 2010 г. обязаны были согласовывать градостроительную документацию с Росохранкультурой.

Государственной охране в историческом поселении подлежат: планировка; застройка; композиция; природный ландшафт; археологический слой; соотношение между различными городскими пространствами (свободным, застроенным, озелененным); объемно-пространственная структура; фрагментарное и руинированное градостроительное наследие; форма и облик зданий и сооружений, объединенных масштабом, объемом, структурой, стилем, материалами, цветом и декоративными элементами, соотношение с природным и созданным человеком окружением; различные функции, приобретенные им в процессе развития; другие ценные объекты.

Главными целями охраны исторических поселений являются:

- сбережение, восстановление и совершенствование архитектурной среды, целостности архитектурного облика исторических городов как важнейшего компонента национального культурного достояния России;
- создание благоприятных условий для улучшения функционирования исторических городов и обеспечения комфортных условий проживания и пребывания в них.

Для достижения целей охраны необходимо решить ряд задач:

- исследование, объективная оценка, восстановление и совершенствование архитектурного наследия исторических городов разной величины, типа и профиля;
- комплексная реконструкция и возрождение исторических центров городов как мест наибольшей концентрации объектов архитектурного наследия, имеющих непосредственную функциональную взаимосвязь с современной инфраструктурой поселения;
- создание наилучших условий жизни в исторических частях городов, поддержание и развитие социального обслуживания, образования, деятельности религиозных конфессий, туризма;
- улучшение условий для экономической деятельности в исторических городах с целью восстановления и развития традиционных производств, народных художественных промыслов и ремесел, торговых ярмарок, выставок;
- обеспечение нормативно-правовой, научно-методической, проектно-изыскательской, строительно-технологической, финансовой,

организационной, информационной и кадровой поддержки реализации программ по сохранению и развитию исторических городов.

Выделение исторических городов как особых объектов изучения и сохранения культурного наследия началось во второй половине XX в., и в настоящее время эта деятельность приобрела международный характер. В 1987 г. в Вашингтоне ИКОМОС принял Международную хартию исторических городов, так как большое число городов (более 159) в разных странах мира имеют объекты всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Наличие самобытной историко-культурной среды — неотъемлемый признак любого исторического поселения. Большинство из них объединяет концентрация элементов их формирования в течение определенного исторического периода (планировка, застройка, благоустройство и т. д.) и связанных с ними характерных черт городской среды и образа жизни населения. Нередко они являлись духовными и культурными центрами, зачастую единственно доступными для посещения жителям прилегающих сельских территорий, центрами социокультурной жизни, развития ремесел, промыслов и торговли.

Сегодня, в условиях ускоренной реализации требований Градостроительного кодекса по разработке документов территориального планирования, реализации программ по сносу и замене ветхого жилого фонда, введение процедуры обязательного согласования с органом охраны объектов культурного наследия проектов застройки является единственно возможным механизмом сохранения уникальности, самобытности, достоверности, эстетической и художественной ценности опорной исторической застройки и всего исторического пространства и ландшафта таких городов.

Обобщение более 30-летней истории охраны объектов культурного наследия в России выявило на сегодня следующую ситуацию. Практика установления зон охраны, даже в случаях действия ограничений вокруг отдельных объектов или группы объектов, малоэффективна для сохранения исторического окружения охраняемых памятников, и часты случаи, когда потеря окружающей предметной исторической среды приводит к фактической утрате самого памятника, теряющего привлекательность, эстетическую, историческую достоверность и ценность. Но это касается отдельных зон охраны объектов культурного наследия.

Именно в исторических поселениях, а это, как правило, территории центров древнерусских городов, таких как Владимир,

Кострома, Ростов Великий, Суздаль, Ярославль, требование об обязательной государственной охране всех исторически ценных градостроительных объектов является главным фактором комплексного сохранения историко-градостроительной среды.

Очевидно, что реконструкция исторических городов неизбежна, темпы и объемы ее из года в год возрастают. В каждом случае, так или иначе, будет затронута сложившаяся историческая среда и ее пространственная основа. Но только при условии изменения вектора направленности в сфере охраны памятников истории и культуры со штучного на средовой подход возможно сохранение полноценной городской среды и неповторимого облика исторических поселений.

Кроме того, важным направлением сохранения и регулирования развития исторического города является решение вопросов жизнедеятельности его населения. Помимо идентификации наследия существенным направлением должны стать восстановление, популяризация и максимальное использование историко-культурного потенциала города в его наиболее широком понимании: объектов культурного наследия всех категорий значимости, исторической застройки, характера городской среды, традиционных промышленных производств и ремесел, народных обычаев, кулинарной традиции, форм местного самоуправления – всего того, что создает неповторимый образ места и формирует его особенный бренд в сравнении с другими территориями. Именно на этих направлениях была сосредоточена работа по разработке проекта зон охраны объектов культурного наследия, расположенных в городе Каргополь.

Для обеспечения требований действующего законодательства на территории Каргополя проектом установлены следующие зоны охраны: охранный зона (ОЗ), зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности (ЗРЗ), зона охраняемого природного ландшафта (ЗОЛ), зона охраны археологического слоя (ЗОА). Для обеспечения устойчивого развития наиболее ценной исторической территории центра города работой предусмотрен такой вид объекта культурного наследия, как достопримечательное место (далее – «ДМ»), и предложены первоначальные границы ДМ для последующей работы.

Регулирование параметров застройки исторического центра города через режимы ДМ позволит не устанавливать зоны регулирования застройки (ЗРЗ) для отдельных объектов, а осуществлять

гибкую градостроительную и охранную деятельность, позволяющую территории развиваться. Для них же зонами регулирования застройки станет территория ДМ «Каргополь»<sup>25</sup>. Важно понимать, что расположенные в пределах территорий зон охраны объекта культурного наследия земельные участки или объекты капитального строительства, виды разрешенного использования, предельные (минимальные и/или максимальные) размеры и предельные параметры которых не соответствуют режимам использования земель, как и градостроительным регламентам, установленным в границах данных зон, могут использоваться без установления срока приведения их в соответствие с указанными режимами использования земель или градостроительными регламентами. За исключением случаев, если использование таких земельных участков и объектов капитального строительства опасно для жизни или здоровья человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия.

*Реконструкция* указанных объектов капитального строительства и их частей может осуществляться *только путем приведения таких объектов в соответствие* с режимами использования земель и градостроительными регламентами, установленными в границах зон охраны объекта культурного наследия, или путем уменьшения их несоответствия установленным предельным параметрам разрешенного строительства. Границы территориальных зон и градостроительные регламенты устанавливаются с учетом общности территориальных и параметрических характеристик недвижимости, а также требований о взаимном непричинении несоизмерного вреда друг другу рядом расположенными объектами недвижимости.

Одновременно предлагается (на основании исторических картографических материалов, анализа сохранности среды и планировочной структуры исторического центра города) сформировать границы исторического поселения «Город Каргополь». Предлагаемые границы исторического поселения отражены на картографическом материале. Сформировать в его границах новый объект культурного наследия – ДМ «Каргополь». ДМ в контексте настоящей работы является частью (частями) исторической территории Каргополя. Предмет охраны достопримечательного места, являющегося частью исторического поселения Каргополь, в целом идентичен предмету охраны исторического поселения.

<sup>25</sup> Научно-проектная документация «Проект зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории города Каргополя». Авторский коллектив: Лукашев А. В., Хичков В. Е., Данько Е. Н. и др. НКО «Фонд "Институт проблем устойчивого развития городов и территорий"», Ярославль, 2014–2015 гг.

Основываясь на норме Федерального закона № 73-ФЗ, предметами охраны достопримечательного места, подлежащими сохранению при всех видах градостроительной или иной деятельности, являются следующие градоформирующие объекты:

**Планировка:**

- направления улиц;
- расположение, форма и размеры площадей, скверов, бульваров;
- исторические красные линии и исторические линии застройки (сохраняемые исторические красные линии и исторические линии застройки обозначаются на историко-градостроительном опорном плане, поскольку в ряде случаев они могут быть изменены в связи с приоритетностью градостроительных задач);
- иерархия элементов исторической планировки и застройки;
- плотность застройки;
- ритм и модуль застройки.

**Застройка:**

- объекты культурного наследия — памятники, ансамбли (подлежат реставрации и другим мероприятиям по их сохранению в соответствии с требованиями Федерального закона и общепринятых методик);
- объекты, обладающие признаками объектов культурного наследия и предлагаемые научно-исследовательской документацией к включению в Единый государственный реестр объектов культурного наследия в качестве памятников, ансамблей (подлежат реставрации и другим мероприятиям по их сохранению в соответствии с требованиями Федерального закона и общепринятых методик);
- ценные объекты историко-градостроительной среды (подлежат ремонтным работам или реконструкции с элементами реставрации);
- рядовые объекты историко-градостроительной среды — в том случае, если определена целесообразность их ремонта или реконструкции;
- историческое местоположение памятников, ансамблей;
- высотные характеристики (новые включения не должны превышать основные высотные характеристики исторической застройки, характерные для данного ДМ);
- объемно-пространственная композиция исторической застройки, силуэтные характеристики, конфигурация кровель, характерные для исторической застройки данного ДМ (новые включения не должны нарушать образ ДМ по данному показателю);

- тип организации уличного фронта, характерный для данного ДМ (новые включения должны поддерживать его и не нарушать образ ДМ по данному показателю);
- историческая парцелляция (исторические границы владельческих участков — там, где они могут быть выявлены и закреплены);
- стилистика и масштаб, характерные для основной массы исторических сооружений в пределах данного ДМ (новые включения должны поддерживать их и не нарушать образ ДМ по данному показателю);
- традиции в использовании строительных и отделочных материалов, цветовой гаммы фасадов (новые включения должны поддерживать их и не нарушать образ ДМ по данному показателю);
- традиционно используемые элементы малых архитектурных форм (новые включения должны поддерживать их и не нарушать образ ДМ по данному показателю).

**Композиция:**

- образные характеристики данного ДМ;
- объемно-пространственная структура территории ДМ, т. е. соотношение (по массам, высотным и силуэтным параметрам) между исторической городской застройкой и историческими архитектурными (градостроительными) доминантами; система расположения доминант, как существующих, так и утраченных, составляющих (или составлявших) пространственно-видовой каркас города, соотношение их с окружающим и включенным в ДМ природным и рукотворным ландшафтом, с высотными характеристиками рельефа местности; соотношение между застроенными и незастроенными пространствами;
- композиционные оси и связи внутри данного ДМ, оси и связи с другими участками города;
- виды и панорамы, открывающиеся с главных точек восприятия городских ландшафтов.

**Природный ландшафт:**

- рельеф местности (береговые откосы, овраги);
- зеленые массивы;
- отдельные великообразные деревья ценных пород.

**Определение ориентировочных границ исторического поселения «Город Каргополь».** Проектом зон охраны объектов культурного наследия регионального значения были предложены границы территории исторического поселения «Город Каргополь». На основании историко-культурного опорного плана границы

исторического поселения могут проходить следующим образом: ул. Окружная, Октябрьский проспект, ул. Чапаева, ул. Семеновская, ул. Державина, ул. Ленинградская, ул. Сергеева, Садовый пер., Зеленый пер., параллельно ручью, ул. Ленина, ул. Военных Курсантов, Октябрьский просп. до пересечения с ул. Красная Горка на СЗ до пересечения с ул. Ленина до пересечения с Первым Загородным пер., по Первому загородному пер., ул. Павловская, ул. Южная, ул. Полевая, по ручью до р. Онеги.

**Определение ориентировочных границ выявленного объекта культурного наследия — ДМ «Каргополь».** На основании историко-культурного опорного плана границы ДМ могут проходить следующим образом: ул. Чапаева, ул. Семеновская, Зеленый пер., параллельно ручью, Октябрьский просп., ул. Онежская, ул. Ленина, ул. 3-го Интернационала, Октябрьский просп. Ул. Набережная А. А. Боранова, по ручью, Октябрьский просп., на ЮЗЗ до пересечения с ул. Ленина, по ул. Ленина, на ЮВВ 395 м, параллельно р. Онеге до ул. Набережная А. А. Боранова.

Таким образом, разработав проект зон охраны объектов культурного наследия, расположенных в городе Каргополь, Министерство культуры Архангельской области провело совместно с Министерством культуры РФ работу и по определению границ исторического поселения «город Каргополь». В случае принятия данного проекта градостроительная политика в городе Каргополь будет детализирована и будет иметь конкретные рамки. При этом необходимо отметить, что проект предусматривает конкретное развитие города Каргополь, хозяйственная деятельность не будет остановлена, городу Каргополь будет придан современный вектор развития.

Также, благодаря данному проекту мы сможем однозначно сказать, что будут созданы условия для сохранения объектов культурного наследия, расположенных в городе Каргополь, для сохранения исторической среды и застройки, которая не признана памятниками, но создает колорит и является особенностью исторического поселения. В настоящее время проект зон охраны объектов культурного наследия, расположенных в городе Каргополь, получил положительное заключение государственной историко-культурной экспертизы и направлен на согласование МК РФ.

К сожалению, мы должны констатировать, что зонами охраны объектов культурного наследия на территории Архангельской области до 2010 г. практически не занимались, им не уделялось необходимое внимание. В настоящее время ведется работа по подготовке

к утверждению зон охраны городов Архангельск, Сольвычегодск, Каргополь, Онега, разработаны зоны охраны сел Холмогоры, Ломоносово, МО «Матигорское», территорий Кенозерского национального парка и ряд других. Первым опытом по утверждению зон охраны станет город Архангельск, в ближайшее время данный вопрос будет вынесен на заседание Правительства Архангельской области. Принятие данных проектов (выполнение данной работы) позволит сохранить архитектурно-градостроительное наследие исторических городов и селений Архангельской области.

*И. С. Агафонова, А. И. Давыдов (г. Нижний Новгород)*

### **1.3. Город Городец Нижегородской области: из опыта охраны историко-культурного пространства**

Городец, основанный во второй половине XII в., является старейшим городом Нижегородского Поволжья. Он входил в перечень исторических населенных мест общероссийского значения, утвержденный в 1990 г. Министерством культуры РСФСР, Госстроем РСФСР и Центральным советом ВООПиК, а еще раньше, в 1960 г., постановлением Совета Министров РСФСР «древнерусский город Городец» был взят на государственную охрану как памятник археологии. Однако, как это ни парадоксально, но по совершенно непонятным причинам в перечень исторических поселений, утвержденный приказом Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ в 2010 г., он не попал. И это несмотря на то, что Городец имеет богатейшую историю и обладает огромным историко-культурным потенциалом: только официально в нем на государственной охране находятся 64 объекта культурного наследия (памятника истории и культуры), из них 23 архитектурных ансамбля<sup>24</sup>. Он до сих пор остается центром народных художественных промыслов. Городецкие резьба и роспись по дереву, пряничное производство широко известны по всей России и за ее пределами.

<sup>24</sup> См.: Государственные списки памятников истории и культуры Нижегородской области по состоянию на 01.01.2000 г.: Каталог. — Н. Новгород, 2001. — С. 206–215; Дополнения к Государственным спискам памятников истории и культуры Нижегородской области (по сост. на 01.01.2002): Каталог. — Н. Новгород, 2002. — С. 37.

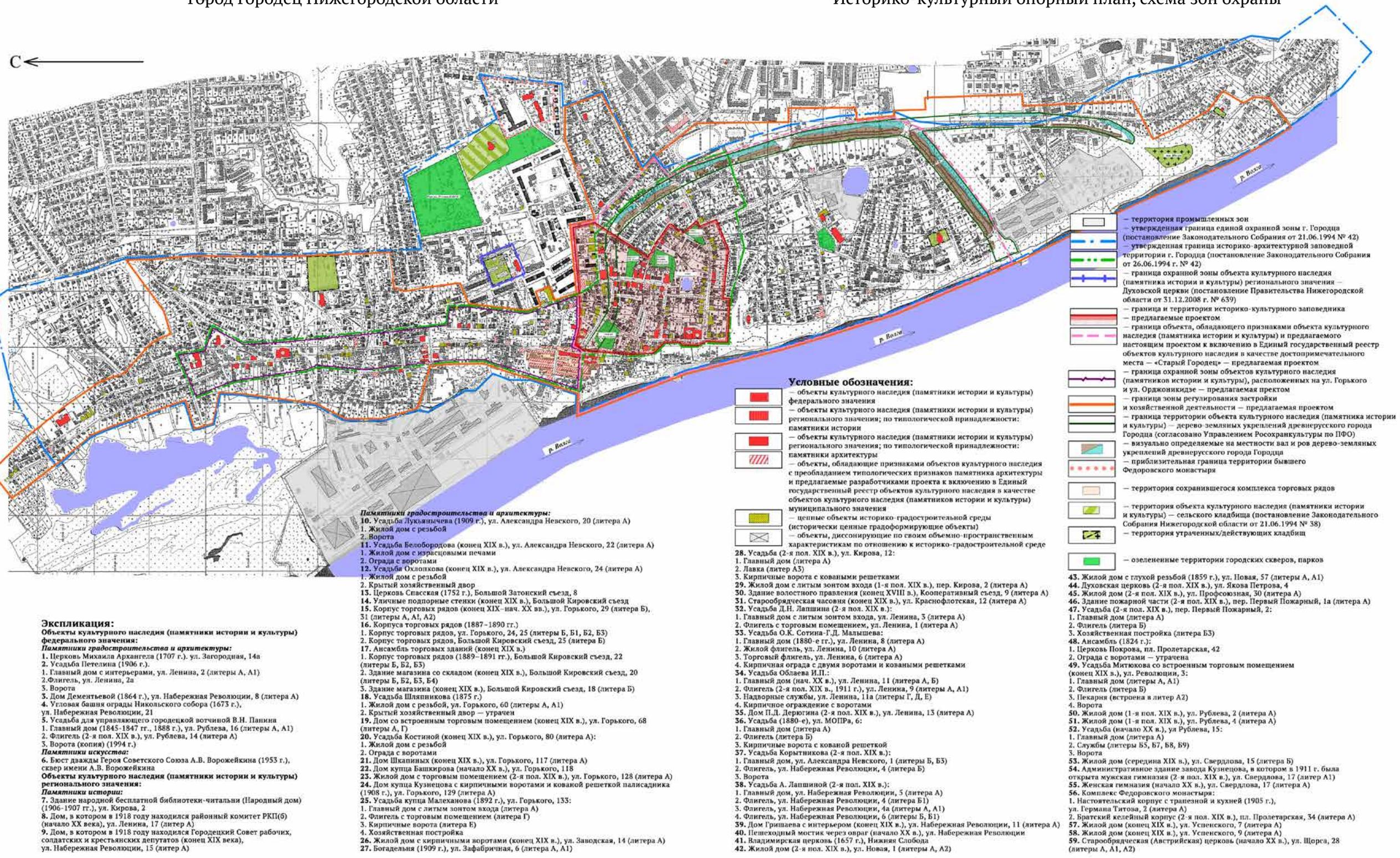


Рис. 1. Историко-культурный опорный план и проект зон охраны г. Городца. — НИП «Этнос», 2008 г.

Научно-исследовательское предприятие «Этнос» (Нижний Новгород) неоднократно с 1992 г. обращалось к проблемам охраны, реставрации и популяризации историко-культурного наследия Городца. Генеральные планы города<sup>25</sup> в определенной мере учитывали материалы наших историко-архитектурных и историко-градостроительных исследований. Во многом на их основе были юридически оформлены единая охранная зона города Городца и его заповедная территория<sup>26</sup>.

Вместе с тем, историко-культурный потенциал города далеко не в полной мере отражен в имеющейся охранной документации. Его сохранение и полноценное использование не может ограничиваться просто охраной отдельных объектов, являющихся памятниками. Кроме того, практика последних лет показала необходимость изменения ряда положений, уточнения и расширения параметров охранных мероприятий, большей четкости в регламентации градостроительной, хозяйственной и иной деятельности, существенного увеличения списка охраняемых объектов.

Принятие Федерального закона (№ 73-ФЗ), обозначившего новые, в большей степени соответствующие мировому опыту подходы и термины, потребовало пересмотра существующей охранной градостроительной документации. В связи с этим НИП «Этнос» разработало для Городца в 2008–2011 гг. проекты территорий и зон охраны на целый ряд памятников, соответствующие действующему законодательству и утвержденные затем постановлениями Правительства Нижегородской области. В их числе и знаменитые городецкие дерево-земляные укрепления XII в. (точнее, сохранившиеся до наших дней их остатки: вал и ров) (рис. 1).

В 2008–2009 гг. на примере Городца появилась возможность апробации разработанной нами научной методики выявления одного из видов памятников истории и культуры — достопримечательных мест (ДМ) при разработке историко-культурного опорного плана и проекта зон охраны этого города. Результатом стало выделение на его территории достопримечательного места «Старый Городец».

Исходя из данного в законе определения понятия «достопримечательное место» и основываясь на собственных разработках в отношении основных принципов выявления и критериев оценки ДМ как фрагментов исторических центров поселений<sup>27</sup>, мы рассма-

<sup>25</sup> Разработаны институтом «НижегородгражданНИИпроект» в 1994 и 2009 гг.

<sup>26</sup> Постановление Законодательного собрания Нижегородской области от 21.06.1994 г. № 42.

<sup>27</sup> URL: <http://www.opentextnn.ru/space/nn/oldnizhniy/vol1/?id=1521#> (время обращения: 25.11.2015).



Рис.2.  
Городецкий вал XII в.  
Фото авторов, 2008 г.

триваем в качестве этого вида объектов культурного наследия (ОКН) территорию собственно средневекового Городца, окаймленную валом окольного города. Она простирается от Большого Кировского съезда и улицы Кирова на севере до улицы Загородной на юге, от улицы Валовой и дороги в Нижнюю Слободу на востоке до берега Волги на западе (пространство к югу, охваченное дугой дополнительных укреплений, по сути дела, не было освоено в средневековую эпоху). Именно эта территория обладает той совокупностью параметров градостроительного, исторического, историко-архитектурного, культурного и художественного характера, которые составляют, в конечном итоге, комплексность, многослойность, масштабность и универсальность понятия ДМ (рис. 2).

На первое место в иерархии оценки здесь выходит критерий *давности освоения территории, наличие таких видимых следов и наличие древнего археологического культурного слоя*. И если укрепления детинца (район улицы Кожанова) к настоящему времени практически визуально не читаются, являясь лишь составной частью культурного слоя Городца, то остатки части вала и рва дерево-земляных укреплений, сохранившиеся от XII столетия, зримо напоминают нам о древней истории Руси. Даже если бы средневековое поселение после разорения 1408 г. не возродилось, а осталось «пустым Городцом», мы и тогда вправе были бы рассматривать данную территорию в качестве достопримечательного места. Сохранившаяся нерегулярная историческая планировка свидетельствует о последующем градостроительном освоении этой местности, когда на ней существовал конгломерат мелких

сельских поселений<sup>28</sup>. Наиболее старые единичные постройки здесь датируются началом XVIII столетия, остальные относятся уже к XIX–XX вв. Таким образом, данная территория является вполне конкретным носителем следов различных исторических эпох, наложивших на нее свой отпечаток.

С первым оценочным критерием неразрывно связаны и два следующих. Именно валы являются главным фактором *исторически и ландшафтно обусловленной локализации, топографической идентификации территории*, без чего достопримечательное место не может быть установлено. Граница ДМ, таким образом, в основном совпадает с наружным контуром полукольца остатков дерево-земляных укреплений окольного города, выходя за его пределы в районе



улицы Кирова и Кировского съезда, проложенных по линии бывших рва и оврага. В ходе градостроительного развития поселения остатки укреплений здесь оказались нивелированы, а появившаяся с обеих сторон яркая представительная застройка сегодня является единым градостроительным образованием, визуально и планировочно тяготеющим к основной части ДМ (рис. 3).

Локализованная таким образом и хорошо читающаяся на местности территория достопримечательного места «Старый Городец» имеет градоформирующее значение как самостоятельное це-

лостное градостроительное образование в структуре исторического Городца, уникальное и самобытное в масштабах города, региона, страны. На протяжении столетий развитие планировочной структуры внутри полукольца валов шло вполне самостоятельно и не зависело от других частей поселения (развивавшихся также автономно); связь осуществлялась с помощью дорог, проложенных, видимо, на месте бывших проездных башен, или через немногочисленные поздние разрывы в насыпи. Отсутствие столь же четкой

(как возвышающиеся над застройкой валы) границы ДМ в северной его части не мешает самостоятельности этого градостроительного образования, в которое могут быть включены комплекс торгового и подгорная часть (ведущая к нему от пристани), градостроительно, архитектурно и функционально вполне обособленные. Обозначенная нами территория ДМ отождествляется с изначальным историческим ядром Городца, ее северная часть — с историческим центром в рамках современного города.

Указанные выше первые три критерия оценки явились в данном случае основополагающими и легли в основу выделения ДМ «Старый Городец». Территория эта в полной мере обладает и другими признаками объекта культурного наследия — достопримечательного места как части структуры исторического поселения. Они касаются, в основном, тех признаков ДМ, которые связаны с восприятием этого участка города, его проявленными и потенциальными возможностями в качестве объекта изучения, туристического показа и т. д.

Одним из важнейших качеств достопримечательного места как части исторического города является *высокая степень сохранности и целостности восприятия исторической планировочной структуры и историко-градостроительной среды*. Историческая планировочная структура, сложившаяся внутри полукольца валов, почти полностью сохранилась, современные масштабные градостроительные преобразования в Городце обошли его стороной. Сохранность историко-градостроительной среды, датируемой преимущественно рубежом XIX–XX вв., также оценивается экспертами на высоком уровне.

Весьма существенным для восприятия культурного ландшафта исторического поселения является наличие выразительного архитектурно-художественного образа территории во взаимосвязи зданий и сооружений с природным или антропогенным ландшафтом, наличие визуальных связей с другими участками города, речными путями, наличие панорамных видов, выразительных видовых точек. Все эти перечисленные качества выделенного нами как достопримечательное место фрагмента города в полной мере присутствуют в районе улиц Ленина, Кирова, Новой, Александра Невского, Рублева, набережной Революции, Большого Кировского съезда. На сегодняшний день именно этот участок исторического культурного ландшафта во многом определяет выразительный облик и городской провинциальный характер исторического Городца.

Рис. 3. Современная застройка на городецком валу. Пример нарушения законодательства о культурном наследии. Фото авторов, 2007 г.

<sup>28</sup> См.: Еремин И. О. Развитие застройки Городца на Волге в XVII–начале XX вв. // Памятники истории и архитектуры Европейской России. — Н. Новгород, 1995. — С. 243–254.



Рис. 4. г. Городец.  
Фрагмент  
застройки  
проектируемого  
историко-  
культурного  
заповедника  
«Музейный  
квартал».  
Фото авторов,  
2008 г.

Этому способствует яркий в архитектурно-художественном отношении целостный облик застройки улиц, взаимосвязь их с природным и антропогенным ландшафтом, выраженным, прежде всего, в активном рельефе высокого волжского откоса, изрезанного оврагами. Особенно выделяется здесь набережная им. Революции как законченный в градостроительном отношении ансамбль, откуда открываются прекрасные виды на волжские просторы.

Одной из характеристик культурного ландшафта служит фактор *преемственности функционального использования территории*. Традиционно данная территория использовалась и используется сейчас, в основном, как селитебная с преимущественно индивидуальной жилой застройкой; храмы при этом, естественно, несли культурную функцию. В советский период произошло несколько

неудачных изменений в функциональной организации ряда территорий (развитие промзоны у Рязанова озера, сквер им. А. В. Ворожейкина вместо храмового комплекса), которые, однако, вполне могут быть исправлены при осторожном вмешательстве в городскую среду. Некоторые перемены прежних функций неизбежны и логичны: так, с утратой фортификационного значения валы стали зоной рекреации и объектом музейного показа. В целом, в настоящее время, в связи с активизацией туристических тенденций и изменениями социального характера, происходит постепенное частичное замещение жилой функции на культурно-просветительскую и торговую. Характерно, что в пределах предлагаемого ДМ относительно крупномасштабное строительство направлено именно на развитие объектов в сфере культуры. Ярким примером тому служит сооружение в 2009 г. в районе пристани большого рубленого комплекса «Города мастеров»<sup>29</sup>. В его архитектурном решении использованы формы

Рис. 5. г. Городец.  
Фрагмент  
застройки  
проектируемого  
историко-  
культурного  
заповедника  
«Музейный  
квартал».  
Фото авторов,  
2009 г.



<sup>29</sup> Проект НИП «Этнос».



Рис. 6. г. Городец.  
Фрагмент  
застройки  
проектируемого  
историко-  
культурного  
заповедника  
«Музейный  
квартал».  
Фото авторов,  
2009 г.

и приемы русского деревянного зодчества, а декоративную отделку фасадов исполнили в технике традиционной городецкой резьбы местные мастера.

Многослойность, комплексность, информативность и масштабность достопримечательного места «Старый Городец», являющегося основообразующим сегментом культурного ландшафта города и идентифицируемого с его историко-культурным центром, обуславливает *социокультурную ценность территории*, весьма значимую как для самого Городца, так и, в силу яркой самобытности и глубокой историчности, для всей русской культуры в целом (рис. 4).

Все выявленные и проанализированные нами характеристики достопримечательного места «Старый Городец» говорят о наличии *высокого туристического ресурса территории и перспектив его развития*. Важности города как одного из центров культурного ту-



Рис. 7. г. Городец.  
Фрагмент  
застройки  
проектируемого  
историко-  
культурного  
заповедника  
«Музейный  
квартал».  
Фото авторов,  
2009 г.

ризма способствует и расположение его на волжском водном пути. Местоположение и ландшафт, наличие немалого количества замечательных музеев позволяют создать удобную схему интересных туристических маршрутов, в которой музеефицированные остатки дерево-земляных укреплений станут одним из главных объектов показа. Привлекательности территории способствует наличие видовых площадок на линии валов в местах наилучшего восприятия важнейших панорам города. Есть возможность освоения ряда территорий внутри ДМ, которые пока не организованы именно для таких целей в планировочном развитии города. Как положительный пример начавшегося в этом направлении процесса освоения места можно привести уже упоминавшийся, возможно несколько крупный по размеру, «Город мастеров», построенный на волжском берегу.



Рис. 8. г. Городец. Фрагмент застройки проектируемого историко-культурного заповедника «Музейный квартал». Фото авторов, 2009 г.

В целом же, к обозначенному нами достопримечательному месту вполне могут относиться следующие (вариантные) критерии культурной значимости, предусмотренные ЮНЕСКО для объектов всемирного наследия:

- выдающийся развивающийся ландшафт, который сохраняет активную роль в современном сообществе и близко ассоциируется с традиционным образом жизни. Эволюционные процессы все еще продолжаются. В то же время ландшафт представляет замечательные материальные свидетельства его эволюции во времени;
- выдающийся пример традиционной планировки и землепользования, которые репрезентативны для культуры, ставшей уязвимой под влиянием необратимых изменений<sup>50</sup> (рис. 5).

Вместе с тем, по ряду показателей (в частности, по насыщенности объектами культурного наследия) территория достопри-

<sup>50</sup> Цит. по: Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 53.

мечательного места «Старый Городец» не является однородной. В ее границах ярко выделяется относительно небольшой (примерно одна четвертая часть ДМ) участок, уникальный по своей целостности и архитектурно-художественным качествам самобытной, характерной именно для Городца, преимущественно жилой застройки. Локализованный на местности фрагмент города в районе улиц Александра Невского, Рублева, Ленина, Кирова и Кировского съезда, набережной Революции, функционирующий уже сегодня практически как музей на открытом воздухе, отличается максимальной концентрацией ценной историко-градостроительной среды. Сохранились великолепные визуальные связи, представительные зданиями городского типа рубежа XIX–XX вв., многочисленными музеями, объединенными в Городецкий историко-художественный музейный комплекс (ГИХМК)<sup>51</sup>. Это дало основания разработчикам проекта сделать предложение о выделении здесь историко-культурного заповедника под условным наименованием «Музейный квартал», что соответствует действующему законодательству<sup>52</sup> (рис. 6).

Исходя из вышеизложенного, НИП «Этнос» были определены предметы охраны, режимы использования земель и градостроительные регламенты как достопримечательного места «Старый Городец» в целом, так и «Музейного квартала». В последнем случае статус историко-культурного заповедника, помимо других требований, предполагает, что находящиеся здесь здания и сооружения выступают как объекты музейного показа (рис. 7).

Также нами были разработаны единая охранная зона объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) по улицам Горького и Орджоникидзе, расположенных в подгорной части Городца вдоль реки Волги, и ее режимы. Они учитывают специфику данной местности, исторически использовавшейся, в том числе, и в качестве торговой и складской зоны.

Проделанная работа, связанная с историко-культурным пространством Городца, была одобрена региональным органом охраны объектов культурного наследия, согласовавшим данные в проектах вышеназванные предложения. Однако до сих пор статусы ДМ «Старый Городец» и историко-культурного заповедника «Музейный квартал» не закреплены постановлениями Правительства

<sup>51</sup> Городецкий район: Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры. — Н. Новгород, 2011. — С. 67. Помимо основной краеведческой экспозиции здесь функционируют: Музей пряника, Дом графини Паниной, Детский музей на Купеческой, Музей самоваров и др.

<sup>52</sup> Гл. XI Федерального закона № 73-ФЗ.

Нижегородской области. Поэтому соблюдение прописанных нами их режимов и регламентов при хозяйственной деятельности и новом проектировании пока всецело зависит от доброй воли местных властей. Следует отметить, что они, в основном, с пониманием относятся к сохранению историко-градостроительной среды города (рис. 8). Тем не менее, это не снимает вопроса о принятии юридических актов, закрепляющих ее уникальность. На повестке дня также остается вопрос о возвращении Городцу статуса исторического поселения с определением его границ. Все это надо решать в самые ближайшие сроки.

*В. А. Попов (г. Новгород)*

#### **1.4. Застройка исторической части Великого Новгорода. Этапы развития и регламентирование**

Официальной датой возникновения Новгорода по летописным сведениям принято считать 859 г. Однако постоянное поселение на этой территории возникло позднее: дендрохронологический анализ древесины древнейших деревянных сооружений, обнаруженных в результате археологических раскопок в Новгороде, определяет даты рубки бревен не ранее первой трети X в.

Центром города с XI в. становится Детинец (кремль), заложенный на левом берегу Волхова и включивший в себя сначала деревянную церковь Софии и владычный двор. На правом берегу реки напротив Софии князь Ярослав Владимирович, прозванный «Мудрый», создает свою резиденцию — «Княжий двор», получивший в начале XIII в. название «Ярославов двор» («Ярославово Дворище»). В начале XII в. рядом с «Княжьим двором» возникает «Торг» («Торговище»). На этой территории, вероятно, находилось и новгородское Вече. Если Детинец и София выражали оборонительную и духовную сущность города, то Ярославово Дворище и Торг — административную, торговую и общественную. С древности эти центры соединял «Великий мост». Впоследствии правая сторона реки получила название Софийская, а левая — Торговая.

Образование этих центров определило градостроительное развитие Новгорода на все последующие века. Основой планировочной (уличной) структуры явились дороги, связывавшие

отдельные поселения города — «концы». Формирование улиц представляется как поступательный процесс поселенческого освоения новых участков. Он отличался рациональностью, неравномерностью во времени, но главным признаком этого процесса являлась преемственность. Поэтому изменений в планировочной системе Новгорода на всем протяжении его республиканского периода практически не было.

Большинство улиц средневекового Новгорода начинались от реки Волхов — главной водной магистрали. Вдоль реки на обеих ее сторонах проходили улицы, которые пересекали и соединяли все другие. Они носили соответствующее название — «Пробойные». В южной части Торговой стороны ситуация была немного другая: здесь проходила древнейшая дорога — улица Славенская, которая шла от Городища через Торг и Великий мост к Детинцу. Каждый «конец» и жители многих улиц строили свои храмы. Первоначально они были деревянные, но постепенно заменялись каменными. Церкви стояли в тесном ряду застройки на одной из сторон улиц, не замыкая ее перспективы и не имея вокруг себя площади. Это был типичный средневековый пример расположения храмов, характерный и для Новгорода.

В конце XIV в. началось возведение линии внешних оборонительных укреплений Новгорода — т. н. «Окольного города». В результате этих работ Новгород обрел границы, которые до сих пор учитываются при разработке различных охраняемых мероприятий. Пожар 1722 г., уничтоживший часть Торговой стороны, стал началом внедрения новой планировочной структуры Новгорода, кардинально отличавшейся от прежней. Последовавший указ Петра I предписывал строения строить регулярно (как в Санкт-Петербурге), а улицы на погорелых местах размечать «по учиненному плану», который устанавливал прямоугольную сетку кварталов<sup>33</sup>. Следующий этап по переустройству Торговой стороны вызван также пожаром, случившимся в 1745 г. Места для строительства отводились только по вновь проложенным улицам<sup>34</sup>.

В 1778 г. был утвержден Генеральный план Новгорода, который установил для Софийской стороны радиально-полукольцевую планировку, композиционным центром которой являлся кремль. На Торговой стороне план следовал начинаниям первой половины XVIII в.

<sup>33</sup> Янин В. Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII вв. — М.: Наука, 1999. — С. 54–64, рис. 23, 24.

<sup>34</sup> Там же. С. 65–72, рис. 26.

и законодательно закрепил прямоугольную планировочную сетку. В первую очередь закреплялись углы улиц<sup>35</sup>. Многие храмы были включены в новую структуру посредством организации вокруг них открытых пространств (площадей) и завершения многими из них перспектив улиц, что могло свидетельствовать о новых подходах к архитектурному наследию<sup>36</sup>. Однако позднее многие улицы были сдвинуты<sup>37</sup>. Что послужило причиной? Во-первых, прокладка новых улиц корректировалась «по месту», с учетом существующей ситуации. Во-вторых, классический метод организации площадей, видимо, не был понят и поддержан в Новгороде. Поэтому из множества мест, где Генеральным планом это предполагалось, осталось только несколько. Многие храмы, которые все же попали на трассы новых улиц, позднее были разобраны.

Претворение в жизнь Генерального плана 1778 г. (и его корректировка в 1834 г.) растянулось на несколько десятилетий и потребовало немалых усилий со стороны городских властей по преодолению сопротивления новгородцев сносу своих домов. Свое положение получили почти все современные улицы, которые к началу XIX в. были практически проложены и частично застроены. К середине XIX в. сформировались основные принципы регулярной городской застройки — квартальный и периметральный, когда отдельно стоящие дома располагались по периметру квартала и по единым линиям застройки (рис. 1, 2). Дальше от центра периметральная застройка «успела» продвинуться только на 2-3 улицы. В кварталах, расположенных глубже главных улиц, сформировался другой стиль городской застройки — усадебный (рис. 3).

После Октябрьской революции произошло размежевание земель в сторону увеличения количества земельных участков, особенно на периферийных территориях. Но принципиальных градостроительных изменений не произошло. Древние улицы, существовавшие несколько столетий, постепенно исчезали, но их небольшие фрагменты сохранялись еще в первой половине XX в. К настоящему времени таких фрагментов осталось не более пяти.

Во время Великой Отечественной войны большая часть застройки была уничтожена. В 1945 г. мастерской академика А. В. Щусева был разработан Генеральный план Новгорода, который предусматривал сохранение сложившейся планировочной системы

<sup>35</sup> Там же. С. 92–99, рис. 34, 35.

<sup>36</sup> Там же. С. 93–94.

<sup>37</sup> Там же. Рис. 36, 37 (Планы кон. XVIII–нач. XIX вв., выполненные В. Поливановым).

## Этапы развития регулярной планировочной структуры исторического ядра Новгорода в XVIII–XX вв.

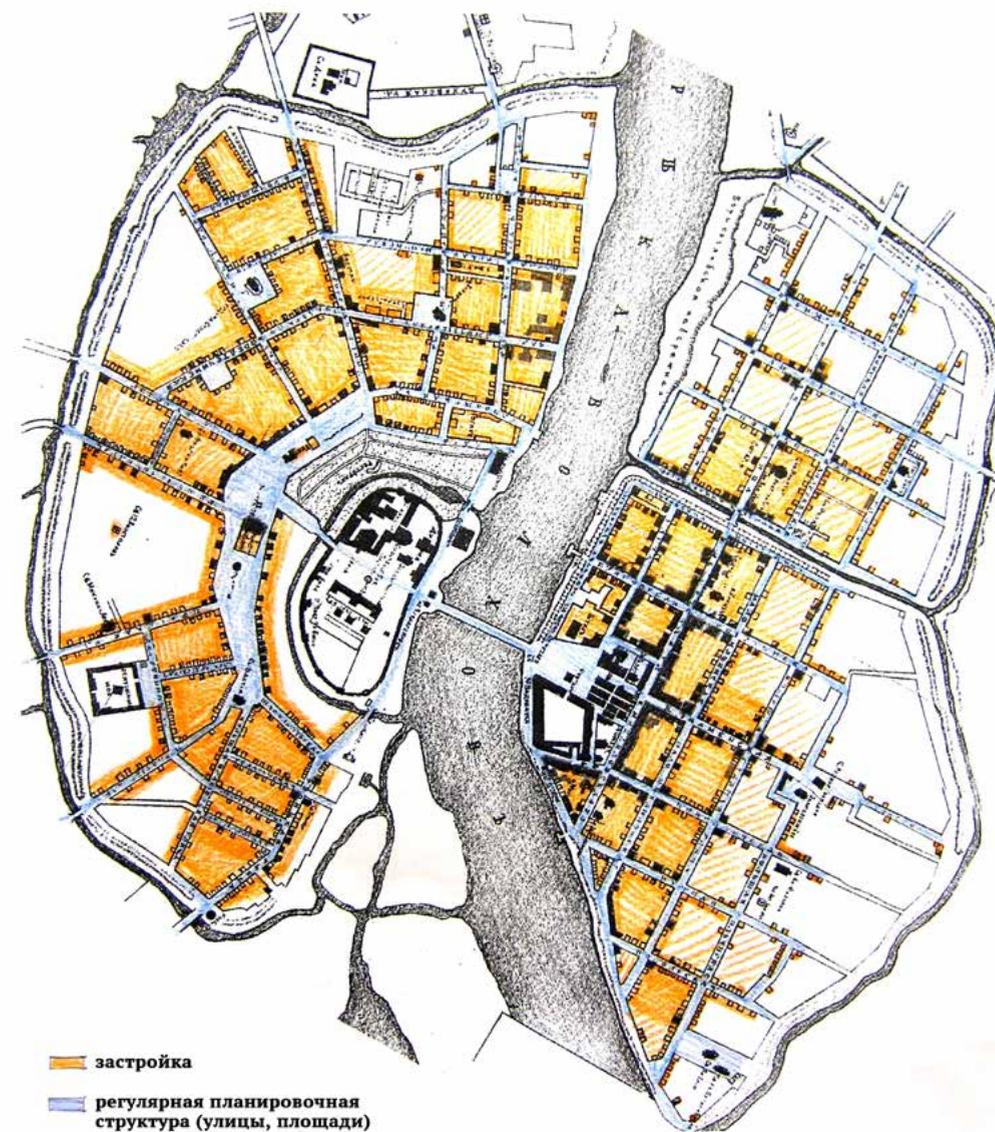


Рис. 1. Один из этапов развития регулярной планировочной структуры исторического ядра г. Новгорода на основе плана 1891 г.

Рис. 2. Пример периметральной застройки XIX–начала XX вв. Улица Ильина с видом на церковь Спаса Преображения. Фото В. Попова, 2002 г.

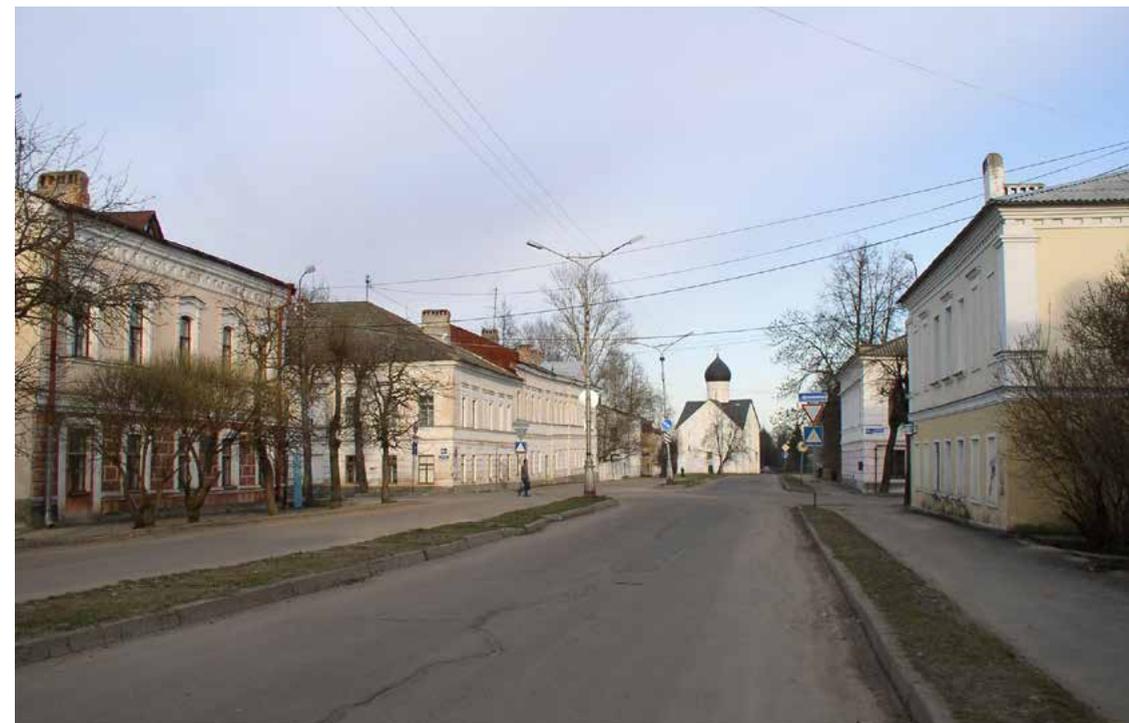


города. Щусевым были также определены основные черты новгородского зодчества: пластичность фасадов, живописность объемов, строгость и лаконизм в решении архитектуры зданий. Современные сооружения, по его мнению, должны служить только фоном для памятников архитектуры<sup>38</sup>.

В 1940–1950-х гг. архитекторы работали в рамках неоклассики. Непременной частью проектов были решения по цвету и фактуре стен. В соответствии с Генпланом 1945 г. на Торговой стороне высота зданий не должна была превышать 3 этажей. Это позволило бы, с точки зрения авторов, сохранить силуэт исторического города и визуальную взаимосвязь памятников, а также быть сомасштабной человеку<sup>39</sup>. Градостроители этого периода неуклонно следовали основному приему расположения зданий по улицам — периметральному. После Великой Отечественной войны стали интенсивно застраиваться неосвоенные окраины, примыкающие к валу. На Торговой стороне появилось несколько новых улиц и переулков. застройка этих зон была представлена небольшими одноэтажными, преимущественно деревянными домами, многие из

<sup>38</sup> Кушинир И. И. Архитектура Новгорода. — Л.: Стройиздат, 1991. — С. 159–160.

<sup>39</sup> Там же. С. 200.



которых были перевезены из деревень. Для нового строительства, как было заведено и ранее, требовались утвержденные проекты.

В 1952 и 1957 гг. происходят первые корректировки Генерального плана 1945 г. в сторону повышения этажности застройки до 4 этажей и ввода в историческую часть промышленных предприятий<sup>40</sup>. Каменные дома XVIII – нач. XX вв. смело реконструировали: достраивая или надстраивая, изменяя порой не только планировку, но и фасады. На второстепенных улицах строились 2-этажные жилые дома утилитарной архитектуры.

В 1966 г. утверждается новый Генеральный план, предусматривающий более активное внедрение в историческую часть домов типовой многоквартирной жилой застройки высотой до 9 этажей. В 1968 г. завершилась застройка 5–9-этажными домами набережной реки Волхов (рис. 4). Это решение было серьезной градостроительной ошибкой, которой не избежали в то время многие старые

<sup>40</sup> Там же. С. 160.

Рис. 3. Примеры усадебной застройки конца XIX–начала XX вв. Улица Знаменская с видом на колокольню Знаменского собора. Фото В. Попова, 2012 г.



Рис. 4. Застройка конца 1960-х гг. набережной Торговой стороны. Фото В. Попова, 2006 г.

города. Набережная приобрела типовой облик модных «силуэтных композиций», якобы возрождающих «традиции древнего новгородского зодчества». Высотные дома изменили масштабность застройки и силуэт города. На Софийской стороне в конце 1960–1970-х гг. в пределах вала Окольного города также появилось несколько 9-этажных домов и целые кварталы панельных 5-этажных. Здания,

из-за увеличения объемов, стали смещать с линии застройки в глубину квартала.

В 1982 г. институтом «Гипрогор» был разработан первый «Проект охранных зон Новгорода», который был утвержден в 1985 г. Проект практически не предлагал конкретных параметров застройки, но для исторического ядра Новгорода (в пределах вала Окольного города) закреплял основные принципы градостроительства: «соблюдение регулярной прямоугольной сетки улиц, красных линий застройки, определенных соотношений высоты зданий к ширине улиц». Тем не менее, на Софийской набережной были возведены огромный театр и пристройка к гостинице «Интурист» (рис. 5). Но с принятием в 1988 г. нового Генерального плана Новгорода проект охранных зон 1985 г. был отменен по причине того, что Генпланом были учтены все охранные зоны памятников архитектуры, установ-



Рис. 5. Застройка 1980–начала 1990-х гг. набережной Софийской стороны. Фото 2012 г.

ленные проектом. Однако принципы застройки исторических зон в Генплан не попали.

В 1994 г. тем же институтом выполнен «Проект комплексных зон охраны Новгорода» (утвержден в 1995 г.). В пределах вала было выделено пять типов режимов застройки, которые должны были, в дополнение к проекту 1985 г., обеспечить: «строительство и ре-



Рис. 6. Пример современного дома (конец 1990-х гг.) в зоне усадебной застройки. Фото В. Попова, 2006 г.

конструкцию в пределах сложившихся типов застройки и функций, объема, высоты, характера и архитектурного облика; соотношение архитектурно-стилевого решения с особенностями места». Однако проект зон охраны 1995 г., в силу своей неконкретности, также не стал регулирующим в застройке исторического центра Новгорода. А в 1996 г. были утверждены «Правила землепользования и застройки в Новгороде». В пределах вала Окольного города были установлены т. н. «специальные исторические районы». В период разработки Правил Отделом по культурному наследию Администрации Великого Новгорода были предприняты попытки разработать режимы и параметры застройки в исторических зонах. Но работа была остановлена на полпути по причине того, что нормативный документ такого уровня не может их содержать.

Областной орган охраны памятников не был особенно активным в этом вопросе, но по-своему регулировал застройку: согласовывал новое строительство или реконструкцию в историческом центре путем проставления штампа на чертежах проектов или предварял намерение строительства письмами, где указывались 2-3 пункта условий: высота, цвет, иногда архитектурные формы. Все условия устанавливались по шаблону, без каких-либо обоснований и не



Рис. 7. Пример нового строительства в зоне усадебной застройки (ул. Оловянка, рядом с валом Окольного города). Фото В. Попова, 2014 г.

привязывались к определенному месту. Например, независимо от ситуации высота проектируемого здания всегда указывалась в 9 м. Если и соблюдалось это условие, то с помощью устройства ломаных крыш (рис. 6). В случае превышения параметров, а таких примеров большинство, не было ни одного случая предъявления претензий к застройщикам.

В рамках разработки Правил, а позже — по отдельному заданию Отдела по культурному наследию городской Администрации, группой исследователей и архитекторов был проведен анализ историко-градостроительной среды Торговой стороны (рис. 8) и были выявлены следующие основные типы застройки Новгорода:

1. *Периметральная* (рис. 2) — тип городской квартальной застройки, признаками которого являются:

## Анализ историко-архитектурной среды Торговой стороны Великого Новгорода

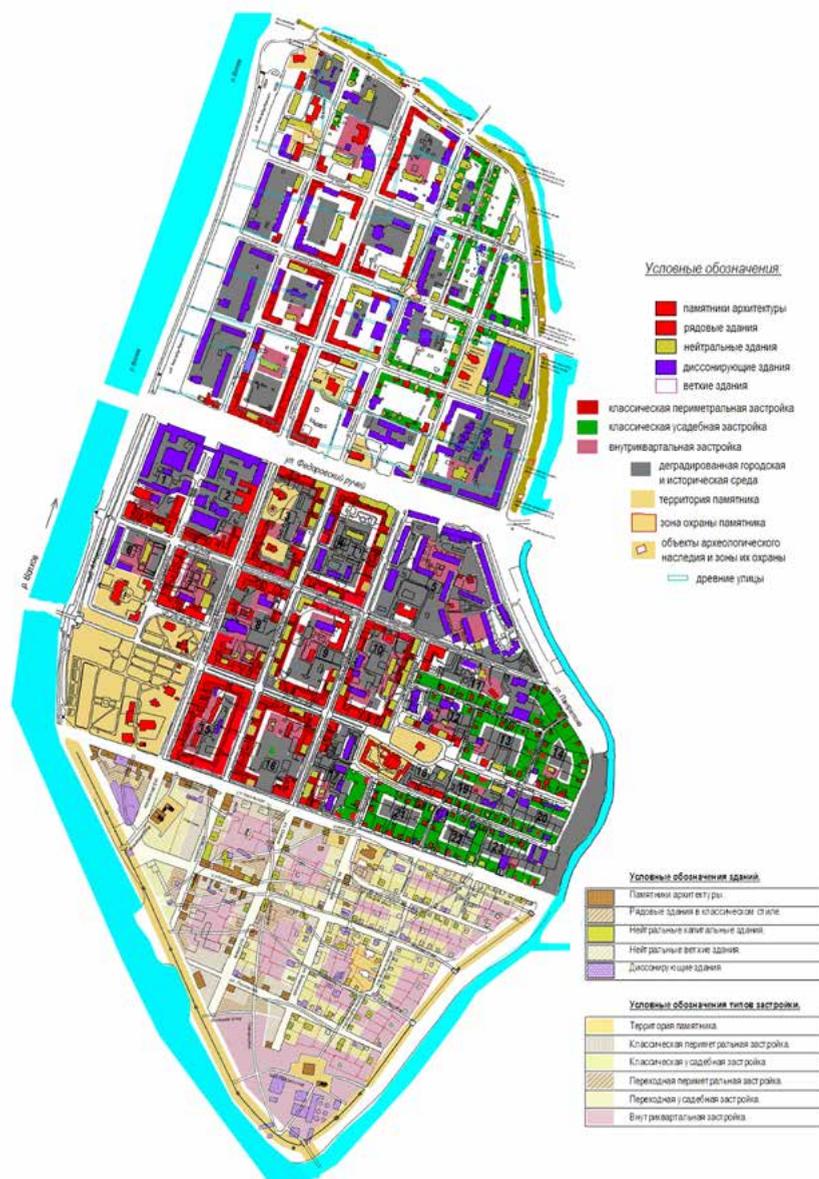


Рис. 8. Аналитические материалы к разработке параметров застройки. Начало 2000-х гг.

- застройка жилыми многоквартирными домами и общественными, преимущественно двухэтажными кирпичными;
  - частое использование помещений первого этажа для размещения торговых предприятий;
  - расположение зданий строго по красным линиям улиц;
  - ориентация зданий вдоль улиц;
  - обязательная застройка углов кварталов;
  - расстояния между зданиями меньше, чем размеры зданий;
  - тенденция максимальной застройки периметра квартала вплоть до сплошной застройки;
  - значительные размеры зданий в плане — от 15 до 20 м;
  - архитектура зданий имеет признаки классических и классицистических стилей и направлений;
2. *Усадебная* (рис. 3) — тип городской застройки, признаками которого являются:

- застройка жилыми односемейными домами, преимущественно одноэтажными деревянными;
  - расположение зданий строго по красным линиям улиц;
  - обязательное ограждение участков;
  - ориентация зданий перпендикулярно улицам;
  - не обязательная застройка углов кварталов;
  - расстояния между зданиями большие, чем размеры зданий;
  - отсутствие сплошной застройки периметра квартала;
  - размеры зданий в плане — от 9 до 12 м;
  - архитектура зданий имеет признаки традиционного зодчества с элементами классических стилей;
  - расположение оград по линиям уличных фасадов, отсутствие палисадов и посадок деревьев вдоль улиц, сосредоточение хозяйственных построек и зелени (сад, огород) в глубине участка.
3. *Внутриквартальная* — тип застройки окончательно не сложившийся, фрагментарный.

Был также предложен перечень параметров строительства и реконструкции для типов застройки, но он нигде не рассматривался.

В 2006 г. для регулирования застройки в исторической части Великого Новгорода новое руководство областного органа государственной охраны памятников стало применять положения ст. 36 Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», предусматривающей «меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия при проектировании и проведении землеустро-

ительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ», в частности, разработку разделов (подчеркнуто мной. — В. П.) об обеспечении сохранности объектов культурного наследия к проектам таких работ.

На применение ст. 36 в Великом Новгороде были все основания, т. к. в пределах вала Окольного города расположено большое количество памятников архитектуры, а территория находится в границах комплексной охранной зоны в соответствии с проектами 1985 и 1995 гг. Областной орган охраны памятников стал обязывать застройщиков, которые обращались с намерениями строительства в исторической части, разрабатывать разделы к проектам строительства или к проектам реконструкции зданий. При этом разделы должны были состоять из двух частей: градостроительной и археологической (культурный слой Новгорода был принят на госохрану еще в 1974 г.). По сути, это была еще одна попытка регулирования застройки в исторической части города, но уже по конкретным участкам и проектам.

Разделы должны были разрабатывать организации, имеющие лицензии Министерства культуры РФ. Форму и содержание раздела надо было разработать, затем корректировать и уточнять. В результате градостроительный раздел состоит из нескольких частей.

*Общие положения.* В них указывается основание для составления раздела (договор с заказчиком, письмо управления государственной охраны культурного наследия), перечень предоставленных заказчиком документов (правоустанавливающие, кадастровые, инвентаризационные и пр.), перечень использованных для разработки раздела документов и материалов.

Комплексные исследования включают следующие положения:

- *описание современного состояния* территории земельного участка, существующего здания. Производится также фотофиксация и предварительный зрительный анализ архитектурной среды;
- *историко-градостроительная характеристика участка.* На основе картографических материалов и письменных источников проводятся исследования по выявлению градостроительных и архитектурных изменений территории, выделяются этапы развития, делаются выводы об особенностях территории. Дается характеристика существующей застройки на окружающей территории (в т. ч. диссонирующих зданий), определяется преобладающий тип застройки, производятся высотные и плановые замеры существующих зданий, ширина улицы. Определяется предмет охраны данной территории с точки зрения сохранности архитектурно-градостроительной среды;

- *существующие режимы использования территории.* Приводятся сведения о Проектах охранных зон, когда-либо разработанных на рассматриваемую территорию (в т. ч. не утвержденные), режимы использования земель и параметры застройки. Если в этих материалах есть противоречия или возникают сомнения в правильности каких-либо положений, делаются обоснования к замечаниям.

Предлагаемые параметры проектирования здания (застройки участка):

- *местоположение пятна застройки* — по линии существующей застройки или с возможностью отступа. Как правило, это предлагается только в зонах усадебной застройки в случае формирования новой линии;
- *размеры в плане основного объема и составных частей* (один из основных параметров). Размеры устанавливаются на основе выявленных традиционных пропорций планов зданий, характерных для данной территории и для данного типа домов. Учитываются также размеры земельного участка, габариты существующих соседних зданий (кроме диссонирующих);
- *этажность и высота* (также один из основных параметров). Высота (от планировочной отметки до карниза и до конька крыши) устанавливается в зависимости от плановых параметров здания, от высотных отметок соседних зданий (кроме диссонирующих), ширины улицы (расстояние между уличными фасадами домов). Примечательно, что соотношение между шириной улицы и высотой домов в исторических

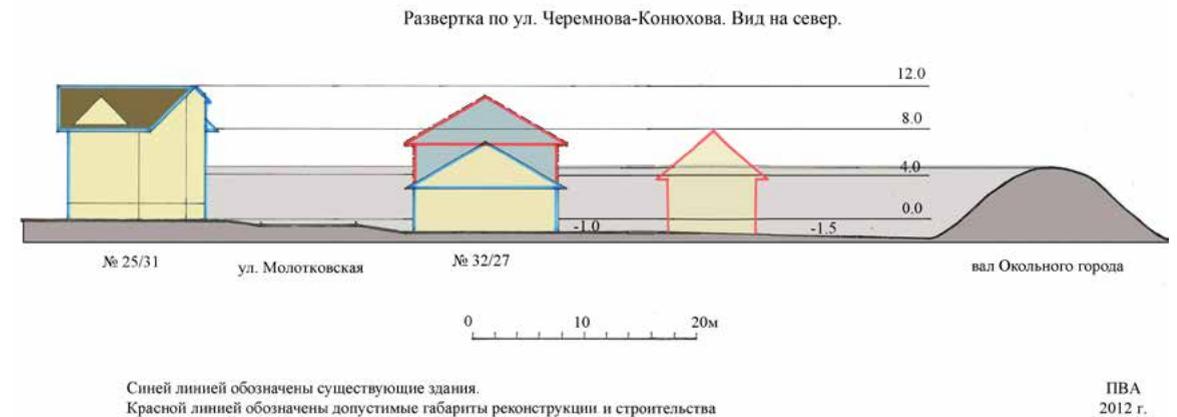


Рис. 9. Графический материал к разделу по обоснованию параметров проектируемого здания. 2012 г.

Рис. 10. Пример реконструкции здания в зоне периметральной застройки (ул. Михайлова). Фото В. Попова, 2006 г.



городах, в т. ч. и в Новгороде, составляет, как правило, не менее 2:1. Иногда для обоснования высотных параметров разработчик раздела выполняет графическую развертку улицы (рис. 9) или фотомонтаж с показом габаритов проектируемого здания;

- стиль здания. Предлагается в зависимости от типа застройки и исторического окружения. Могут даваться предложения по пропорциям окон, расстекловке рам, формам козырьков и пр.;
- материал отделки наружных стен. Предлагается также в зависимости от типа застройки и исторического окружения. Для участков периметральной застройки стены предпочтительнее оштукатуренные и окрашенные, для участков усадебной застройки — иметь также отделку деревом. Для фасадов рекомендуются традиционные светлые цвета натуральных оттенков. Исключается отделка стен сайдингом;
- форма крыш, материал кровли. Крыши предлагаются прямоскатные (двухскатные, вальмовые) с уклоном в пределах 30–40°. Материал кровли может быть различным, за исключением шифера и металлочерепицы. Цвета кровли неяркие, матовые (серый, коричневый, зеленый);
- ограждение участка. Можно или нельзя делать. Если да, то указываются его размеры, характер, материал, степень прозрачности;



Рис. 11. Пример регенерации застройки (близ Антониева монастыря). Фото В. Попова, 2014 г.

К текстовой части раздела прилагаются: ситуационный план, фотофиксация, копии исторических планов, схема предлагаемого пятна застройки, графические материалы и др.

Далее раздел передается заказчиком в орган охраны памятников и рассматривается на заседании комиссии по культурному наследию при областном комитете культуры (сейчас — комитет по государственной охране). Составляется протокол заседания с фиксацией результатов рассмотрения раздела и наличия замечаний. Если раздел принимается, то заказчик передает его в городской комитет архитектуры и градостроительства, где заказчику выдается градостроительный план участка (правда, это стало делаться не сразу). Затем заказчик передает все материалы архитектору. Как правило, думающий архитектор смотрит не только пункты параметров, но знакомится с остальной частью раздела. Выполненный эскизный проект здания заказчик передает в орган охраны памятников, где его проверяют на соответствие параметрам раздела и при необходимости выносят на комиссию.

За несколько лет автором данной статьи разработано более 100 градостроительных разделов, и сегодня можно подвести некоторые итоги. Положительные: 1. Установление определенных правил в про-

цедуре разработки и согласования проектов. 2. Совместная работа разработчика раздела с архитекторами и застройщиками. 3. Наличие удачных примеров тактичной и интересной застройки (рис. 10–11). К сожалению, их не так много. Отрицательные: 1. Отсутствие должного контроля со стороны органов охраны памятников и муниципалитета за реализацией проектов. 2. Пользуясь этим, некоторые застройщики и архитекторы сознательно изменяли параметры в сторону увеличения.

В настоящее время разрабатывается проект «Достопримечательное место — исторический центр Великого Новгорода». В нем будут содержаться параметры ко всем историческим зонам и после утверждения проекта надобность в указанных разделах сама собой отпадет.

*Т. Н. Пятницкая (г. Санкт-Петербург)*

### **1.5. Принципы составления градостроительного регламента для исторической части города Тихвина**

Для исторического города Тихвина Ленинградской области в 2013 г. был разработан градостроительный регламент как составная часть правил землепользования и застройки с учетом предыдущих изысканий<sup>41</sup>, а также исследований, проведенных авторами ранее<sup>42</sup>. К началу работы имелся утвержденный Генплан Тихвинского городского поселения<sup>43</sup>, в котором были обозначены состав и границы территориальных зон. Принятые в 2010 г. «Правила землепользования и застройки» (ПЗЗ) не удовлетворяли администрацию Тихвина в основном тем, что в них не были прописаны правила работы с исторической застройкой. Новый регламент градостроительного регулирования в составе ПЗЗ был призван

<sup>41</sup> По заказу администрации МО «Тихвинское городское поселение» (Ленинградская область) работу выполнила группа специалистов НИИПИ «СпецРеставрация» (Санкт-Петербург). Рук. АРМ — И. Л. Пасечник, архитекторы — Пятницкая Т. Н., Черныш Е. В., Варакин Е. П., науч. сотрудник — Турова Е. А.

<sup>42</sup> В 1986 г. работы для Проекта зон охраны памятников истории и культуры г. Тихвина выполнены сотрудниками ЛИСИ под руководством Т. А. Славиной, а в 2006 г. — сотрудниками Архитектурной мастерской Н. Ф. Никитина.

<sup>43</sup> Решение совета депутатов 17 октября 2012 г. № 02-336; Решение совета депутатов 18.08.2010 г. № 02-121. Генплан был разработан Российским институтом урбанистики (Санкт-Петербург).

детализировать, какие участки можно застраивать, а какие нет, и конкретные параметры вновь строящихся сооружений или реконструкции имеющихся. Надо заметить, что в последние два десятилетия историческая часть города застраивалась достаточно активно, не особенно учитывая имеющиеся постройки, и возникла угроза утраты деревянных сооружений Тихвина. Толчком к разработке подробных регламентов послужило создание Градостроительного совета при Администрации города, на котором обсуждаются все проекты новой застройки.

Поскольку градостроительный регламент разработан достаточно подробно и имеет большой объем, в данной статье представлены положения, относящиеся только к той части исторического города, которая находится в границах охранной зоны 1987 г., и не рассматриваются территории зон регулируемой застройки, охраняемого ландшафта и охраняемого культурного слоя.

Регламентом принят условный первичный модуль — подзона. Это территория, выделенная в составе территориальной зоны по схожести характеристик застройки в ее пределах и для которой установлены одинаковые параметры использования земельных участков и объектов капитального строительства (рис. 1).

Границы подзон в предлагаемом градостроительном регламенте установлены с учетом:

1. парцелляции исторического квартала на историческое межевание;
2. возможности сочетания в пределах одной территориальной зоны различных видов существующего и планируемого использования земельных участков;
3. функциональных зон и параметров их планируемого развития, определенных генеральным планом Тихвина;
4. определенных генпланом Тихвина территориальных зон;
5. сложившейся планировки территории и существующего землепользования;
6. исторически сложившегося функционирования территорий;
7. предотвращения возможности причинения вреда объектам капитального строительства, расположенным на смежных земельных участках;
8. обеспечения сохранности объектов культурного наследия в их исторической среде на сопряженных с ними территориях.

Всего в утвержденной охранной зоне установлены 4 подзоны.

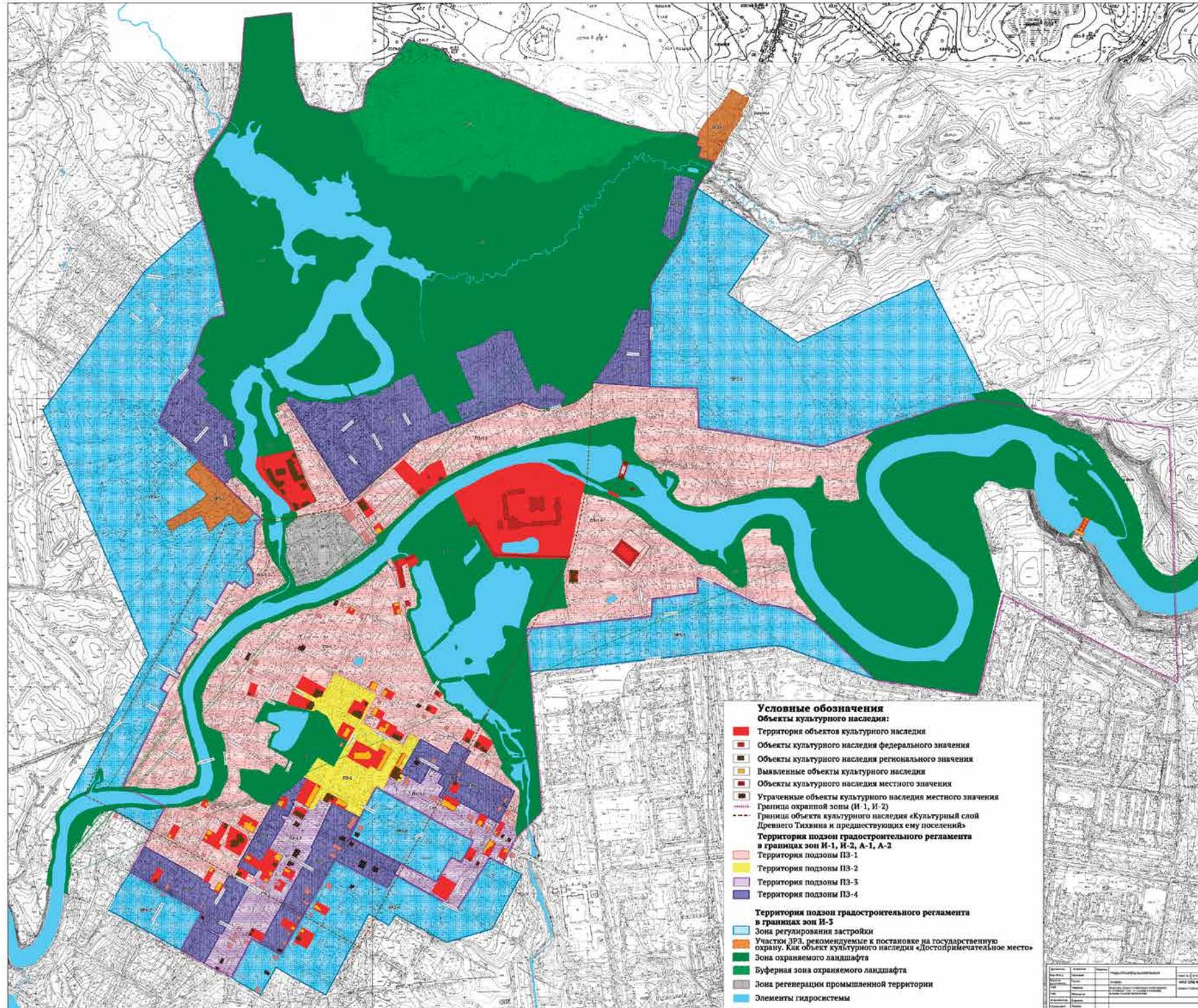


Рис. 1. Схема градостроительного регламента г. Тихвина

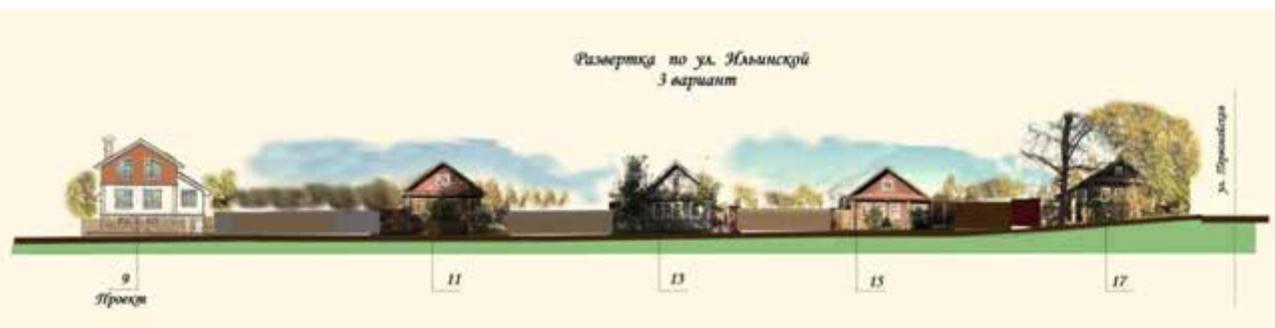


Рис. 2. Предложение по застройке лакун в историческом городе Тихвине

В качестве подсобного, рабочего материала к градостроительному регламенту были выполнены фронтальные развертки по двадцати двум историческим улицам Тихвина с таблицами выбранных нами параметров для каждого существующего здания. Были представлены: участок по плану города начала XX в., определен памятник или средовое здание, степень охраны, этажность, основные размеры (длина, ширина, высота от земли до конька и карниза), уклон кровли, мезонин, направление фронтона, материал конструкции и обшивки, цвет стен и кровли, пропорции оконных проемов и др. (рис. 2).

На основании анализа характеристик сохранившейся исторической застройки были предложены варианты эскизов для пустующих пространств, существующих сейчас в градостроительной ткани старого города. Это ни в коем случае не проектные предложения, а графическое изображение параметров возможной застройки таких мест.

Градостроительный регламент состоит из двух частей.

**Часть I.** Режим использования земель и регламент, который предусматривает:

- *применение специальных мер, направленных на сохранение и восстановление (регенерацию) историко-градостроительной и природной среды.* Например: реконструкция с сохранением средней сложившейся высоты исторической застройки; адаптивное строительство на месте утраченных или не имеющих историко-культурной ценности элементов застройки; компенсационное строительство (восстановление) по красной линии застройки; восстановление традиционной плотности застройки в каждом

квартале; сохранение дискретного характера застройки; нейтрализация диссонансных зданий и сооружений путем изменения объемов или архитектурных решений и другие меры;

- *ограничения при строительстве зданий и сооружений.* Например: запрещение применения размеров, изменение пропорций и др. параметров зданий, которые могут нарушить соотношение с расположенной рядом исторической застройкой; запрещение использования строительных материалов, не характерных для города Тихвина, в том числе бетона, сайдинга, пластика, цветных и зеркальных стекол (кроме цветного остекления веранд с расстекловкой традиционного рисунка), искусственного камня с расцветкой и фактурой, не имеющей природных аналогов; применения бревен диаметром больше 40 см (за исключением использования под обшивку или в хозяйственных постройках, находящихся в глубине участка); использование форм и фактур штукатурных покрытий, ранее не применявшихся в отделке фасадов зданий Тихвина XVIII– первой пол. XX вв.; запрещение использования при окраске фасадов, кровель, архитектурных деталей цветов и цветовых сочетаний на основе пигментов синтетических органических красителей, не имеющих аналогов среди красителей на основе натуральных пигментов и не использовавшихся в архитектурном облике зданий Тихвина до 1950-х гг. и др.;

- *обязательные требования при строительстве зданий и сооружений.* Например: сохранение протяженности фасадов построек по красной линии с учетом исторической парцелляции и протяженности ближайших характерных для данного квартала объектов традиционной историко-градостроительной и историко-архитектурной среды (уточняется по аналогам в конкретном квартале строительства, по количеству «световых осей»); сохранение средней высоты застройки по кварталам; сохранение традиционных форм кровли; использование в качестве аналогов исторических архитектурных деталей, традиционных для конкретной улицы или конкретного квартала; использование исторических пропорций оконных проемов, расстекловка — по аналогам с исторической для каждого конкретного квартала или участка; в рамках компенсаторного строительства разрешается возведение зданий из кирпича со штукатурным покрытием и зданий с нижним этажом из кирпича со штукатурным покрытием и верхним деревянным этажом и (или) мезонинным этажом и др.;

- *ограничения при капитальном ремонте и реконструкции объектов.* Например: запрещены замена подлинных элементов или деталей зданий, представляющих архитектурно-художественную ценность; использование архитектурных форм и деталей, декоративных элементов, чужеродных для города Тихвина, в том числе — кровель мансардного типа, плоских кровель, крыш с переломом, фигурной кладки нетрадиционного рисунка; обработка фасадов естественным камнем или материалами, имитирующими камень; окон «лежачих», квадратных, неправильной геометрической формы и люкарн, окон без наличников (за исключением чердачных и слуховых окон) и др. запрещения;
- *ограничение хозяйственной деятельности, необходимое для обеспечения сохранности объектов культурного наследия.* Например: запрещение изменения исторически сложившихся границ земельных участков домовладений при проведении землеустройства, а также разделения земельных участков или укрупнения территорий, ведущих к разрушению и утрате сохранившихся элементов исторической планировки участка; устройства отдельно стоящих рекламных конструкций и на крышах зданий, телеантенн, воздушных линий электропередач; застройки домовладений с отступом от красной линии квартала (кроме случаев, когда данное запрещение нарушает исторически сложившуюся планировку участка); изменения исторически сложившегося соотношения застройки и садов, фрагментов и групп зеленых насаждений (более 80-100 лет) и нарушения архитектурно-ландшафтной среды охранной зоны; повышения исторических отметок уличного покрытия при проведении работ по его ремонту и замене (кроме работ в рамках специальных противопаводковых мероприятий, согласованных в установленном законодательством порядке;

**Часть II.** Виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства: основные, вспомогательные и условно разрешенные — подробно разработаны для каждой подзоны с учетом функционального зонирования и требований, предъявляемых к режиму охранной зоны объектов культурного наследия.

Представленные вкратце градостроительные регламенты в настоящее время учитываются при рассмотрении проектов новой застройки на Градостроительном совете при Администрации г. Тихвина (рис. 2).

Таким образом, предлагаемый градостроительный регламент исторической части Тихвина имеет целью сохранение исторической планировочной структуры и городской исторической среды. Регламент каждой подзоны обоснован анализом исторической градостроительной ситуации конкретной территории, ее функциональными историческими особенностями. Вторая цель регламента — упрощение и ускорение решения вопросов использования земельных участков. Эта цель напрямую увязана с процессами необходимого многим собственникам изменения видов разрешенного использования земельных участков, т. е. юридической (правовой) корректировки режимов существующих и утвержденных ныне Проекта зон охраны объектов культурного наследия и ПЗЗ.

Для специалистов, строителей, местных жителей, как и для руководства города, сегодня становится понятным, что охрана историко-культурного наследия Тихвина должна представлять собой многоуровневый процесс: проект зон охраны исторического города — поквартальные и поуличные градостроительные регламенты — проекты индивидуальных зон охраны отдельных объектов культурного наследия. При этом поквартальные и поуличные градостроительные регламенты становятся оперативным документом, разрабатываемым и корректируемым по мере появления необходимости обновить тот или иной фрагмент застройки исторического центра.

*Н. И. Завьялова (г. Москва)*

## **1.6. Архитектурный облик исторических поселений в составе охраняемых территорий**

Актуальность затрагиваемой темы обусловлена нерешенности проблемы сохранения и воссоздания архитектурного облика традиционной застройки исторических поселений в границах любых типов особо охраняемых территорий: зон охраны, национальных парков, заказников, заповедников. Отсутствие внимания профессионального сообщества, прежде всего архитекторов, широкой общественности, административных структур к этой проблеме отражается в утрате характерных черт всех типов ланд-

шафтов страны, и это становится общей национальной тенденцией. В охране наследия общественное сознание в состоянии охватить лишь ту часть, которая относится к охране именно памятников истории и культуры рукотворных произведений зодчества. Что же касается исторических ландшафтов и традиционных поселений в их составе, то с этим гораздо труднее. Вал строительства особняков, коттеджей грубой, непродуманной архитектуры разрушил наши пригороды, в том числе их исторические части, стираются с лица земли целые деревни, а в последнее время по этой причине деградируют сельскохозяйственные и лесные ландшафты. Характерна дискуссия архитекторов и природоохранников, что хуже: зарастание полей или их застройка. На деле — одинаково плохо. Одним из ярких и вопиющих примеров можно назвать застройку пейзажного парка в усадьбе Архангельское под Москвой. Здесь мы сталкиваемся с тотальным непризнанием со стороны застройщиков (даже со стороны архитекторов — государственных экспертов) существования пейзажного парка в Архангельском.

На сегодняшний день исчезновение исторических сельскохозяйственных и лесных угодий из-за их застройки становится национальным бедствием. Осмысление отношения к ним, описание их исторической, художественно-эстетической, экономической ценности является в высшей степени актуальным. Внешнему облику малоэтажного жилищного строительства не уделяется внимания. Не отражается эта тема и в конкурсах Союза архитекторов или отражается под другим углом и никогда не затрагивает исторические черты. Пример — конкурс «Красивый деревянный дом» и ему подобные.

Как можно повлиять на эту ситуацию? Создание научно-проектной документации по зонам охраны призвано обеспечить стабильное земле- и природопользование и на проектном, и на юридическом уровне. Однако социальные факторы слишком активно и открыто встают на пути этих проектов, их рекомендательной части. Кроме того, проектная документация должна быть расширена. Здесь нужно сделать ряд пояснений.

Обратимся сначала к *рекомендательной части проектов зон охраны*. Традиционно разрабатываемых рекомендаций относительно архитектурного облика исторической застройки абсолютно недостаточно: описание архитектуры мало что говорит застройщику. Из рекомендаций по строительству в 2 этажа могут получиться

2 этажа, а то и все 5, а указание на материал строительства (дерево, кирпич) не избавит от применения калиброванного бревна и отделочного кирпича. Архитектура — это и наука, и искусство, и кроме описания требует изображения. В проекты зон охраны входят планировочные чертежи, но изображения объемов не предусмотрено. Не представив изображения (архитектурного облика) и только словесно декларировав наши требования, нельзя добиться желаемых результатов. Таким образом, в состав проектной документации (для начала это может быть на территории заповедников) следовало бы включать «*Проекты типичной и традиционной для данного региона гражданской архитектуры*». Для этого необходимо изучение характерных объемно-пространственных и планировочных типов застройки заповедника и прилегающих территорий.

На всех застроенных территориях в границах зон охраны в соответствии с законодательством устанавливается зона регулирования застройки, в некоторых случаях — охранная зона. Зоны регулирования застройки могут состоять из подзон. В целях сохранения исторической застройки разрабатываются режимы содержания и градостроительные регламенты, в которых могут быть сформулированы следующие требования: высота от дневной поверхности до конька кровли, объемно-пространственные характеристики, форма кровли, градус уклона, материал стен, цветовые характеристики стен, кровли, требования к высоте и материалу ограждений, процент застроенности участка. Это относится ко всем случаям: воссозданию, реконструкции либо новому строительству в допустимых местах. Проекты зон охраны (ПЗО) сейчас предусматривают лишь словесное описание требований (режимов, регламентов), т. к. ни задание, ни сметная стоимость проектной документации по зонам охраны не предусматривают эскизов, иллюстрирующих режимы и регламенты зон охраны. Между тем, лучшее решение вопросов — именно эскизный проект домов.

По специальному заданию дирекции Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» в 2003–2005 гг. группой специалистов такая работа была проделана для деревни Ясная Поляна, и основные положения этого проекта были опубликованы<sup>44</sup>.

<sup>44</sup> Завьялова Н. И. Исторические поселения на территории историко-культурных и природных заповедников: на примере ГМПЗ «Музей-усадьба Л. Н. Толстого "Ясная Поляна"» // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. — М.: Ин-т Наследия, 2005. — С. 138–199.

Как показали исследования, планировочная структура поселения в целом сохранилась, изменения коснулись лишь отдельных ее фрагментов. Фасадная линия застройки домов двух сторон улицы также сохранена, что нельзя сказать о хозяйственных сооружениях. Но несмотря на то что омшаники выдвинулись в сторону улицы, они не нарушили облика поселения, в отличие от гаражей, которые внесли резкий диссонанс в историческую среду. В целях утепления внутренних помещений и экономии жилой площади к уличным фасадам домов стали пристраивать тамбуры, чаще бетонные. Появились палисады, занявшие часть уличной территории; они сузили почти в три раза по сравнению с XIX в. ее ширину: теперь она около 20–25 м. Но деревянная застройка в целом сохранила планировочные и объемно-пространственные характеристики: этажность, высотность, ориентацию длинной стороной к улице, форму кровель, материал стен. Сохранилось много традиционных старинных домов, хотя в большинстве своем они расширены пристройками. На основании вновь выявленных археологических данных, историко-библиографических исследований, натурных обследований был разработан историко-архитектурный опорный план сельца, обследование застройки отражено в аналитических чертежах, разработанные рекомендации были внесены в генплан.

Всего в поселении было выявлено пять строительных периодов: середина–последняя треть XIX в., первая четверть XX в., 1930–1950-е гг., 1960–1980-е гг., после 1980-х гг. Был произведен также анализ стилистических характеристик застройки в соответствии с их художественной ценностью, соответствующей определенным цветам заливки в условных обозначениях. Выделено четыре различных типа застройки: ценная, нейтральная (фоновая), искаженная и дисгармоничная, — и для каждой разработаны проектные предложения. Рассмотрим их подробнее.

**Ценная застройка.** Здесь к постановке на охрану предлагаются наиболее сохранившиеся здания, всего 41 дом. К ним предъявляются требования, соответствующие режиму реставрации, а именно: сохранение объемно-пространственных характеристик зданий, высоты до карниза; дома освобождаются от искажающих пристроек и тамбуров; отметка конька кровли может повышаться до уровня соломенных, что содержится в проектных разработках; уличные фасады зданий освобождаются от загромождающих их глухих тамбуров, желательно устройство входа либо с бокового фасада,

либо со двора; рекомендовано согласование любых мероприятий в установленном порядке.

Для ряда домов были разработаны эскизные проекты, в которых особое внимание уделено воссозданию архитектурного облика. Увеличение площади домов предусмотрено в сторону двора.

**Нейтральная (фоновая) застройка.** К этой категории предъявляются следующие требования: сохранение существующего облика; устранение искажающих пристроек и тамбуров; согласование всех вносимых объемно-пространственных и планировочных изменений.

**Искаженная застройка.** Предъявляются следующие требования: реконструкция по специально разработанным проектам; в проектах предусмотреть выравнивание кровли с разворотом вдоль улицы, восстановление пропорции окон.

**Дисгармоничная застройка.** В нее включен, в частности, дом № 85 (сейчас продовольственный магазин) на месте здания потребительского общества начала XX в. (рис. 1), для которого был предложен эскиз реконструкции магазина. Для дома № 121, более похожего на скворечник (рис. 2), так были даны предложения по реконструкции (рис. 3): гаражи и сараи, вынесенные на



Рис. 1. Дисгармоничный пример застройки — дом № 85, продовольственный магазин. Фото Н. Завьяловой, 2003 г.



Рис. 2. Эскизное предложение по реконструкции продовольственного магазина в д. Ясная Поляна. Н. И. Завьялова, Д. Г. Завьялов, 2003 г.

Рис. 3. Дом № 121 — пример самостоятельной реконструкции — здание искажено сложными пристройками, надстройками. Фото Н. Завьяловой, 2003 г.



красную линию, рекомендовано либо снести, либо перенестись вглубь участков, разновысотные кровли выровнять.

Всего были представлены 23 проекта домов, а некоторые из них разработаны в нескольких вариантах. Также разработан эскизный проект интерьеров дома, совмещающего в себе жилые и гостевые функции, и проект жилого дома, удлиненного в плане в глубину участка.

В случаях нового строительства проекты следует разрабатывать, также исходя из предложенного альбома жилых построек. Искаженная и дисгармоничная застройка деревни постепенно должна трансформироваться в типовую историческую среду. Ограды участков должны выполняться либо из штакетника, либо из сетки, исключаются завышенные глухие заборы, скрывающие фасады исторической застройки. Для соблюдения правовых норм охраны исторического поселения следует разработать паспорт на всю деревню, тем более что данный проект обеспечивает достаточный объем исторического материала и подробную фотофиксацию. Необходимо разработать Документ на домовладение, который должен выдаваться жителям заповедной деревни Ясная Поляна и будет отличаться от подобного общепринятого документа.

Такие альбомы — типовой рядовой застройки — должны находиться в органах охраны ОКН, в заповеднике — у его архитектора.



Рис. 4. Эскизное предложение реконструкции дома № 121 с сохранением объёмно-пространственных характеристик. Н. И. Завьялова, Д. Г. Завьялов, 2003 г.

При выстраивании такого порядка могли бы произойти положительные сдвиги в налаживании отношений между домовладельцем, администрацией заповедника, органами охраны ОКН. Тогда можно говорить о стабилизации социальной и историко-планировочной ситуации. Пока непонятно, как узаконить этот процесс, но ждать решения от федеральной власти — значит постоянно утрачивать ценные фрагменты наследия. Видимо, надо упорядочивать его на местном уровне и постепенно придавать ему юридическую форму, т. е. начинать с практики.

Одним из удачных примеров нового строительства на прежнем месте можно считать дом вернувшихся на родину потомков духоборов на Красной улице. Ими был представлен проект крупного деревянного дома, достаточно безликого, который не вписывался в историческую среду. Архитектором заповедника были выданы рекомендации о понижении уровня конька кровли до преобладающих отметок домов, в плане здание несколько расширяется, внешне немного распластано. Это было выполнено и позволило добиться вписывания нового сооружения в существующую среду, что можно считать одним из успешных градостроительных принципов сохранения и развития исторического поселения.



Рис. 6. Образец современного жилого дома. Дер. Ширково, Пеновский район Тверской области. Фото автора, 2013 г.

Результатом проделанной работы является предоставление архитектору заповедника такого инструмента влияния на сохранение исторической застройки, как альбомы вариантов (типов) исторической застройки с проработкой каждого строения. Некоторые хозяева старых домов, реконструировав интерьер, не затронули внешние параметры дома. Другие же, несмотря на рекомендации, сочли возможным выстроить дома, наносящие ущерб историческому образу поселения. Но это результат прежде всего несогласованности функций административных дирекции (у них нет прямых рычагов воздействия на жителей) и органов охраны объектов культурного наследия, для которых подобные проекты непривычны и практически не разрабатываются.

Меняется планировочная ситуация и в Пушкиногорье. Появляются частные гостиницы, гостевые дома, музейные комплексы-деревни, такие как Бугрово. Деревня воссоздана в старинных

формах как объект показа. Гостиница «Арина-Р» в Пушкиногорье на окраине Бугрово построена на месте ранее существовавшей фермы. Надо признать, что архитектурный облик гостиничного комплекса выглядит сугубо современно, хоть и с претензией на старину. То же можно сказать и о формах благоустройства. Искажена в последние годы одна из главных панорам, открывающихся с Савкиной горки: теперь на противоположной стороне р. Сороти доминируют коттеджи.

Из гостевых домов в Пушкиногорье удачный пример — в Тригорском. Его мало кто знает он не бросается в глаза, а это и есть главным показателем гармоничного вписывания в любой ландшафт. Гостевой дом устроен в одном из существовавших ранее деревянных жилых домов, построенных в период, когда еще сохранялись строительные традиции. Это же относится и к микроландшафту гостевого дома — вспомогательным постройкам и пр.

На побережьях озер Стерж и Вселуг (в границах «Проекта зон охраны», или ПЗО<sup>45</sup>) сохранились традиционные типы застройки, характерные для Центрального региона России. Одним из ценных жилых домов больших размеров можно считать дом с мезонином в д. Теплень, предложенный к постановке на охрану. Более-менее удачным примером реконструкции можно считать дома на одном из участков в д. Синцово. Сомнения вызывает лишь покраска фасадов в цвет свежескрашенной древесины. В комплексе жилых и гостевых домов в дер. Наумово при реконструкции и новом строительстве учтены рекомендации ПЗО, лишь в одном из домов искажены высотные характеристики. Пожалуй, одним из самых удачных примеров вписывания в традиционную среду можно считать дом в с. Ширково. Высота, габариты, уклон кровли, материал стен, разбивка фасада, пропорции окон дома соответствуют требованиям охраны исторического поселения, поэтому его можно считать образцом для строительства других жилых сооружений.

В границах проекта зон охраны древнего Ширкова погоста проводилось детальное и всестороннее проектирование: разрабатывались генпланы всех деревень, расположенных на берегу озера, анализировалась эволюция застройки деревень, разрабатывались эскизы с рекомендациями по планировке участков. Архитектурных эскизов домов не было по разным причинам, вместе с тем, разработаны

<sup>45</sup> «Проект зон охраны объектов культурного наследия с. Ширково Пеновского района Тверской области». Авторы: Н. И. Завьялова, Д. Г. Завьялов. 2008 г.

режимы зон регулирования застройки и регламенты как общих типов, так и детальные рекомендации (несколько видов градостроительных регламентов) для всех типов застройки в границах зон охраны. Так, предусматривалось развитие поселений по основным планировочным направлениям в глубину участка от побережья для сохранения видов на историческую застройку с озера. При определении допустимой высоты домов учитывались такие факторы, как береговой рельеф и приближенность к воде.

Приведем пример.

*Регламент 1 — общий для всей существующей жилой застройки.*

**Запрещается:** любое строительство — жилое, промышленное, сельскохозяйственное, рекреационное, как частное, так и общественное, и расширение существующего без согласования с органами охраны объектов культурного наследия; строительство домов и сооружений из бетона, железобетона и других нехарактерных для деревни материалов; строительство гаражей и других хозяйственных построек у ограды вдоль улицы и на красной линии, на береговой линии озера и водной системы; нарушение красной линии при ремонте домов и изгородей; нарушение объемно-пространственной композиции; применение в отделке фасадов кирпича, сайдинга, сплошного остекления (витражей), металлоконструкций, вентилируемых фасадов и т. д.; окраска домов и других строений в яркие цвета, покраска красителями с сохранением цвета свежеработанного дерева; устройство крыш домов из кровельных материалов, имеющих блестящую поверхность (не окрашенный оцинкованный металл, металлочерепица); применение ломаных и несимметричных крыш на проектируемых постройках; перепланировка, оборудование территории, не отвечающее сохранности объекта культурного наследия; применение «глухих» оград из нетрадиционных материалов.

**Требуется:** при реконструкции традиционных по архитектурному решению существующих жилых домов изменение их объемно-пространственных и высотных характеристик (не выше 7 м от уровня земли до конька крыши) только с согласованием архитектурного решения с органами охраны объектов культурного наследия; сохранение уклонов крыш скатными, прямыми не больше 45°; крыши жилого дома, бани и хозяйственных построек должны иметь традиционное цветовое решение не ярких тонов; при реконструкции высота здания от дневной поверхности до конька кровли должна соответствовать разработанным указаниям, содержащимся на генпла-

нах деревьев и зависеть от местоположения строения относительно береговой линии.

*Регламент 2 — традиционная (ценная) жилая и хозяйственная застройка с сохранением объемно-пространственных и стилевых характеристик, и жилая и хозяйственная застройка, сохранившая объемно-пространственные характеристики и материал стен.*

**Запрещается:** все перечисленные выше указания.

**Требуется:** сохранение объемно-пространственных характеристик зданий, в том числе высотных: ограничение по высоте до 7 м от уровня поверхности земли до конька крыши; сохранение архитектурного решения фасадов (декор, структура фасадов, материал отделки, цветовое решение); отделка фасадов в двух вариантах: окраска бревенчатого сруба либо обшивка деревом с последующей покраской, традиционное цветовое решение фасадов — цвет естественно состарившейся древесины (серый) и т. д. (неярких тонов); сохранение типологии оконной столярки; сохранение пропорций оконных проемов; сохранение уклонов крыш скатными, прямыми не больше 45°, крыши жилого дома, бани и хозяйственных построек должны иметь традиционное цветовое решение неярких тонов; устройство крыш домов из кровельных материалов, имеющих блестящую поверхность (не окрашенный оцинкованный металл, металлочерепица) не разрешается; сохранение традиционных карнизных свесов; в застройке домовладения жилой дом должен иметь доминирующее значение по отношению к хозяйственным постройкам (по габаритам, высоте); возможно удлинение дома в плане в глубину участка при понижении на 1 м прируба относительно высоты дома при условии согласования архитектурного решения с органами охраны объектов культурного наследия (предлагается схема возможной планировки домовладений с учетом развития); хозяйственные постройки, располагаемые на участке, должны иметь традиционный характер архитектуры с симметричными прямыми скатными крышами с высотой не больше 5,0 м; ограждения должны быть традиционными деревянными (жердевое, плетеное и т. д.) с высотой не более 1,2 м; рытье подвалов проводить под надзором археолога и архитектора.

Визуальное обследование застройки побережья озер позволило разработать варианты высоты домов от дневной поверхности до конька крыши — от 6 до 8 м для сохранения исторического облика, в том числе со стороны озера.



Рис. 7. Стенд в Румынской деревне Вискри, на котором в колонках приведены типы возможной и не рекомендуемой застройки и детали фасадов. Фото С. Чернова, 2013 г.

Для сравнения можно посмотреть на опыт зарубежных стран. Деревни (или маленькие городки) стран Средиземноморья (Италия, Кипр, Греция) выглядят достаточно похоже. Постройки состоят в основном из местного материала — камня. Приятно поражает их единообразие — розоватый туф стен, красных оттенков черепичные крыши, 1-2 этажа. Казалось бы, однообразно... Нет, не однообразно, а единообразно и в цветовом отношении архитектура сочетается с цветом гор и моря, идеально вписывается в ландшафт. И так веками. В том числе, и в объемно-пространственном решении, и в стилистике фасадов. Долго наблюдала я разнообразие и богатство фасадов одного греческого дворика на морском побережье острова Халкидики. Оставляю за рамками планировку двора, гармонию его пропорций — наша задача описать строения. Они разнообразны. Учитывая жаркий климат, фасады не могут быть плоскими, так что присутствуют лоджии, балконы с навесами, покрытыми также черепицей, ниши с лестницами — бесконечное и очень уютное разнообразие. Игра света-тени. Это дома постройки начала 1970-х гг. Позже также не отступали от традиций и сохранялись объемно-пространственные характеристики, но фасады упрощались. То же деревни Кипра, Италии, Болгарии: местный материал — камень, черепичные крыши.

Почему я вспомнила эти постройки? Чтобы уточнить, что единообразие и ансамблевость — это не скучное единообразие, но то, что встречается в нашей отечественной искаженной коттеджами деревне, и есть «искаженное разнообразие». Да и коттеджи разновеликие, разномасштабные, дисгармоничные, безликие, а многие и уродливые. И уж, конечно, никак не сочетаются с традиционной сельской застройкой, в которой до сих пор встречаются немногочисленные дома XIX в. Многие не понимают, что даже без декоративного богатства фасадов, разнообразной резьбы наличников и карнизов, но создавая гармоничные пропорции объемов сооружений, они оказывают положительное воздействие на человека, его психику и здоровье.

Примером значимого уровня охраны наследия, его популяризации и понимания проблем со стороны общества может быть установленный в одной румынской деревне стенд. На нем в параллельных колонках приведены фотопримеры рекомендуемой и нежелательной застройки сельского поселения, а также предложены конкретные пожелания и пояснения. И этому стоит учиться (рис. 7).

### 1.7. Проблемы сохранения участка Северной железной дороги «Вологда–Архангельск» как объекта историко-культурного наследия

Еще десять лет назад были даны предложения по разработке «Стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в РФ, в том числе касающихся музеефикации исторических путей и дорог» с перспективой включения их в Единый государственный реестр объектов культурного наследия. Этот документ предусматривал сохранение территорий как объектов наследия, в том числе исторических путей и дорог<sup>46</sup>. Проект так и не был реализован: хотя Министерство культуры РФ одобрило данную стратегию, на ее реализацию не было выделено никаких средств. У автора работы создавалось впечатление, что имело место определенное непонимание роли музеев-заповедников как основы культурного каркаса страны, который запускает механизм сохранения исторического наследия и в том числе — пространства пути. Тем не менее, проект реализовывается на местах с привлечением региональных инициативных лидеров, а для этих целей нужна была подобная программа с учетом поддержки регионов, которые были вовлечены в музеефикацию исторических путей и дорог<sup>47</sup>.

В настоящее время Международный Комитет ЮНЕСКО осуществляет воссоздание знаменитых легендарных проектов «Великий шелковый путь», «Великий чайный путь», «Путь из варяг в греки». Немногочисленные музеи, ориентированные на демонстрацию значимой роли российских исторических дорог, свидетельствуют, что дорога-путь становится не только ресурсом экономического развития территории и решения вопросов занятости местного населения, но и поводом для консолидации и самоидентификации.

Именно такая идея появилась и у жителей малого города Няндомы, на протяжении многих лет считавших свой край обойденным культурной и исторической составляющей. Сегодня мы с уверенностью говорим о том, что город имеет удивительную, красивую историю. Только жаль, что в областном центре и на станциях участка «Вологда-Архангельск» до сих пор нет специалистов,

<sup>46</sup> Автор предложений — кандидат экономических наук П. М. Шульгин.

<sup>47</sup> Медведева Е. Дорога — удивительное дело! // Музей. — 2014. — № 2. — С. 14.



Рис. 1. Станция Обозерская, Архангельская область. Типовое здание железнодорожного вокзала. Начало XX века. [http://ru.rfwiki.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Obzerskaya\\_station.jpg](http://ru.rfwiki.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Obzerskaya_station.jpg) (время обращения: 4.05.2016)



Рис. 2. Паровоз-памятник на станции Няндомы. Архангельская область. [http://www.liveinternet.ru/community/lj\\_russiantowns/post37722146/](http://www.liveinternet.ru/community/lj_russiantowns/post37722146/) (время обращения: 4.05.2016)

занимающихся историей Северной железной дороги (архитекторов, искусствоведов, музейщиков). Недопонимание ценности имеющегося архитектурного ансамбля в городе, как, впрочем, и сооружений всей дороги, построенной С. И. Мамонтовым, привело практически к его разрушению в XXI в.

В конце XIX в. известный российский промышленник и меценат С. И. Мамонтов создал уникальный комплекс «Железная дорога и Мир вокруг нее». Ему удалось в полной мере осуществить социально-художественную задачу — преобразить отдельные станции в единый архитектурный ансамбль на расстоянии от Вологды до Архангельска. Архитектурное решение железной дороги на упоминаемом участке создавалось одновременно с сооружением рельсового пути и в первые годы его эксплуатации как грандиозный «идеальный проект» протяженностью более 600 верст. Сколь большое значение уделял известный российский меценат созданию образа и оформления железной дороги, показывает то, что «составление проектов гражданских сооружений» Вологодско-Архангельской железной дороги было поручено одному из крупнейших московских архитекторов того периода — Л. Н. Кекушеву совместно с И. А. Ивановым-Шицем. Архитекторами были разработаны типовые проекты деревянных пассажирских зданий для станций 3-4 классов, жилые дома, включая необходимые службы, путевые постройки, которые были представлены в специальном альбоме проектов, датируемым 1895 г. Здесь станция Няндомы относилась к 3 классу.

После совместного с министром финансов С. Ю. Витте путешествия по Русскому Северу Савва Мамонтов отправил по тому же маршруту своих друзей-художников: его всерьез захватила идея создания «Русской Норвегии», продвижения цивилизации и культуры в край, «так щедро одаренный природой и так несправедливо обойденный людьми»<sup>48</sup>. По его мысли, работы художников, привезенные из уникальных северных земель, поселений и деревянных городов должны были украсить вокзалы Северной дороги, чтобы люди учились понимать окружающую их красоту и памятники. Таким образом, в зданиях вокзалов осуществлялось бы некое соединение технического прогресса, который они олицетворяли, и искусства — прогресса духовного.

<sup>48</sup> Петухова Н. М. Художественно-эстетические тенденции формирования архитектурного комплекса Вологодско-Архангельской линии Северной железной дороги // Северная железная дорога и развитие прилегающих территорий. — Коноша, 2009. — С. 98.



Рис. 3. г. Няндомы, Архангельская область. Жилой дом. Улица Урицкого, д. 6. Фото середины XX века А. Швецова

Вплоть до перешивки железной дороги на широкую колею в 1915 г. комплекс построек оставался практически мало измененным и сохранял «мамонтавские» проекты. В дальнейшем строительство на станциях этой железной дороги велось уже без учета единства «красоты и пользы» архитектурных решений. И в каком-то смысле именно станция и часть города Няндомы является исключением, поскольку здесь строительство продолжалось вплоть до 1930-х гг. с учетом принятого мамонтовского проекта. Примером тому служит здание средней школы № 31 1922 г. постройки (ныне школа № 6), Клуб железнодорожников был построен в 1926 г. К сожалению, он не сохранился, но многие детали и конструкции подтверждают время появления этих и других сооружений: это упрощенная планировка зданий, гранитные фундаменты, большие характерного



Рис. 4. г. Няндомы, Архангельская область. Жилой дом. Улица Севастьянова, д. 26.  
Фото Н. Бессараба, 2011 г.

оформления окна, высокие вальмовые и полувальмовые крыши и практически отсутствие декора на фасадах.

В начале XX в. участок железной дороги «Вологда — Архангельск» поражал путешественников своей неповторимостью: «Дорога на Архангельск — узкоколейная, но поезда удобные и идут не так медленно, как я ожидал. Станции — в стиле английских коттеджей и приятно поражают глаз среди однообразия лесов...»<sup>49</sup>. Жилые дома изначально строились с расчетом на проживание семей, чтобы закрепить новоселов в этих местах. Застройка предусматривала создание полноценных жилых комплексов: при домах, огороженных

<sup>49</sup> Трошина Т. И. Северная железная дорога и ее влияние на социокультурное и экономическое развитие Архангельской губернии: Конец 19—начало 20 века // Северная железная дорога и развитие прилегающих территорий... С. 68.



Рис. 5. г. Няндомы, Архангельская область. Двухэтажный жилой дом (Дом начальника дистанции пути). Улица Урицкого, д. 8. Фото Н. Бессараба, 2011 г.



Рис. 6.  
г. Няндомы,  
Архангельская  
область.  
Школа.  
(Образцовое  
двухклассное  
училище.)  
Улица  
Островского.  
Фото Н. Бессараба,  
2011 г.

заборами, устраивали дворы для размещения лошадей и экипажей, имелись сараи, погреба, туалеты и помойные ямы.

Малому городу Няндомы, надо признать, повезло: именно здесь наиболее полно сохранился комплекс «мамонтовских» построек. Но местные жители даже и не подозревали, что это сооружения начала века и что они связаны с именем известного предпринимателя. А некоторые из них были уверены, что их необычные дома на высоких гранитных фундаментах, вблизи железной дороги, строили пленные немцы после Великой Отечественной войны. И очевидно, что только недавно пришло понимание ценности всего комплекса перечисленных сооружений и необходимости их поддержания, ремонта и реставрации.

В 2005 г. проблемами сохранения архитектурного ансамбля города дороги стал заниматься образовавшийся краеведческий музей «Дом Няны». В тот период он располагался в полуразрушенном здании, не имел коллекций и необходимого статуса и работал практически на общественных началах. Но благодаря первой научно-практической конференции, проходившей в Коноше 2008 г., Няндомский музей обрел уверенность в своем будущем. В конференции приняли участие многие специалисты и исследователи, поддержке которых мы благодарны до сих пор. Кандидат искусствоведения Н. М. Петухова, выступившая по совершенно для нас новой теме «Художественно-эстетические тенденции формирования архитектурного комплекса Вологодско-Архангельской линии Северной железной дороги», подсказала основное направление развития музейной сферы в городе. С В. Н. Теребововым, коллекционером фотографий времен строительства участка железной дороги «Вологда — Архангельск», издавшим книгу с уникальными снимками, музей подружился и получили в дар от автора в электронном виде опубликованные исследования.

Первым сигналом, подтвердившим правильность выбранного нами направления, стало приглашение в Тамбов в 2009 г. на международную конференцию по очень актуальной для нас теме «Железные дороги и процесс социальной модернизации России в XIX–начале XX века». И именно здесь впервые были представлены наши материалы о Няндоме, о Савве Ивановиче Мамонтове как создателе уникального проекта.

Но понимая необходимость фиксации современного состояния архитектурного ансамбля, сотрудники музея начали проводить работу по составлению реестра сохранившихся зданий, и в результате было выявлено не менее пятидесяти сооружений. Муниципальный Совет МО «Няндомское» на ходатайство о присвоении историческим зданиям статуса памятников местного значения пока не дал положительного ответа, поскольку такое решение должно быть подкреплено финансовыми ресурсами. Позже с собранными и наработанными материалами мы познакомили местных жителей и в первую очередь тех, кто имеет отношение к работе на железной дороге, и даже ветераны труда узнали для себя много нового и интересного.

Официальное подтверждение значимости исторической застройки было получено 21 ноября 2013 г. на научно-методическом Совете при Министерстве культуры Архангельской области,

где было вынесено решение о том, что здания и сооружения железнодорожного поселка ст. Няндомы обладают признаками памятников истории и культуры. В руководстве и города, и района осознают значимость имеющегося комплекса построек, но предпринять необходимые меры для их сохранения не могут из-за отсутствия требуемых средств. Только на проведение в 2014 г. государственной экспертизы и мероприятий по обследованию и консервации памятников требовалось более 9 млн рублей.

Сегодня, к сожалению, деревянные памятники и уникальные дома быстро меняют свой первоначальный вид: жители устанавливают пластиковые окна и увеличивают размеры оконных проемов, утрачиваются элементы декора, меняются объемы зданий... Не только сами дома, но и инфраструктура железнодорожного поселка требует сохранения и осторожного поддержания: развалившиеся сараи, годами не чистящиеся туалеты (выполненные когда-то в соответствии со всеми особенностями сооружений), выгребные ямы, заросшие сточные канавы... Все это говорит о разрухе и необходимости вмешательства в сохранение и развитие городской среды.

Архитектор Н. М. Петухова, обратившая внимание на имеющиеся у нас памятники, разместила на официальном сайте губернатора Архангельской области обращение по поводу важности сохранения ансамбля всего участка «Вологда — Архангельск Северной железной дороги». <http://www.orlov29.ru/input/suggestions/culture/366.html> Ее обращение поддержала и доктор архитектуры М. В. Нащокина, которая побывала в Няндоме, и с удивлением обнаружила, что в «кекушевских» домах до сих пор живут люди. Дома и сегодня удивляют своим нездешним видом, архитектурными изысками и «до сих пор радует глаз проезжающих <...> обширный поселок при станции Няндомы, сохранивший цельный облик начала XX века и представляющий широкую номенклатуру типов зданий, разработанных молодыми талантливыми архитекторами (Л. Н. Кекушев и И. А. Иванов-Шиц)»<sup>50</sup>. В опубликованной ею книге нашлось место фотографиям няндомских домов и признательности музею за предоставленную возможность разобраться в истории застройки бывшего железнодорожного поселка Северной железной дороги.

Историко-краеведческий музей, расположенный в одном из исторических зданий, требует не только ремонта, а серьезных исследований и последующей реставрации. На это нужны немалые средства, которые мы планируем заработать за счет проведения

<sup>50</sup> Нащокина М. В. Московский архитектор Лев Кекушев. — СПб.: Коло, 2012. — С. 115.

виртуальных и пешеходных экскурсий, публикуя материалы в СМИ, размещая видеоролики на сайте Администрации и кабельном телевидении, участвуя в создании документальных фильмов об истории города. Кроме того мы надеемся на привлечение специалистов, поиск средств в различных фондах, обращение в Управление Северной железной дороги, непосредственно к президенту ОАО «РЖД» и пр. Мы стремимся привлечь внимание к имени С. И. Мамонтова, к основанной им дороге и нашим сооружениям начала XX в.

Важным для музея с целью продвижения идеи сохранения архитектурного комплекса стало участие в конкурсе проектов регионального значения в июне 2014 г. Наш проект «Эта станция в окне...» получил поддержку губернатора Архангельской области, и мы надеемся, что в ходе его реализации нам удастся объединить интересы города, района, области и железной дороги.

Таким образом, прокладка дороги на Русский Север, безусловно, была важным политическим и культурным событием в дореволюционной России, способствовавшим развитию северных территорий. Известный российский промышленник и меценат С. И. Мамонтов и привлекаемые им специалисты с самого начала работ закладывали в проект не только строительство железнодорожной магистрали, но и продумывали социальный контекст жизнедеятельности тех людей, которые будут обслуживать эту дорогу и станции. Город Няндомы — пример тому, какие условия были созданы для проживания большого числа сотрудников, обслуживающих дорогу, и их семей. Сохранение архитектурного комплекса и железнодорожные сооружения города начала XX в. в определенных границах позволит считать эту территорию историческим поселением и придать ему значимый статус в будущем.

*Уильям Брумфилд (США)*

## **1.8. Великая Тотьма: центр северного барокко**

На Русском Севере есть много селений, архитектурные памятники которых отражают более ранний период экономического богатства и стратегического значения. Стех пор это значение сильно уменьшилось, но города по-прежнему радуют: Белозерск, Каргополь, Великий Устюг, Сольвычегодск. Среди этих сокровищ Севера

Тотьма является одним из самых своеобразных для современного наблюдателя. Именно здесь возвышаются одни из самых драматических форм церковной архитектуры Русского Севера. Даже на дальних подступах к Тотьме и в соседних селах можно видеть примеры величественной архитектуры в окружающих деревнях таких как, например, церковь Воскресения (конец XVIII в.) села Царево. Ныне заброшенная, она стоит высоко, на крутом берегу реки Царева и сохраняет монументализм классических форм.

Неважно, каким путем вы приезжаете в Тотьму через волнистые поля и леса или по широкой долине реки Сухона: в любом случае появление этих высоких церковных башен среди окружающего ландшафта вызывает чувство изумления. Я путешествовал по Тотемскому району в жаркие летние утра, когда силуэты церквей парят над окружающими полями. Но, по моему мнению, Тотьма лучше смотрится зимой, например, в морозный солнечный день (-30°), как это было в начале января 1997 г., когда церковные башни пробивались сквозь ледяной туман и дым из сотен деревянных изб, прикрытых снегом. Несмотря на неизбежный процесс и изменения в XX веке, Тотьме чудом удалось сохранить размер и ауру более ранней эпохи, в которой белые парящие храмы составляли один из самых красивых ансамблей России.

Тотьма давно привлекает внимание путешественников и ученых. Архитектура церквей Тотьмы XVIII в. уже подробно изучена российскими специалистами<sup>51</sup>. Тем не менее некоторые темы требуют более детального исследования, в частности, отношения памятников Тотьмы к церковной архитектуре в других северных городах (например Великом Устюге) и к архитектуре селений на Урале и Сибири (Соликамска, Енисейска и Иркутска).

Известно, что впервые Тотьма упоминается в 1137 г., т. е. на десять лет раньше Москвы и Вологды. Как часто бывает в России, название города возникло от названия ближайшей реки. Последнее, в данном случае, произошло из древних дославянских пермских слов, обозначающих «мокрое место, обросшее

<sup>51</sup> Среди существенных публикаций по архитектуре Тотьмы можно выделить: *Выголов В. П.* Архитектура барокко в Тотьме // Памятники русской архитектуры и монументального искусства / Под ред. В. П. Выголова. — М., 1980. — С. 103–125; *Бочаров Г., Выголов В.* Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. — М., 1983; *Григоров Д. А.* Тотьма и ее окрестности // Тотьма: Историко-литературный альманах / Под. ред. А. В. Камкина. Вып. 1. — Вологда: Русь, 1995. — С. 119–286; *Алферова Г. В.* Русские города XVI–XVII вв. — М., 1989. — С. 52, 149, 174, 181–182.

кустами и елями»<sup>52</sup>. Однако современная Тотьма находится не около реки Тотьма, которая впадает в Сухону почти на 17 км ниже по течению. Очевидно, первоначальное селение было разгромлено в 1539 г. набегом казанских татар. Оставшиеся в живых решили переселиться в более благоприятное место выше по реке и обосновались около соляных источников, ставших основой богатства района. Название Тотьма было перенесено на новое поселение, находившееся в месте слияния маленьких речек Песья Деньга и Ковда, впадающих объединенным левым притоком в р. Сухону<sup>53</sup>.

В наше время соль является настолько обыденным продуктом, что мы забываем о ее исключительной ценности как товара в средневековом мире. Соляные варницы Тотьмы, одни из самых ранних в России, в своем большинстве представляли собой примитивные неглубокие железные сосуды шириной 1 м и более, в которых и выпаривали соль из воды<sup>54</sup>. В середине XVI в. Тотьма стала крупнейшим центром производства соли. Это стало возможным благодаря монастырям Вологодчины, которые освобождались от государственных налогов для производства соли, например, Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологдой отправил одного из своих монахов Феодосия Суморина в Тотьму следить за производством соли.

Феодосий сумел верно оценить потенциал нового селения и в 1554 г. основал монастырь при слиянии речек Песья Деньга и Ковда. Получив разрешение и благословение настоятеля Спасо-Прилуцкого монастыря, он подал прошение в Москву для отмены налога на соль и в 1555 г. получил грамоту от царя Ивана IV<sup>55</sup>. Неудивительно, что Спасо-Суморин монастырь вскоре стал одной из самых богатых православных обителей вдоль реки Сухона, хотя до конца XVIII в. состоял почти полностью из

<sup>52</sup> О происхождении названия «Тотьма» см.: *Кузнецов А. В.* Дославянские топонимы тотемского края // Тотьма... Вып. 1. С. 48.

<sup>53</sup> Подробное описание реки Сухоны с притоками около Тотьмы см.: *Кузнецов А.* Сухона от устья до устья. — Вологда, 1994. — С. 37–39. См. также: Гидронимы речной системы Песьей Деньги // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 3. — Вологда: Легия, 2001. — С. 126 (Схема).

<sup>54</sup> Производство соли в Тотьме см.: *Замараев В. Н.* Солеварение в Тотьме // Тотьма... Вып. 1... С. 63–71; *Григоров Д. А.* Тотемские соляные промыслы // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. — Вологда: Русь, 1997. — С. 84–131.

<sup>55</sup> Подробную историю Спасо-Суморина монастыря и жизни Феодосия Суморина см.: *Савваитов Р., Суворов Н., Суворов И.* Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря. — Вологда, 1911; *Григоров Д. А.* Тотьма и ее окрестности... С. 224–248; *Хрусталева М. Ю.* Тотемские святые // Тотьма... Вып. 1. С. 53–57.



Рис. 1. г. Тотьма, Вологодская область. Спасо-Суморин монастырь. Вознесенский собор. Фото У. Брумфилда, 1998 г.

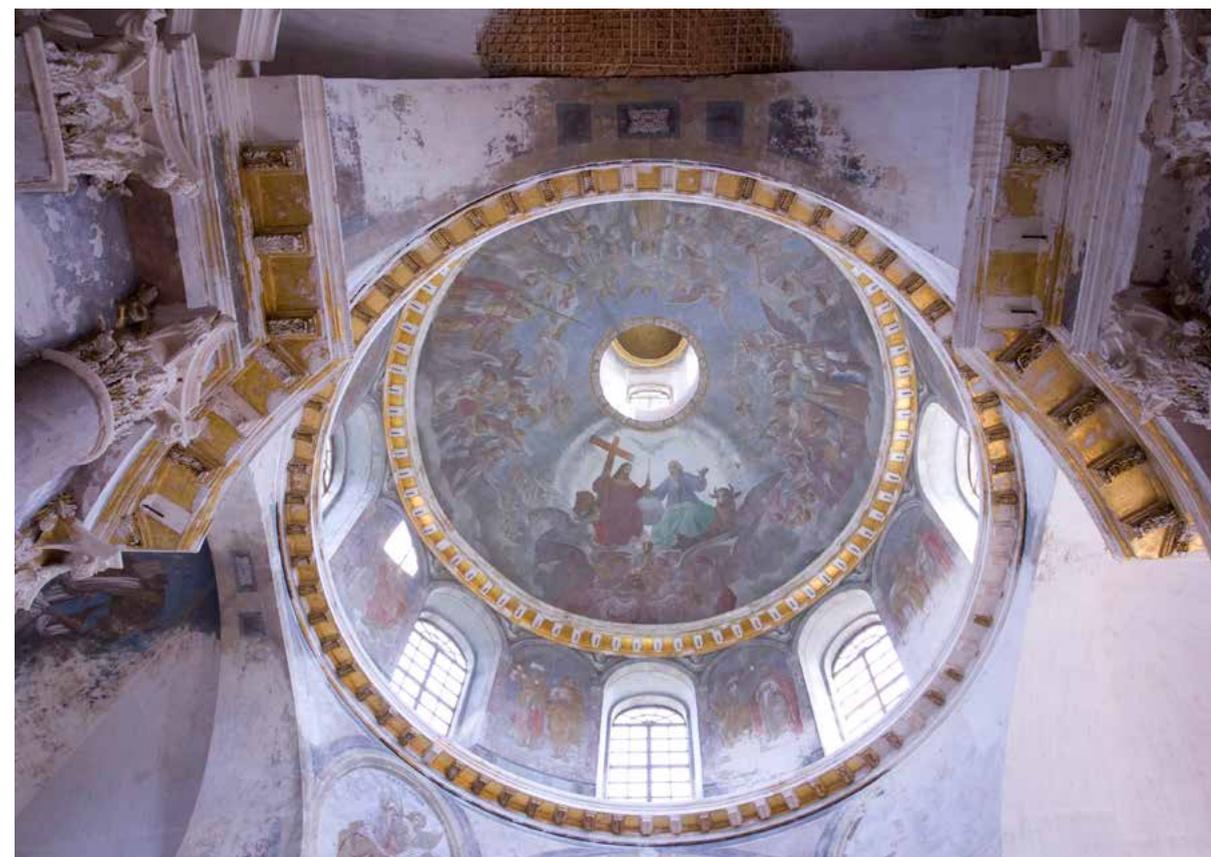


Рис. 2. г. Тотьма, Вологодская область. Спасо-Суморин монастырь. Вознесенский собор, интерьер. Фото У. Брумфилда, 2014 г.

деревянных сооружений. Ныне существующие архитектурные памятники были построены позже церковей в центре города. Для того чтобы не прерывать разговор об обители, мы приступим к краткому обзору сооружений этого ансамбля.

Монастырь долгое время находился в сильно разрушенном состоянии на западной окраине Тотьмы. Первая каменная церковь, освященная во имя Преображения Господня, была построена в 1680-е гг. Однако первое строение не сохранилось и давно исчезло под более поздними

перестройками<sup>56</sup>. Другая церковь, Успения Божией Матери, была построена в 1870 г. над массивной восточной стеной-террасой. Теперь от нее остались только разрушенные стены с фрагментами апсидной части. Самым грандиозным сооружением из сохранившихся построек монастыря является Вознесенский собор, построенный и расширенный в течение трех десятилетий в период 1796–1825 гг. (рис. 1).

Зрительной доминантой Спасо-Суморина монастыря была огромная колокольня, перестроенная над главным входом монастыря в 1800-1840 гг. до высоты почти 35 сажен. Ее второй этаж сохранил церковь Иоанна Златоуста. Сильно разрушенная пожаром, колокольня была частично отремонтирована. Однако оставшиеся структурные проблемы привели к ее сносу.

После долгого забвения в годы советской власти и многих утрат в настоящее время монастырь возвращается к своей жизни. Импозантные позднеклассические формы фасада Вознесенского собора восстановлены, проводится реставрация интерьера (рис. 2). Службу в храме ведет отец Феодосий.

Строения монастыря признаны историко-архитектурными памятниками федерального значения. На его территории находится памятник на могиле основателя форта Росс в Калифорнии Ивана Кускова. В бывших кельях располагается гостиница «Монастырские кельи», в помещениях братского корпуса фонды открытого хранения Тотемского краеведческого музея. Там сохраняются сотни традиционных предметов быта, использовавшихся в сельском хозяйстве и в доме. Коллекция возникла в начале XX в., когда краеведы начали понимать ценность этих народных предметов, часто красиво украшенных. Начиная с 1970-х гг., коллекция была расширена в большей степени благодаря повышенному интересу со стороны местных музеев. Несмотря на происхождение этих предметов, коллекция передает атмосферу исчезнувшей культуры северных деревень<sup>57</sup>.

Вернемся в раннюю историю Тотьмы. Еще одним организатором в развитии соляных промыслов Тотьмы стала ветвь рода

<sup>56</sup> История строительства главных церквей в Спасо-Суморине монастыре см.: Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма... С. 312–318; Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности... С. 232–238.

<sup>57</sup> Об этом отделе Тотемского музея см.: Хроника тотемского краеведения (1980–1995) (Сост. А. Спажев) // Тотьма... Вып. 2. С. 544. Анализ резных прялок в монастыре дается: Притчина В. А. Прялки из собрания Тотемского краеведческого музея // Тотьма... Вып. 1. С. 105–118.

Строгановых под руководством Афанасия и его сына Григория. Также как и в других местах на Севере, Строгановы добились почти полной монополии посредством безжалостной конкуренции с другими производителями соли (за исключением монастырей). Это стало возможным и в результате особого внимания власти к Строгановым за их заслуги перед царской семьей<sup>58</sup>. Таким образом, тотемские Строгановы процветали. Однако они не возводили великолепных каменных церквей, как это делал Аника Строганов, глава более мощной «строгановской империи» в Сольвычегодске, к северу от Великого Устюга.

Соль была не единственным источником богатства этого северного района. Охота и продажа пушнины тоже играли значительную роль. Даже на официальном гербе города Тотьмы изображена черная лиса на золотом фоне показатель важности торговли пушнины для местной экономики. Более того, с открытием торговли с Англией и Голландией во второй половине XVI в. через Архангельск, Тотьма стала важным речным портом и торговым центром. Ее большие склады не только отражали рост импорта, но и развивающуюся торговлю с Уралом и Сибирью по речной сети, которую открыли Строгановы.

В 1565 г. Иван Грозный включил Тотьму в состав опричных земель. Он посещал город в 1566-1571 гг. во время частых пребываний в Вологде, которую он, очевидно, хотел сделать своей северной резиденцией. К счастью, Тотьма избежала как разорений последних лет царствования Ивана Грозного, так и времен Смуты начала XVII в. В течение XVII в. благосостояние города сохранялось благодаря привилегиям, данным царским двором.

Как и Иван IV, Петр I высоко ценил стратегическое и коммерческое значение Тотьмы, которую он не раз посещал во время своих путешествий в Архангельск<sup>59</sup>. Однако с основанием Санкт-Петербурга в 1703 г. царь навсегда изменил направления торговли между Россией и Западом, которые поддерживали северные города. Тем не менее, последствия этих изменений не сразу стали заметны. В XVIII в. такие местные купцы, как, например, Пановы, показали удивительную предприимчивость в освоении дальних территорий. И к концу века ими было организовано несколько экспедиций на Аляску. Тотмич Иван Кусков основал в 1812 г. Форт Росс

<sup>58</sup> Самая подробная работа по операциям Строгановых на Севере: Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. — М., 1962; специально о Вологде и Тотьме см. с. 251–273.

<sup>59</sup> Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма... С. 271.

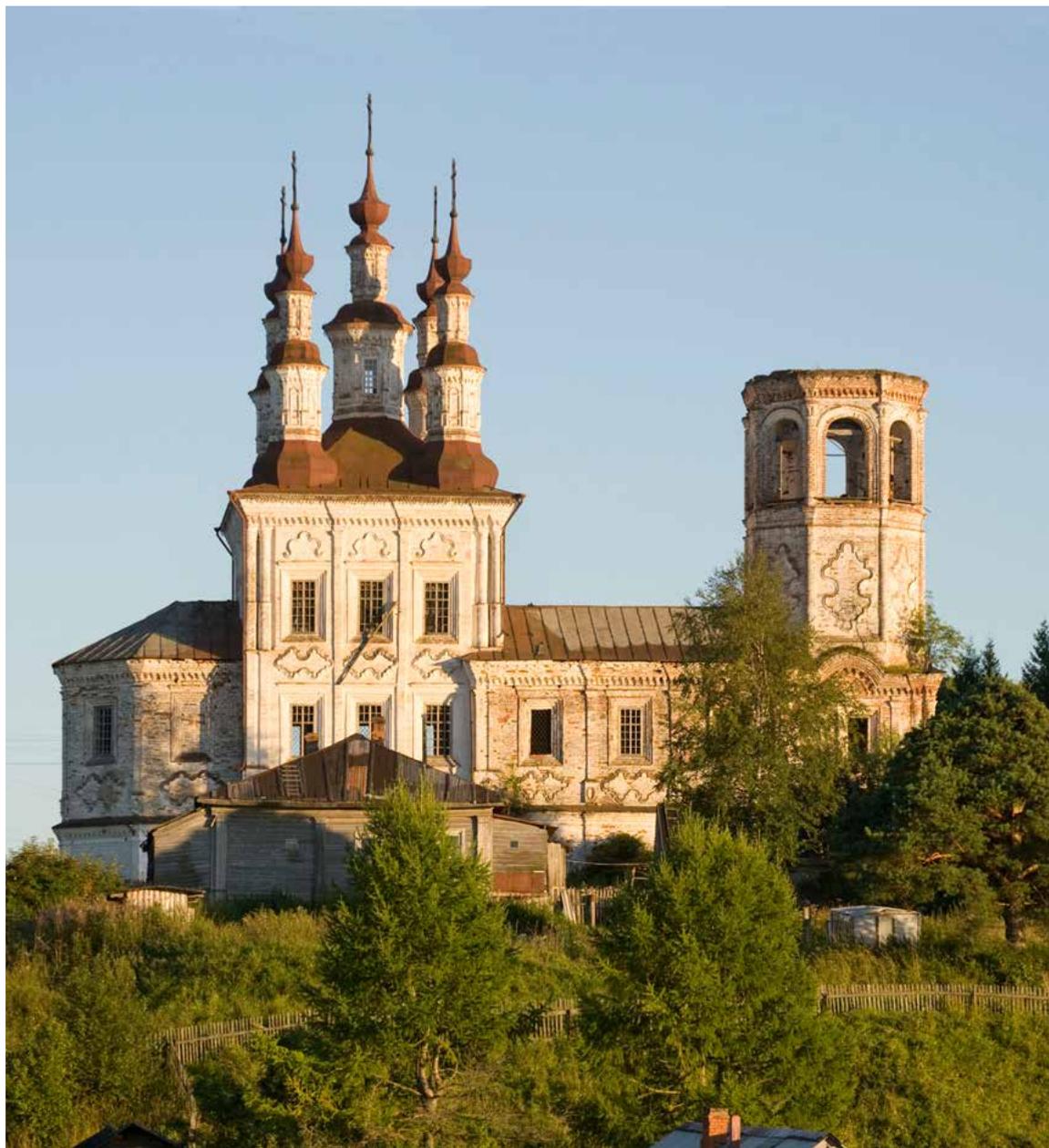


Рис. 3. г. Тотьма, Вологодская область. Церковь Воскресения в Варницах.  
Фото У. Брумфида, 2011 г.

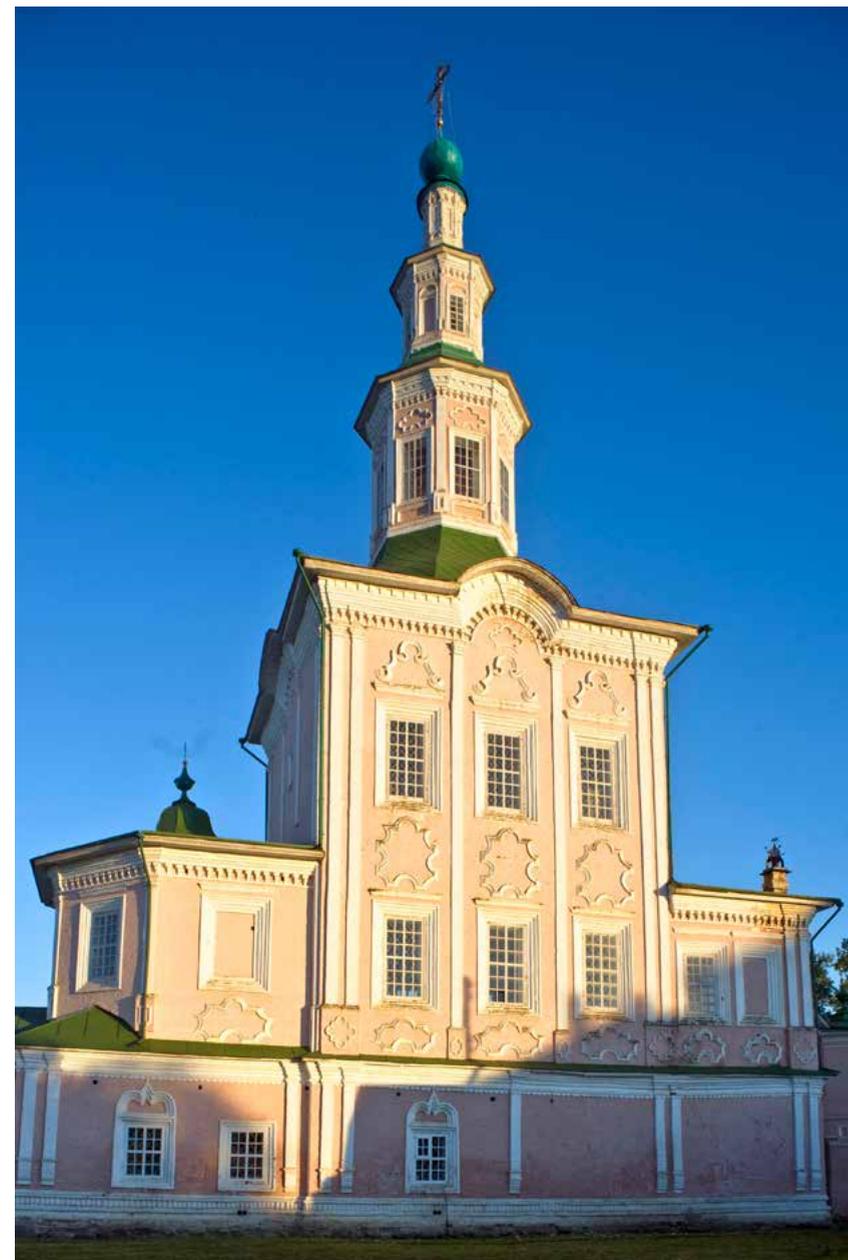


Рис. 4. г. Тотьма, Вологодская область. Церковь Рождества Христова.  
Фото У. Брумфида, 2011 г.

и был первым ее комендантом. Его скромный деревянный дом в Тотьме ныне приспособлен под привлекательный музей<sup>60</sup>.

Богатства, которые перекачивались в Тотьму в XVIII в., были вложены в строительство нескольких каменных церквей поразительных форм с высокими колокольнями и барочным украшением своеобразными картушами в кирпиче. Эти церкви и близлежащий Спасо-Суморин монастырь, возвышающиеся над окружающими деревянными слободами, были рассчитаны на особое восприятие со стороны реки. К счастью, некоторые из этих памятников реставрируются: в одних случаях для богослужебных целей, в других как музеи. С каждым годом реставрация наращивает свои темпы. На очереди великолепный храм в Варницах.

Самая старая сохранившаяся в Тотьме церковь Иоанна Предтечи (1738–1740), находящаяся рядом с Входаиерусалимской церковью. До недавнего времени сохранялся лишь нижний ее этаж. Ныне храм восстановлен и открыт как действующий для прихожан и гостей города. Его стены дают значительные сведения о форме тотемских церквей до появления своеобразного тотемского стиля — так называемого «тотемского барокко». То же самое можно сказать и о церкви Воскресения (1744–1749), основная структура которой сохранилась, хотя без восьмигранного барабана и купола<sup>61</sup>. Эти церкви заметно схожи с типичной приходской архитектурой конца XVII в. в Москве и напоминают особенные ее детали — пышные наличники<sup>62</sup>.

Первым примером «тотемского барокко» является церковь Воскресения в Варницах, расположенная на северо-восточной окраине города<sup>63</sup> (рис. 3). Нижняя часть здания датируется 1743–1750 гг., а верхняя часть была надстроена в 1772–1775 гг. Таким образом, в тотемской архитектурной практике был создан прецедент сооружения высоких церковных структур в два этапа. Нижний этаж все

<sup>60</sup> Обзор деятельности Кускова в Северной Америке см.: Черницын Н. А. Исследователь Аляски и Северной Калифорнии Иван Кусков // *Летопись Севера*. Вып. 3. — М., 1962. — С. 108–125.

<sup>61</sup> Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности... С. 131–137; Выголов В. П. Архитектурное барокко в Тотьме... С. 106; Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма... С. 290–291.

<sup>62</sup> Анализ-московской церковной архитектуры XVII века. См.: *Brumfield W. C. A History of Russian Architecture*. — Cambridge; New York, 1993. — С. 141–200.

<sup>63</sup> О церкви Воскресения в Варницах с вкладками Строгановых см.: Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности... С. 210–222; Выголов В. П. Архитектура барокко в Тотьме... С. 104, 108; 112–113, 116; Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма... С. 310–312.



Рис. 5. г. Тотьма, Вологодская область. Троицкая церковь в зелёной рыбацкой слободе. Фото У. Брумфилда, 1996 г.



Рис. 6. г. Тотьма, Вологодская область.  
Церковь Входа Господня в Иерусалим. Фото У. Брумфилда, 2011 г.

еще показывает стилистические черты предыдущего столетия, но верхняя часть ясно очерчивает основную форму (включая простые наличники) с причудливым кирпичным фасадным декором в виде картушей.

Башнеобразная церковь Рождества Христова в центре Тотьмы демонстрирует быстрое развитие нового стиля. Вместо традиционного пятиглавия с колокольной структура храма сильно централизована с вытянутыми восьмериками, возвышающимися над главным сооружением в манере шпиля (рис. 4). Трапезная и крыльцо скромные по сравнению с подчеркнутой вертикальностью. Эта постройка была сооружена также в два этапа: нижняя зимняя церковь датируется 1746–1748 гг., а верхний храм был надстроен в 1786–1793<sup>64</sup>. Таким образом, нижний храм служит основой высокого верхнего храма, но архитектура так изящна, что слияние структур почти не заметно. Отдельно стоящая колокольня сооружена в 1790 г., была снесена в советское время. Здание, расположенное в центре Тотьмы, недавно было передано Православной церкви. Стены теперь видны без реставрационных лесов, которые долго окружали церковь.

Следующим примером в серии тотемских шедевров является Троицкая церковь в зеленой рыбацкой слободе около реки Сухоны (церковь в Зеленях) (рис. 5). Как и Христорождественская церковь, она была сооружена в два этапа (1768–1772 и 1780–1788) на средства, предоставленные купцом Сергеем Черепановым. Судя по документальным источникам, удалось установить имя мастера это Федор Титов, государственный крестьянин. Своей основной формой она возвращается к традиционному пятиглавию церковной архитектуры XVII–XVIII вв. (как и Воскресенская церковь в Варницах). В то же время она имеет позднюю тотемскую особенность вертикальную очерченность и украшение фасадов кирпичным орнаментом. В настоящее время церковь передана прихожанам и после недавней реставрации структура церкви находится в хорошем состоянии. Ее купола, разрушенные в советские времена, вновь парят над рекой, а кирпичные стены с картушами вновь радуют сверкающей белизной (рис. 6).

<sup>64</sup> Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности... С. 156–161; см. тоже: Выголов В. П. Архитектура барокко в Тотьме... С. 113, 117, 119; Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма... С. 281–282.

Самый импозантный из тотемских памятников был сооружен в один этап. Церковь Входа Господня в Иерусалим была построена на средства братьев Григория и Петра Пановых — купцов, участвовавших в торговле с Русской Америкой. Несмотря на то что она была сооружена за один раз, церковь сохраняет традицию соединения двух храмов в одном здании. В нижнем (теплом) богослужения совершались зимой, а в верхнем (холодном) — летом. Все церкви этого типа в Тотье были смело сооружены без внутренних столпов. Узкие пилястры, которые расчленяют фасад и подчеркивают его высоту, пышный кирпичный орнамент между рядами окон и детали карниза и барабанов обнаруживают удивительное чувство пропорций. Колокольня, пристроенная с западной стороны к трапезе, повторяет вертикальный акцент главного сооружения<sup>65</sup>.

В советское время эта церковь и ее колокольня были лишены куполов, а после войны интерьер был разрушен, когда здание приспособили под винный завод. Купола теперь восстановлены. Более скромный нижний храм приспособлен под Музей мореходов. Реставрация храма завершена и радует глаз своими пышными формами с сияющими белыми, оранжевыми и золотистыми цветами.

Другие современные реставрационные проекты связаны с Успенской церковью, расположенной рядом с церковью Воскресения, на северном берегу Сухоны. Она была построена в 1749–1755 гг. сразу после строительства Воскресенской церкви, однако от первоначальных стен сохранились лишь фрагменты. Большая часть церкви была снесена при перестройке в 1800–1808 гг., в результате чего получился скромный одноэтажный храм. Может быть, это сооружение предназначалось в качестве основы для более высокого храма, как это было принято в тотемской традиции двухфазового строительства. Церковь была покрыта деревянной крышей и низким куполом в классическом стиле. Главная часть помещения теперь отведена под Музей церковной старины, открытый в 1995 г.<sup>66</sup>. Колокольня, строительство которой было начато в 1790 г. и закончено в 1808 г., оставляет

<sup>65</sup> Григоров Д. А. Тотма и ее окрестности... С. 188–191; Выголов В. П. Архитектура барокко в Тотье... С. 115, 117, 120; Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотма... С. 285, 289.

<sup>66</sup> Григоров Д. А. Тотма и ее окрестности... С. 131–139; Выголов В. П. Архитектура барокко в Тотье... С. 107–108, 118; Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотма... С. 292–293.

в тени главный храм. Нижний этаж колокольни хранит на себе яркий пример тотемского кирпичного орнамента — картуша. При хорошей погоде с колокольни открывается великолепный обзор Тотмы, долины реки Сухоны и близлежащих деревень.

В классическом стиле выполнен и прежний кафедральный собор города Богоявленский. Первая каменная постройка собора, который первоначально был деревянным, появилась в 1744–1749 гг. и, по-видимому, была похожа на другие местные церкви этого периода. Попытки реставрировать собор в начале XIX в. постепенно преобразовывали его фундаментальную структуру классицизма (1816–1822 гг., архитектор И. А. Фохт), которая была существенно изменена в 1863–1868 гг.<sup>67</sup>. В советский период купола были снесены, и в результате собор приобрел вид классического дома.

Кроме церковной архитектуры, Тотма широко славилась ремеслами, в частности резьбой по дереву. Местные мастера отличались производством резных игрушек. Все эти навыки можно видеть в центре города в украшениях деревянных домов, в узорчатых наличниках и карнизах. Подобное можно увидеть и на крышах, где сохранились сложные металлические водостоки<sup>68</sup>. До революции здесь существовала Петровская ремесленная школа, изделия которой с успехом выставлялись на всероссийских и международных выставках. Ныне она вновь открыта, и в ней занимаются ученики, овладевающие мастерством резчиков по дереву, лепки глиняных и мукасолевых изделий, живописи, рисунка и др.

Как и в других городах Русского Севера, деревянные дома в Тотье все более уступают строительству монотонных кирпичных зданий, которые неэстетически вписываются в окружающую среду. Однако радует, что с недавнего времени небольшие деревянные жилые дома стали вновь сооружаться в центральной части города. Также можно сказать, что Тотма лучше сохранена, чем большинство северных городов, отчасти благодаря изменениям в торговых путях XIX в. и благодаря отсутствию железной дороги. Эти факторы привели к спаду экономического роста города. В виду своего скромного размера и преобладания сельского хозяйства, Тотма сохраняет гармо-

<sup>67</sup> О Богоявленском соборе см.: Григоров Д. А. Тотма и ее окрестности... С. 139–147; Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотма... С. 273–275.

<sup>68</sup> Северная архитектура Тотмы и деревянные дома еще не изучены подробно. См.: Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотма... С. 295–300.

ническое отношение к своей среде. В то же время отсутствие экономического развития приносит и свои проблемы. Поэтому необходимы экономические и иные ресурсы для поддержки не только уровня жизни горожан, но и реставрационной работы столь великолепного культурного наследия. Таким ресурсом становится развитие культурно-образовательного регионального туризма, проблемы которого обсуждались на Всероссийской конференции в Тотьме в 2014 г. Существенную помощь в восстановлении памятников архитектуры и градостроительства оказывает Клуб деловых людей Вологодского землячества. Тотьма со своими архитектурными ансамблями и оригинальным тотемским барокко становится все более и более привлекательным северным городом<sup>69</sup>.

<sup>69</sup> См. также вариант статьи автора под заголовком: *Брамфилд У.* Памятники церковной архитектуры Тотемского района // Тотьма... Вып. 3. С. 278–285.

## ГЛАВА 2. ДЕРЕВЯННЫЕ ГОРОДА, СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ РОССИИ



Историческая застройка г. Елабуги, Республика Татарстан. Рисунок О. Севан, 1987 г.

## 2.1. Исторические деревянные города и поселения России: проблемы сохранения и развития

В настоящей статье акцент сделан на исторических городах и поселениях с преимущественной деревянной застройкой, поскольку они сохранили важный экологический и традиционный ресурс развития страны — дерево. Такой анализ центров исторических городов важен при рассмотрении территорий и культур различных регионов России и мира, поскольку сравнительный анализ подходов в их формировании, как и наследия, методов сохранения и развития исторических городов и поселений оказывается полезным на разных этапах их формирования. Небольшому анализу предложены города Томск, Иркутск, Вологда пос. Шушенское (Красноярский край), село Ошевенское (Архангельская область).

Мы обращаем внимание на то, что имеется множество различий в историко-культурных зонах (или регионах) России, и они должны быть учтены при формировании современной культуры и образа жизни местного населения и при проектировании региональной системы расселения, когда прогнозируются социально-экономические, демографические и другие процессы. Это касается разных типов поселений в рамках рассматриваемых регионов, и различия разных территорий страны должны быть сохранены и продвинуты. И по всему миру вместе с поисками модернизационных и технологических образцов наблюдается стремление к сохранению особенностей территорий, исторических анклавов городов и сельских поселений. Современная ситуация обращает нас не только к анализу происходящих процессов на разных территориях страны, но к поиску идентичности и своеобразия проживающего здесь населения. И наша задача состоит в том, чтобы показать: сельские территории, как и исторические центры городов разных типов, памятники, жилое строительство могут стать основой для продвижения культурных образцов и развития российской самобытной культуры и архитектуры.

Анализ исследований исторических и современных деревянных сооружений важен для сохранения реальной культурной среды сельских поселений и исторических городов с учетом регионального своеобразия. Разработка типологии традиционного жилища,

проверенного временем, оказывается не только полезной, но и увлекательной с целью понимания культуры различных этнических групп населения<sup>70</sup>. Одни российские архитекторы в течение всего XX в. пытались и пытаются найти способ объединить и использовать традиционные формы, конструкции, детали в современных деревянных зданиях, другие работают в совершенно новых интернациональных и интересных формах. Таким образом, сегодня налицо поиски решений в сфере реставрации и реконструкции старых и новых методов строительства. Это сложный процесс формирования среды исторических городов и деревень в России. Есть много новых зданий с использованием старых украшений или конструкций, без какой-либо связи с историко-культурными зонами (или регионами). Это можно видеть особенно в городах (деловые или коммерческие центры в стиле *à la russe*), много так называемой «вернакулярной, народной архитектуры» на дачах и пр.

Но современная ситуация обращает нас к поиску идентичности и сохранению собственного своеобразия, к обсуждению и пониманию актуальных задач в сфере домостроения, проведению круглых столов, семинаров, организации выставок и конкурсов архитекторов и молодых специалистов, строителей, технологов в решении новой деревянной региональной архитектуры. И задача специалистов — продвигать идеи и показывать, что памятники, сохраняемые как в музеях под открытым небом, так и на местах их строительства могут стать основой и культурными образцами и для развития российской самобытной архитектуры. И они могут выйти на международный уровень и завоевать рынок деревянного домостроения, а исторические города с преимущественной деревянной застройкой, как и сельские поселения, могут привлекать туристов и тем самым укреплять экономические показатели территорий или войти в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО. И такие поселения, и города с преимущественной деревянной застройкой в нашей стране имеются.

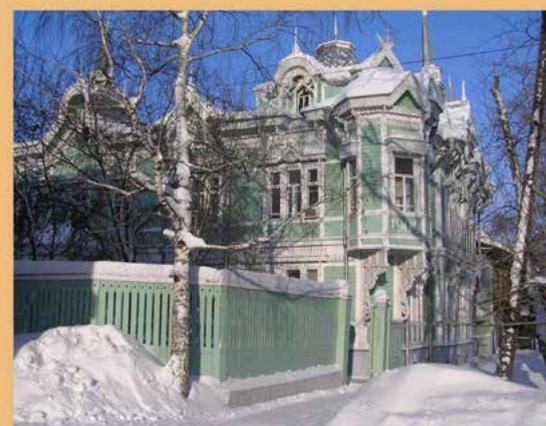
**Томск.** Исторический город и уникальный для России образец деревянного строительства. Здесь в конце XIX–начале XX вв. работали известные мастера, придав очарование и сделав самобытным этот сибирский город<sup>71</sup>. В 1991 г. Администрацией Томска был

<sup>70</sup> Севан О. Г. «Малые Корель»: Архангельский музей деревянного зодчества: История создания, методология проектирования, современное состояние. — М.: Прогресс-Традиция, 2012. — 368 с.

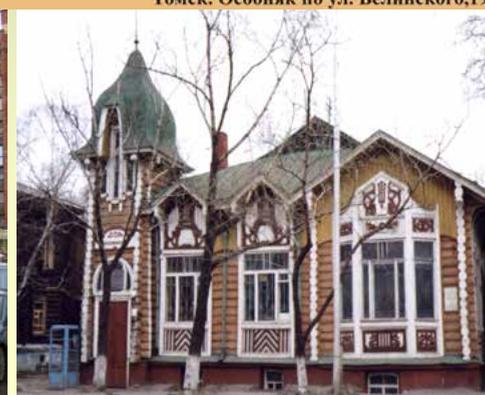
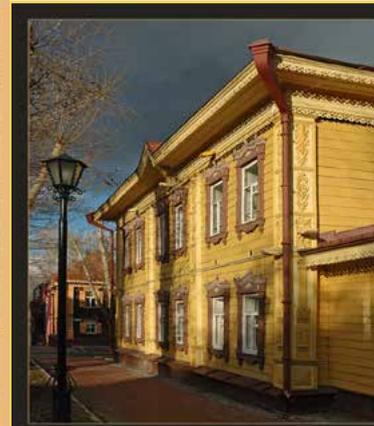
<sup>71</sup> Лучшие томские дизайны. История вторая: Дом Крячкова / Томский обзор [Электронный ресурс]. — URL: <http://obzor.westsib.ru/article/413707> (время обращения: 05.12.2015).



**Объекты  
федерального  
значения  
- 16**



Томск. Особняк по ул. Беллинского, 19.



**Объекты  
муниципально  
й охраны  
- 270**



Рис. 1. Объекты охраны федерального и муниципального значения на территории г. Томска.  
Авторские предложения архитектора Н. А. Лисовской

создано Муниципальное учреждение по сохранению исторического наследия города «Томск исторический». В 2008 г. городской Думой была принята «Программа сохранения деревянного зодчества города Томска», но до этого были проведены исследования существующей деревянной застройки, выявлена типология жилых построек, их техническое состояние и пр., определены механизмы реставрации или ремонта разных построек. Всего было выявлено более семисот построек как федерального, так и регионального и муниципального значения, определены групповые территории с сохранившейся деревянной застройкой в городе.

Опыт создания такого центра заслуживает специального анализа с целью понимания методов управления культурным деревянным наследием в городской среде. Но очевидно, что именно

благодаря тому, что в его руководстве имелись знающие и заинтересованные специалисты, благодаря правильно ориентированному менеджменту, разработанной программе сохранения наследия, работе с населением и пр. — удалось спасти, отремонтировать, реставрировать и реконструировать многие объекты города. Однако несколько лет назад это муниципальное предприятие было закрыто, и сегодня власти города проводят новую строительную политику, привлекая девелоперов к формированию городской среды.

Между тем, стоит вспомнить, что в 2004 г. по поручению губернатора «Томском историческим» была разработана программа «Сохранение деревянного зодчества г. Томска» (автор Н. А. Лисовская)<sup>72</sup>. Сложная дисперсная структура из более 3000 имеющихся на территории города деревянных строений была преобразована

<sup>72</sup> Лисовская Н. А. Концепция программы «Сохранение деревянного зодчества г. Томска». — Томск, 2004. — 250 с.

в 11 групповых зон деревянного зодчества — своеобразный музей под открытым небом общей площадью 300 га. 701 из наиболее ценных объектов деревянного зодчества, вошедшие в список сохраняемых сооружений данной программы, должны быть восстановлены на своем родном месте с учетом исторического ландшафта, археологии, градостроительных доминант и исторической функции, которая должна стать инвестиционным коридором саморазвития исторической территории. Программа состоит из архитектурной части (что сохранять) и менеджерской (как сохранять). Ременеджеризация предусматривает ряд мер:

- учитывая, что памятники обладают свойствами невосполнимых утрат, разработать экономико-правовой и налоговый режимы по физическому сохранению культурного материального фонда Томска. Это режим хозяйствования и разграничения прав собственности, модели поощрения экономической деятельности, создание фонда сохранения деревянного зодчества, советов территориального общественного самоуправления и профессиональных групп социального проектирования по каждой зоне деревянного зодчества, ведение Консорциума — проектирования и проекта участия пользователей<sup>73</sup>;
- формировать идеологию сохранения деревянного зодчества через СМИ: создание единого информационного поля через цикл специальных телепередач, работа с удаленными целевыми аудиториями, разработка PR-концепции и рекламной стратегии, расширение научного издательства и выпуск реферируемых периодических изданий, поднимающих статус культурного наследия, проведение тематических ежегодных конкурсов;
- выстраивать воспитательно-образовательный процесс молодого поколения томичей — будущих профессиональных кадров и защитников культурного наследия (семь ступеней);

С 2005 г., когда начала реализовываться программа «Сохранение деревянного зодчества г. Томска», 65 объектов преобразились внешне, произошла замена аварийной инженерной инфраструктуры, постоянно благоустраиваются многие исторические городские усадьбы. За пять лет на сохранение деревянных объектов было потрачено 600 млн руб. Анализ утрат деревянных объектов после 2000 г. показал, что теперь их не надо поджигать — застройщик выкупает квартиры в деревянном доме, а потом под девизом «священной

<sup>73</sup> Птичникова Г.А. Градостроительство и архитектура Швеции 1980–2000. — СПб.: Наука, 1999. — 199 с.

частной собственности» сносит. Опыт показывает, что проблема сохранения объектов деревянного зодчества лежит, в основном в административно-правовом поле.

После кризиса 2008 г. был разработан новый алгоритм сохранения деревянного зодчества. Так как к 2010 г. денег на реставрацию памятников в городском бюджете не оказалось, было предложено ремонтировать жилье, представляющее культурную ценность, в рамках реализации федеральных целевых программ по капитальному и текущему ремонту, расселению ветхого аварийного жилья, реформированию ЖКХ, внутриквартальному благоустройству. Этот механизм стал реализовываться в Томске с 2011 г. через управляющие компании. Кроме того, в муниципальной программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Томске на 2012–2018 гг.» (автор Лисовская Н. А.) объекты деревянного зодчества составили более половины объектов туристической инфраструктуры. Была предложена кластерная модель капитализации культурного наследия на историко-культурной платформе в правовом режиме государственно-частного партнерства.

Кадровые изменения в руководстве Томска и Томской области привнесли свои нюансы в реализацию программы по сохранению деревянного зодчества. В 2015 г. Администрацией Томска было объявлено о необходимости корректировки списка объектов программы. Мэрия была готова выделить финансовые средства на оплату работы экспертов по сокращению списка объектов деревянного зодчества.

В ходе реализации программы стало понятно, что с изменением социально-экономической ситуации в стране необходимо менять и подходы к сохранению культурного наследия. Административное управление начинает уступать место экономическому регулированию, и это выдвигает уже иную стратегическую цель — поиск новых управленческих механизмов:

В. М. Кресс, прежний губернатор Томской области, сегодня представляющий ее в Совете Федерации, один из лидеров сохранения деревянных памятников города, охарактеризовал ситуацию, в которой оказались многие города с сохранившимися деревянными домами: «Кроме Томска, это проблема также актуальна для Иркутска, Вологды, Архангельска, Костромы, Иваново. Штучные объекты сохранились и в некоторых сибирских городах. И если мы



Рис. 2.  
Декоративный  
барочный  
наличник дома  
в исторической  
части г. Иркутска.  
Фото О. Севан,  
2013 г.

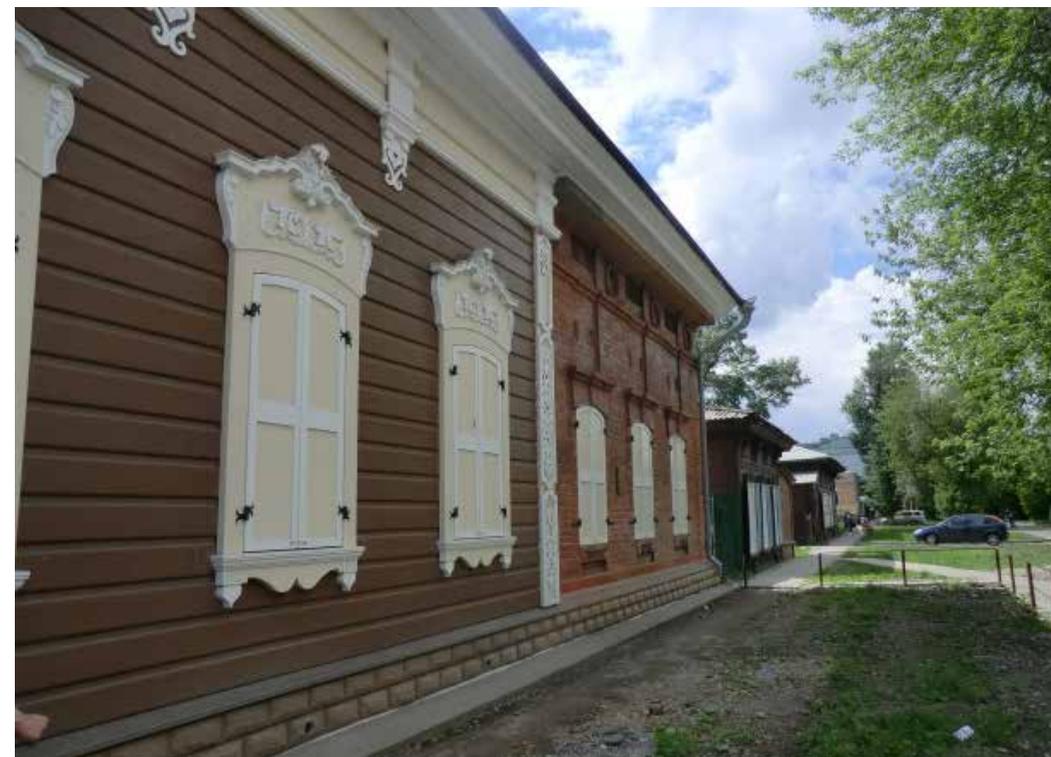
и дальше будем относиться к ним так же, как относимся сейчас, то лет через 10–15 уже ничего не останется»<sup>74</sup>.

Законодателями были инициированы нескольких поправок в действующий закон «О культуре» относительно исторического наследия, каким и является деревянное зодчество. Но и в этом вопросе нет четкого разделения собственности по уровням власти, поскольку, как считают депутаты, федеральный центр оставил непомерно много федеральных памятников в регионах. Но если это памятник федерального значения, то он должен соответствующим образом содержаться, а не только быть поводом для взимания арендной плата, которая, кстати, также уходит в федеральный бюджет. В итоге на приведение здания в порядок средства не выделяются, и они ветшают.

<sup>74</sup> Виктор Кресс: «Проблему сохранения деревянной архитектуры в Томске только за счет местного бюджета не решить»: интервью 17 июля 2014 г. / Томский обзор [Электронный ресурс]. — URL: <http://obzor.westsib.ru/article/418246> 17.07.2014 (время обращения: 04.12.2015).

В. М. Кресс считает, что для начала работы над таким серьезным законом «нужно не только согласие правительства, нужно, чтобы и Совет Федерации, и Министерство культуры работали вместе, а иначе мы никаких поправок никогда не примем. В Год культуры в стране [2014. — Ред.] проводится много мероприятий и в такой ситуации как никогда видны моменты, которые не урегулированы на законодательном уровне». Но сегодня в законе нет отдельного понятия «деревянная архитектура». Попытка ввести такое понятие была, но в связи со сменой министра культуры, по мнению сенатора, это так ничем и не закончилось. Цель закона — обратить внимание на такие уникальные для России памятники и сделать так, чтобы поддержку из федерального бюджета получали не только федеральные объекты, но и объекты, находящиеся в региональной и муниципальной собственности. И очевидно, что только за счет муниципалитета и регионального бюджета проблему сохранности не решить. Трудно не согласиться с мнением Кресса: «Одним из

Рис. 3.  
Историческая  
часть  
г. Иркутска.  
Фото О. Севан,  
2013 г.



важнейших условий развития территорий сегодня является туризм. За счет этого экономического показателя процветают целые страны. Но туристы, особенно иностранные, не будут приезжать и смотреть на типовую застройку. У них достаточно своих Хилтонов, поэтому они предпочтут деревянный уютный дом с его особенным окружением. Конечно, можно построить такой отель в историческом центре, но если в городе не сохранятся тихие зеленые улицы, уникальные деревянные дома, особенная среда, то показывать туристам будет нечего. Ведь деревянное зодчество — это составляющая нашей национальной идентичности. Я не сторонник того, чтобы деревянную застройку повсеместно насыщали бизнес-функцией. Каждая улица и дом, как пациент на приеме у врача, требует индивидуального подхода. Поэтому нужно уходить от типовых решений. Открытые пространства, рестораны, общественная жизнь — все это важно, но есть люди, которые просто живут в старых деревянных домах, и если мы уберем их, то потеряем город»<sup>75</sup>.

**Иркутск.** Это одновременно и типичный, и уникальный сибирский город. Он возник в XVII в. точно так же, как и все остальные города на восточной окраине России — в результате заселения территории Сибири: сначала как укрепленное место для размещения военного отряда казаков, затем крепость. Город территориально расширялся во времени, но пожар 1879 г. уничтожил фактически весь город. После пожара Иркутск очень быстро начал отстраиваться заново, причем на месте сгоревших домов возникала новая деревянная и каменная застройка, стилистически мало чем отличавшаяся от предшествовавшей.

Дома строились деревянные, в 1–2 этажа. Вплоть до начала XIX в. каменными были только культовые, административные и некоторые общественные здания. Сегодня отдельные фрагменты деревянной застройки сохранились в почти неизменном виде, где-то сохранился исторический ландшафт, который видоизменялся во времени, и особенно в течение XX в. До сих пор сохраняются отдельные дома XVIII–XIX вв., а группы жилых построек по-прежнему формируют фронт улиц, выходя на проезжую часть главными удивительно декорированными фасадами. Деревянная застройка в центральной части Иркутска местами сохраняется целыми кварталами, что представляет большую редкость в нашей стране.

Город имеет интересную историю, связанную, в том числе, с декабристами. Здесь сохранились две деревянные усадьбы —

<sup>75</sup> Там же.

музеи декабристов. Всего же в Иркутске сохранилось около 700 жилых деревянных построек разного типа с уникальными декоративными наличниками, воротами при въезде в усадьбы и пр. В некоторых деталях, конструкциях, типах домов видна связь с архитектурой Русского Севера, откуда в XVII в. приходили многие переселенцы. Сохранились интересные элементы различных этнических культур. Многие из объектов значатся в списках федерального и регионального значения. Сохранились отдельные анклавы улиц, кварталы деревянной застройки, требующей сохранения и реконструкции, но прежде всего — решения вопросов инженерной инфраструктуры. Уникальный декор деревянных домов не способен спасти их от сноса, так как без воды и канализации они являются подлинными трущобами.

В течение десятилетий осуществлялись многие исследования, градостроительные и памятниковые проекты, но программы развития, какая была в Томске, не существовало. Однако, понимая значимость деревянной застройки, как и ее инвестиционную привлекательность, областные и городские власти приступили к разработке и, что еще важнее, реализации интересного проекта, который был осуществлен в Иркутске в течение трех лет (2006–2009) по регенерации одного из исторических кварталов (№ 130) старой части города. Все 56 сооружений этого квартала были обречены на снос. Официальный охранный статус имели лишь 6 зданий — памятники регионального значения и два сооружения, предлагаемые к постановке на госохрану. Эти объекты планировалось «собрать» вдоль ул. Седова, а остальную территорию застроить 7–8-этажными жилыми домами.

Регенерация исторического квартала № 130 г. Иркутска, как говорят авторы проекта<sup>76</sup>, способна стать одним из примеров новой градостроительной политики в решении проблем, типичных для многих исторических городов России, сохранивших национальное сокровище — живую деревянную идентичную городскую среду.

Здесь можно видеть примеры как реставрации или реконструкции объектов, так и нового строительства. Известны и минусы в реализации проекта. Так, застройщики увеличивали площади и высоты зданий, меняли фасады и пр., а центральная пешеходная

<sup>76</sup> Григорьева Е. И., Меерович М. Г. Удастся ли спасти деревянную застройку Иркутска? // Культура дерева — Дерево в культуре. — М., 2010. — С. 45–49. — URL: <http://www.ecovast.ru/images/2010/Derevo.pdf> [дата обращения: 25.11.2015]; они же. 130-му кварталу три года. Что дальше? — URL: <http://irkstroy.ru/content/articles/3893> (время обращения: 25.11.2015).



Рис. 4.  
Регенерация  
исторического  
квартала № 130  
г. Иркутска.  
Общий вид.  
Фото О. Севан,  
2013 г.

улица этой части города была рассечена огромным торговым центром, против строительства которого протестовали архитекторы: по проекту здесь должно было оставаться открытое пространство для проведения различных общественных мероприятий. Тем не менее, он остается единственным примером решения

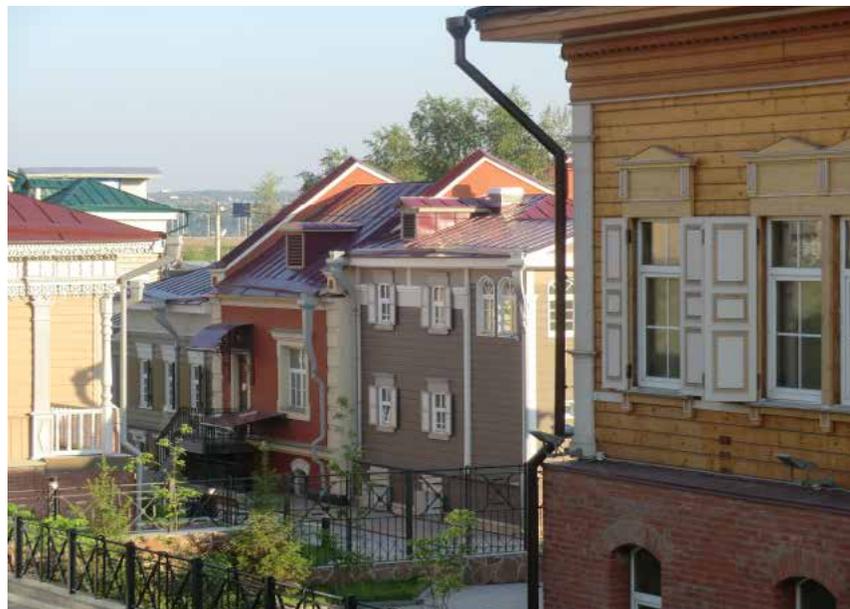


Рис. 5.  
Регенерация  
исторического  
квартала № 130  
г. Иркутска.  
Реставрация,  
реконструкция,  
новое  
строительство.  
Фото О. Севан,  
2013 г.

реконструкции городской части города, ставшей современным активным центром жизни горожан, молодежи, туристов: здесь есть рестораны, кафе, музеи, выставочные пространства, мастерские, частные гостиницы и пр.

В целом этот проект — интересный и успешный пример решения одной из очень непростых государственных проблем — сохранения и развития исторических деревянных городов России. И не случайно этот великолепный образец успешного подхода к формированию городского деревянного квартала получил 1-е место на конкурсе Союза архитекторов России, посвященного реконструкции исторического города в 2010 г. Но очевидно и то, что невозможно весь город и его отдельные улицы, анклавы кварталов реконструировать таким же образом: здесь ради сохранения уникальной городской деревянной застройки следует применять разные подходы.

Решение инфраструктурных проблем исторической части города требует партнерства власти разного уровня, бизнеса, частных лиц и общественных организаций, для чего должны быть созданы совместные проекты областной власти и города, экспертов, бизнеса, различных организаций и населения. Первым шагом мог бы стать междисциплинарный совет при губернаторе и мэре города с привлечением экспертов разного профиля. Их функция — быть «глазами и ушами» городской жизни, совместно ставить и решать вопросы. Так, известно, что проведение канализации и водопровода — острейшая проблема многих деревянных городов, непростая, но решаемая, как показывает опыт других городов. Вот для этого и необходимо привлекать различные фонды и партнерства.

Многие специалисты говорят о том, что срочно требуется разработка программы развития деревянного зодчества Иркутска. Свою позицию я уже не раз озвучивала, но хочу еще раз напомнить: «Конечно, нужно работать с населением, необходим масштабный пиар деревянного зодчества Иркутска. Его цель — поменять понимание жителей, особенно молодых людей, о том, что старые дома нельзя использовать, но если в них провести всю необходимую инфраструктуру — то это будет удобный и экологический вид жилья. Дерево — это чистый, воспроизводимый материал, оно имеет и культурный, и символический смысл. <...> С ним связана вся наша российская культура. <...> В России музеев перевозимого типа всего около 30, вместе с музеями-заповедниками около 170, а в Швеции — 1162. Это показывает отношение жителей

и власти к своему наследию! В Норвегии центр исторического Бергена XVIII века взят под охрану ЮНЕСКО, люди на соседних улицах живут в деревянных домах и успешно сдают их туристам»<sup>77</sup>.

Возможно, включение исторических центров Иркутска и Томска («достопримечательного места») в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО способно остановить уничтожение деревянной исторической застройки и спасти уникальный «архитектурный генофонд» Сибири.

**Вологда** — исторический город, где сохранилась удивительная среда Русского Севера, уже исчезнувшая во многих поселениях, с уникальными храмовыми комплексами, монастырями, тихой и деревянной застройкой улиц и дворов. Но сегодня здесь сложилась непростая ситуация. С одной стороны, в последние годы возникло большое общественное движение за сохранение исторической



Рис. 6.  
Историческая  
часть  
г. Вологды.  
Фото О. Севан,  
2012 г.

<sup>77</sup> Иркутск уникален своим деревянным наследием: [интервью с О. Севан] // Областная газета [Электронный ресурс]. — 2013, 5 июля. — URL: <http://www.ogirk.ru/news/2013-07-05/32525.html> (время обращения: 05.12.2015).

Вологды, проводятся фестивали, лекции, мастер-классы, выставки, поддерживаемые местной властью. И в то же время город потерял около 300 деревянных домов: их сносят, строят новые из кирпича и обшивают деревом. По сути, это муляжи, которые не имеют никакого отношения к деревянной архитектуре.

Еще в советское время были сделаны основные градостроительные проекты, ориентированные на сохранение анклавов и улиц города, были даны предложения по реставрации и рекон-



Рис. 7.  
Реконструкция  
исторического  
деревянного  
дома – муляж.  
г. Вологда.  
Фото О. Севан,  
2012 г.

струкции жилых построек, но вопрос с инженерными сетями так и не был решен на должном уровне. Жилые памятники постепенно ветшали и приходили в негодность. Поскольку у местных жителей не было средств на проведение канализации и водопровода, власти приняли решение о сносе деревянных построек и строительстве «муляжей под дерево»...

Тут уместно обратиться к иному опыту. Сегодня во многих европейских и американских городах набирает силу процесс строительства многоэтажных деревянных домов, а идеи т. н. «умных



Рис. 8. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», Красноярский край. Главная улица. Фото О. Севан, 2014 г.



Рис. 9. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». Вид из окна дома. Фото О. Севан, 2014 г.



Рис. 10. Новая деревня. Продолжение музея-заповедника «Шушенское». Фото О. Севан, 2014 г.

домов» постепенно становятся образцами экономического и экологического отношения к окружающей среде и к жителям территорий.

Нам же с сожалением приходится констатировать, что, когда мы говорим о деревянной Вологде, это уже наше несколько мифическое представление об историческом северном объекте.

**Шушенское.** Это историческое поселение в далеком Красноярском крае. С 1970-х гг. здесь располагается известный мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина». Но в 1993 г. была принята новая концепция развития государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское», и музей изменил направление работы, не забывая истоки своего формирования<sup>78</sup>. И это действительно уникальный музей (его можно отнести к музеям под открытым небом третьего типа), представляющий историческую часть села. Сюда к сохранившимся и стоящим на исходном месте (in situ) 17 отреставрированным объектам были перевезены как из села, так и из района 12 местных жилых

построек, хозяйственные сооружения и пр. — всего около 200 объектов, которые используются под мастерские, фонды и пр. Здесь представлен исторический квартал с разного типа жилыми деревянными домами, которые могут являться образцами для современного строительства и реального использования, с удивительными декоративными деталями, характерными для данного региона Сибири. Можно увидеть и почувствовать в реальности социально-культурную жизнь сибирского села (проживавших в Шушенском на рубеже XIX–XX вв. зажиточных семей, ремесленников, крестьян разного достатка), а поскольку воссозданы и работают мастерские, небольшие магазины и пр., это придает музею жизнь в глазах посетителей.

В 2007–2011 гг. по решению администрации края в Шушенском на прилегающей к музею-заповеднику территории (более 3 га) в продолжение одной из улиц музея были построены из нового материала шесть крестьянских усадеб с подобием стилей памятников деревянного зодчества «Новая деревня». Она существует обособленно, но, в тоже время, в продолжение музея. Предположительно,

<sup>78</sup> Терентьева В.И. «Новая деревня» на старый лад // Музей. — 2014. — №8. — С. 54–57.

это аналоги двух регионов Красноярского края — ангарская деревня и староминусинское поселение. Эти объекты используются в туристических целях: здесь можно видеть гостиничные номера на различное число мест, представлены воссозданные по историческим образцам интерьеры, на заказ были изготовлены мебель, зеркала, посуда, декоративные детали комнат. Вся инженерная система — современная (туалет, душевые кабины и пр.) с электрическим обогревом дома.

Новый (так его называют сами музейщики) архитектурно-этнографический комплекс имеет 34 объекта и включает не только жилые дома, но и хозяйственные постройки: гостевой дом и кухню-кафе, баню, игровую площадку, охраняемую автостоянку и пр. Побывать в новых современных усадьбах в любое время года, попробовать местную кухню, послушать этнические песни, увидеть и примерить одежду населения, проживающего исторически в этих местах — это увлекательное путешествие в прошлое...

Изготовление аналогов-новоделов для музея стало особым направлением деятельности, способствующей сохранению традиционных навыков и технологий, а также поддержанию современных мастеров. Продолжением «Новой деревни» стала прилегающая к музею природно-ландшафтная территория около 5 га (бывший заброшенный сквер), который постепенно становится местом проведения семейного отдыха как для туристов, так и для местных жителей.

**Поселение Ошевенское** в Архангельской области расположено в 45 км от исторического города Каргополя (на реке Чурьеге — левом притоке Онеги) и состоит из деревень Погост, Ширяиха и Низ. Несколько в стороне от жилья, на южном берегу реки можно видеть постройки основанного в 1453 г. Александро-Ошевенского монастыря, каменные здания которого были возведены в XVIII и XIX вв. и сохранились в плохом состоянии (предполагается их медленное восстановление специально созданным фондом одноименного названия). В селе сохранилась деревянная Богоявленская церковь 1787 г. со старым кладбищем, требующим, как и храм, восстановления и реставрации. Село достаточно живое, в отличие от многих соседних поселений, особенно летом за счет приезжающих жителей и туристов. Здесь есть сельская библиотека — центр жизни местного сообщества, в гостевом доме собрана коллекция народного костюма и предметов крестьянского быта, как и в купеческом особняке, представлены интерьеры и северные изделия.

В 2015 г. был открыт этнографический музей «Ошевенская волость», который был создан по инициативе населения и при поддержке Попечительского совета Александро-Ошевенского монастыря, Фонда сохранения культурного наследия Каргополя «Наследие Севера». Это должен быть музей под открытым небом «in situ», который планируется на реальном месте (в отличие от музеев перевозимого типа «скансен»), и предполагается, что он будет охватывать несколько деревень, объединенных названием «поселение Ошевенское»: Ширяиха, Погост, Низ, Гарь, Большой Халуи, Малый Халуи, Бор. Основная цель его создания, по идее его организаторов —



Рис. 11. д. Погост, поселение Ошевенское. Богоявленская церковь с колокольней. 1787 г. Фото О. Севан, 2012 г.



Рис. 12. д. Ширяиха, поселение Ошевенское. Дом «Театр света». Архитектор А.П. Ермолаев. Фото О. Севан, 2012 г.

Рис. 13. Поселение Ошевенское, Архангельская область. Вид со стороны реки Чурьеге. Фото О. Севан, 2012 г. (разворот)



сохранение традиций русской культуры, развитие туристического потенциала района. Природные ландшафты, памятники деревянного зодчества, традиционная материальная и духовная культура, древнейший монастырь, урочище с огромным валуном, хранящим память о преподобном Александре Ошевенском, мост на городнях, деревенская улица с сохранившимися сельскими домами, вытянувшаяся вдоль реки Чурьги, храмы, часовни и кресты, бани и амбары — все это объекты музея. На фоне памятников деревянного зодчества предполагается представить жизнь и быт русской деревни, образцы традиционной культуры, этнографических традиций, национальной кухни, ремесел, устного народного творчества.

Однако пока не ясно, какого типа будет музей, каков будет его статус, есть ли разработанная концепция, каковы этапы его создания и пр. Не разработаны охранные зоны вокруг значимых сооружений в данном поселении, поэтому не ясно, как и на каком основании уже проводится воссоздание части ограды вокруг Богоявленской церкви 1787 г. и колокольни. А поскольку данного уникального сельского поселения нет в Списке исторических поселений, то такого типа деятельность может разрушить чудом сохранившееся своеобразие села<sup>79</sup>. Кроме того, с целью сохранения облика поселения необходимым становится проектирование и строительство современных жилых и общественных зданий, вписывающихся в данную территорию с учетом регионального своеобразия и местных традиций. Проводить такого типа работу, как и разработку концепций создающихся музеев под открытым небом (*in situ*) в сельских поселениях необходимо с привлечением профессионалов, а не только общественных организаций, бизнеса и населения, а утверждать такие проекты и отдельные проекты реставрации сооружений — в государственных органах охраны памятников РФ.

Между тем, в деревнях Ширяихе и Погост группа архитекторов во главе с известным архитектором и руководителем Мастерской ТАФ (Театр архитектурной формы), профессором МАРХИ А. П. Ермолаевым и его коллегами в течение 20 лет приобрела у местных жителей 11 жилых домов, а также ряд хозяйственных построек и малых форм архитектуры, сохранив тем самым центральную часть деревни. Здесь для студентов и молодых архитекторов проводятся мастер-классы и учебные программы, касающиеся методов сохра-

<sup>79</sup> Приказ Минкультуры РФ № 418, Минрегиона РФ № 339 от 29 июля 2010 г. «Об утверждении перечня исторических поселений». К историческим поселениям относятся 41 город и два сельских поселения.

нения деревянных сооружений в исторической среде, их современное переосмысление с целью использования в реальной жизни. Методами дизайна, свойственными этой творческой группе, были сохранены разрушавшиеся хозяйственные дворы некоторых домов, предложены современные методы строительства для использования в образовательных целях (например, дом «Театр света», современные бани), а также реконструированы старые бани как место для ночлега туристов (см. ниже статью А. П. Ермолаева. — *Ред.*). Сохранились и приведены в порядок интерьеры сохранившихся жилых домов, в реконструированных и реставрируемых объектах представлены современные экспозиции, есть новые сооружения, органично вписавшийся местный ландшафт.

Несомненно, это один из реальных примеров сохранения сельской среды с применением современных методов дизайна и понимания средового контекста исторического сельского поселения. Именно московским архитекторам, на наш взгляд, должны быть благодарны как местные жители, так и те, кто приезжают в новый создающийся музей куста деревень под общим названием Ошевенское за сохранение архитектурного облика исторического центра села<sup>80</sup>.

#### **Выводы.**

Небольшой анализ подходов к сохранению и развитию исторических центров российских городов и поселений с преимущественной деревянной застройкой демонстрирует сегодня несколько основных направлений и методов строительства:

1. сохранение нескольких зон с преимущественной деревянной застройкой и создание специального муниципального центра, который отвечает за всю деятельность в рамках установленных границ охраняемых территорий (пример — Томск), придав такой организации полномочия по решению вопросов реставрации, реконструкции и осторожного нового строительства, включая финансовые вопросы;
2. выбор определенного квартала жилой деревянной застройки города, который реконструируется и частично реставрируется, привлекая в такой проект не только госструктуры, архитекторов, но и частный сектор, девелоперов, различные организации при активной поддержке губернатора и мэра города (пример — Иркутск);
3. создание и реализация проектов, предусматривающих копирование ранее стоявших на определенных местах жилых комплексов (городских усадеб или отдельно стоящих домов). Основной остов здания — бетон, кирпич или др., но обшивается деревом. Такие постройки (муляжи)

<sup>80</sup> URL: <http://kargopoland.ru/culture/news/805> (время обращения: 25.11.2015).

снаружи выглядят как деревянные и повторяют декор и частичные конструкции исторических сооружений (пример — Вологда);

4. одно из наиболее простых и реальных решений для современных администраций и проектировщиков — это воссоздание копий на собственный вкус, с учетом некоторых образцов деревянных построек, исторически существующих в данном регионе, используя при этом современные методы строительства и материалы (пример — пос. Шушенское, «Новая деревня», Красноярский край);

5. наконец, наиболее сложный и принимаемый специалистами и руководством поселений путь — сохранение реальных сооружений на местах их строительства, в реальной среде, придавая им новый современный контекст, не меняя содержания и образа построек. Использование осторожных методов дизайна приветствуется (пример — поселение Ошевенское, Архангельская область). При создании и строительстве музеев под открытым небом (in situ) в сельских поселениях необходимы консультации и привлечение профессионалов.

Для решения ряда срочных вопросов, касающихся сохранения красоты исторических центров городов и сельских поселений России, необходимо:

- создание на региональном уровне специальной службы при главном архитекторе для консультирования и отслеживания методов строительства в сельских поселениях и исторических центрах городов с учетом региональной специфики сооружений и местных традиций;
- включение в Список исторических поселений как городов с преимущественной деревянной застройкой, как и отобранных сел и деревень;
- разработка охранных зон памятников истории и культуры территорий исторических сельских поселений и центров городов с преимущественной деревянной застройкой;
- создание кафедр деревянной архитектуры и конструкций в МАРХИ, МИСИ, ГУЗ для изучения исторического и современного строительства, проектирования с учетом регионального своеобразия, местных традиций;
- создание альбомов городского и сельского жилища, малых форм архитектуры с учетом региональной местной специфики и традиций с целью встраивания в городскую и сельскую среду, сохранения идентичности и духа места;
- организация или восстановление реставрационных и плотницких мастерских, артелей, ранее существовавших во многих областях страны

в прошлые десятилетия для поддержки сельского строительства, ремонта и реставрации сооружений;

- привлечение к сохранению и развитию сельских поселений НИИ на межведомственном уровне в сфере сельского хозяйства, экономики, культуры и пр., а также всех участников сельского развития на территориях (музеев, клубов, школ, информационных центров и пр.);
- формирование положительного отношения у местных жителей, молодежи, бизнес-структур и др. к деревянной и сельской архитектуре средствами массовой информации и Интернета;
- организация специального образовательного проекта на ТВ с ориентацией на историческую и современную сельскую и городскую архитектуру, включая деревянную;
- проведение по регионам образовательных семинаров, конкурсов и выставок деревянного строительства с учетом региональной специфики и традиций местного строительства.

Рис. 14.  
Поселение  
Ошевенское  
Архангельской  
области.  
Вид со стороны  
речки Чурьега.  
Фото О. Севан,  
2012 г.



А. П. Ермолаев (г. Москва)

## 2.2. От «архитектуры» к строительству: опыт работы в селе Ошевенском

Несмотря на видимый «расцвет» архитектурного творчества, так же очевидно, что у архитектуры нет будущего: она слишком скомпрометирована постоянным обслуживанием «власть и деньги имущих» и увековечением незрелого честолюбия архитекторов. На смену вещам надуманным, конъюнктурным вновь приходят вещи простые и естественные, а умное, рациональное строительство выступает здоровой альтернативой архитектурной нарочитости.

За долгие годы работы на Русском Севере в селе Ошевенском Архангельской области Мастерская ТАФ выработала определенное отношение к тому, что делает на около архитектурную тему<sup>81</sup>. Это отношение формирует контекст коллективного северного суще-

Рис. 1. Баня с помостом над рекой Чурьегой. Поселение Ошевенское Архангельской области. Фото О. Севан, 2012 г.



Рис. 2. Баня над рекой Чурьегой. Поселение Ошевенское Архангельской области. Окно. Фото О. Севан, 2012 г.

Рис. 3. Баня над рекой Чурьегой. Поселение Ошевенское Архангельской области. Дизайн бокового фасада. Фото О. Севан, 2012 г.

<sup>81</sup> URL: <http://masterskaya-taf.ru/news/2015/summer> (время обращения: 25.11.2015).

простейшего, самого распространенного погоняжа со стремлением делать объект собственными силами. В нашем случае, поскольку мы в течение почти двадцати лет живем в селе Ошевенском, силами студентов, приезжающих в «Летнюю Школу» в это удивительное село, практически впервые держащих в руках ножовку, саморезы, тем более — бензопилу, это становится возможно. И наша задача была делать это профессионально и быстро.

Таким образом, в 2014 г. за один месяц (с 13 июля по 13 августа) была с нуля сделана «белая» баня рядом с существующей традиционной «по-черному», образуя естественно-живописный комплекс из двух бань и дома — столярной мастерской, конфигурацией отдаленно напоминающий наш любимый «Си-ранч» Чарльза Мура. Стройка была для студентов непрерывным праздником узнавания реальности и открытия своих возможностей. Рытье ям для фундаментов, собирание камней, заполнение ими сетчатых цилиндров, установка на цилиндрические каменные столбы брусьев основания, установка лаг, несущих доски пола, чистая обработка этих досок с одной стороны, изготовление из стандартных досок стеновых панелей шириной 120 см, высотой 200 и 250 см; установка панелей, установка балок для односкатной кровли, покрытие кровли досками в два слоя, предварительно «дорожение» досок для управления водостоком. Наконец, закрытие стыков панелей, панелей и кровли, «остекление» гофропластиком боковых треугольных фронтонов и установка отопительного агрегата с баком для горячей воды. Ну, еще установка освещения, прорезание окна с использованием готового бывшего небольшого переплета и изготовление нового помоста, примкнувшего к существующему, завершено парадом-ограждением: баня вместе с помостом висит над протекающей рядом с рекой Чурьгой.

Опыт, который получают студенты в процессе обучения и реальной практики в Ошевенском, дает им понимание структуры дерева, его качества и свойства. Кроме того, жизнь на природе и в пространстве сельского ландшафта, совмещенная с отдыхом и спортом, становится базой их образа жизни и в будущем, формирует отношение к собственной работе и к деревянной архитектуре Русского Севера.

А. В. Иванов (г. Москва)

### 2.3. Возможности регенерации исторической среды центра г. Каргополя: взгляд из XXI века

Город Каргополь расположен в Архангельской области, население города составляет около 10 тыс. человек, и оно ежегодно уменьшается<sup>82</sup>. Почему именно этот город был выбран для подробного рассказа о ситуации с историческими малыми городами России?

Есть некоторые поселения на севере России, где деревянные постройки преобладают до сих пор. Но Каргополь занимает среди них особое место. Он входит в число самых выдающихся исторических городов России благодаря чудесным образом сохранившемуся гар-



моничному контрасту великолепных по архитектуре белокаменных храмов и их деревянного гражданского окружения. Такой контраст был наиболее характерной чертой образа старинного русского города. Так выглядели Киев XI-XIII вв., средневековый Новгород, Москва задолго до XVIII в. и большинство других российских городов. Но, пожалуй, лишь в одном только Каргополе это яркое свойство сохранилось до сего дня. И оба основных компонента исторической среды представлены здесь на очень высоком уровне. Многие каменные церкви Каргополя относятся к шедеврам русской архитектуры. Городская

<sup>82</sup> URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C#.D0.AD.D0.BA.D0.BE.D0.BD.D0.BE.D0.BC.D0.B8.D0.BA.D0.B0> (время обращения: 04.12.2015).

Рис.1.  
г. Каргополь.  
Улица  
Заводская.  
Фото  
У. Брумфельда,  
1998 г.

Рис. 1а.  
г. Каргополь.  
Фото  
О. Г. Севан,  
2012 г.

деревянная застройка, в свою очередь, способствовала жизнестойкости средневекового города в ходе перепланировки XIX в. Она устояла против разрушений в XX в. и сохранила строгий северный дух и тонкие стильные архитектурные детали.

В силу этого сохранение среды исторического центра Каргополя во всей ее полноте является актуальной задачей. Камни сильнее, дерево более уязвимо, но только вместе они формируют уникальный ансамбль этого города. Потеряв деревянную застройку Каргополя, мы потеряем один из последних живых примеров древнерусского северного города — городской раритет, которого больше нет нигде в мире.

Как и когда появилась эта уникальность Каргополя? Город известен с XIV в., хотя первое упоминание о поселении на этом месте приходится на 1146 г. Процветание пришло к городу в XVI–XVII вв., когда Каргополь играл заметную торговую и военную роль на севере российского государства. Он был расположен на главном торговом пути из Москвы до Белого моря. Построенные благодаря деньгам богатых торговцев великолепные каменные храмы стали доминантами архитектурного ансамбля города. Однако как купцы, так и другие горожане жили и работали в деревянных домах. Только в конце XIX в. появилось несколько каменных гражданских зданий, которые не изменили общего характера города.

Историческая деревянная застройка по-прежнему преобладает в центральной части города. Жилая застройка состоит в основном из деревянных зданий и в настоящее время. 75% зданий, стоящих в списках охраняемых государством памятников архитектуры, и 95% всех жилых домов на территории исторической зоны города — деревянные.

Но каковы же сегодняшние проблемы деревянного Каргополя? Можно сказать, что деревянное наследие города находится под угрозой исчезновения. Каждый год все больше и больше деревянных зданий гибнет из-за естественного износа, пожаров, невнимания владельцев и городских властей. Даже памятники, которые формально охраняются государством, находятся под угрозой уничтожения. Можно перечислить несколько основных причин такого положения с городской застройкой.

*Социальные причины.* Большинство владельцев таких зданий — пожилые люди, пенсионеры, которые не в состоянии поддерживать их в должном порядке и мечтают о получении государственной квартиры в новых и лучших каменных домах. Социальный статус городского деревянного наследия очень низок. Молодежь не хочет жить в архаичных «сельских» условиях. Деятельность тех немногих людей, которые хотели

бы участвовать в модернизации деревянных зданий, осложняется высокими налогами, бюрократическими препятствиями, отсутствием помощи со стороны муниципальных властей и государства.

*Экономические причины.* Городская экономика находится в кризисе. Многие предприятия, которые являлись основными донорами городского бюджета и, соответственно, развития, закрыты. Остались лишь молочный комбинат, хлебозавод и лесхозы (ЗАО «Лес», ОАО «Каргопольлес»). Экономика города могла бы развиваться за счет развития лесного хозяйства или деревообрабатывающей промышленности, но добиться этого не позволяет неконкурентоспособность продукции предприятий лесной отрасли. Богатейшие туристические возможности региона (средневековая архитектура города, деревянное зодчество в соседних поселениях, Кенозерский национальный парк) используются недостаточно. Город и область не имеют необходимых средств на восстановление деревянных сооружений, а реставрация культовых сооружений федерального значения затягивается.

*Географические причины.* Удаленность города от основных центров экономического развития страны и плохие коммуникации осложняют сбыт продукции (в первую очередь лесных материалов) и ограничивают приток туристов. Из-за плохого развития транспортной инфраструктуры и удаленности от экспортных портов и рынков сбыта шансы для дальнейшего развития невелики.

*Технологические причины.* Мы не имеем разработанной технологии реставрации исторических деревянных зданий. В то время как продолжаются споры о допустимости полной разборки зданий или предпочтительности замены их обветшавших частей на новые, застройка Каргополя продолжает разрушаться. Большинство зданий в течение длительного времени не ремонтировались, их конструкции состарились и обветшали. И мы не в состоянии ввести в здание современные удобства, сохраняя при этом очарование старого жилого дома.

И наконец, *организационные причины.* Все еще не созданы благоприятные условия для стимулирования предпринимательской деятельности, для привлечения инвесторов в город. Все это тормозит реконструкцию и приводит к появлению новых потерь. Более того, известность города, его благоприятная экологическая ситуация привлекают сюда жителей из других регионов и крупных городов. А приобретение старых сооружений и необходимость их реконструкции, и тем более реставрации, являются помехой для нового строительства. Поэтому в последние годы стали постоянно гореть деревянные дома.

Таким образом, сегодня Каргополь находится в критической точке своего развития. Либо удастся приостановить его уничтожение, создать новое отношение к деревянным зданиям, чтобы начать процесс их восстановления и модернизации, либо мы потеряем их, а с этим и историческую среду города, окончательно.

Но попытки разработок программ сохранения и развития города неоднократно предпринимались. В 1997 г. была разработана «Программа возрождения и комплексной реконструкции города Каргополя»<sup>83</sup>. В тот период это была составляющая часть «Федеральной программы возрождения малых и средних исторических городов России». Последняя была утверждена правительством РФ в декабре 1996 г., и в ней Каргополь являлся одним из 26 главных объектов исследования и проектирования (рис. 1).

Программа включала в себя анализ текущей ситуации, разработку системы мер по разрешению выявленных проблем, схему долевого финансирования из различных источников участников реконструкции и развития.

В программе предлагалось выделить историческую зону города (территория — 170 га, население на тот период — около 6 тыс. человек) и установить на этой территории специальный режим градостроительной деятельности, который мог обеспечить предотвращение потерь в архитектурном облике города, приведение в порядок городского центра, восстановление и модернизацию инженерной и социальной инфраструктур. В том числе, были предложены некоторые меры по использованию дерева при регенерации градостроительной системы Каргополя.

Это касалось реставрации и модернизации наиболее ценных деревянных сооружений. В частности, предлагалось использовать скандинавскую технологию реставрации деревянных зданий «без раскатки», что исключает полную разборку зданий. Это позволило бы сохранить старых жителей исторического центра города. С другой стороны, создание в исторических зданиях современных бытовых удобств привлекло бы в центр молодежь и экономически активное население.

Воссоздание утраченных или строительство новых деревянных зданий для заполнения пустот, образовавшихся по периметру центральных площадей и улиц, могли бы воссоздать исторический

<sup>83</sup> Научный и проектный институт реконструкции исторических городов (ИНРЕ-КОН), Москва, 1997. Авторы Программы — архитекторы В. Р. Крогиус, А. В. Иванов, А. А. Тищенко и др.

контекст этой части города. В пределах исторической части города было обнаружено около 35 подобных свободных участков. На них могут быть размещены жилые и общественные здания, выполненные в дереве и соответствующие по форме и характеру окружающей городской среде. Предлагались предварительные эскизные решения планировки и фасадов деревянных жилых домов для типичных градостроительных ситуаций.

Кроме того, допускалось и поощрялось новое уплотнительное строительство внутри исторических кварталов с безусловным сохранением исторических границ земельных участков. Таким образом, владельцы крупных участков получили бы право строить дополнительные жилые здания в их пределах для улучшения своих жилищных условий.

При реконструкции городской среды необходимым становится и реконструкция утраченных малых форм архитектуры: деревянных оград и ворот около частных участков для поддержки «красных линий» улиц, а также обновление отдельных хозяйственных построек. Но важно продумывать и современные элементы архитектуры, создающие уют и комфорт в общественных пространствах: торговые павильоны, киоски, лавочки, навесы над колодцами, тротуары и т. д.

Восстановление утраченных деревянных церквей и часовен, символическое воссоздание фрагментов исторической деревянной крепости и городских монастырей (ворота, ограды, колокольни) также является одним из важных направлений реконструкции города. Эти сооружения были опорными точками в городском ландшафте, и их силуэты могли бы способствовать восприятию города в новом свете.

Важным аспектом в реконструкции любого малого исторического города является появление новой современной застройки, в том числе и выполненной в дереве. Особенно это касается деревянной застройки в районах, примыкающих к историческому ядру города, в том числе и Каргополя. В частности, архитекторами предлагалось построить небольшой жилой комплекс из одно- и двухэтажных деревянных зданий на территории, освобождающейся после вывода военного склада на правом берегу реки Онега, напротив исторического центра города. Комплекс мог включать как объекты приема туристов, так и частные дома для жителей города.

И, наконец, специальные меры должны были быть приняты по сохранению и реставрации деревянных памятников архитектуры в заброшенных деревнях в окрестностях Каргополя и по развитию туризма в этих очень красивых и экологически чистых местах.

Рис. 2. Программа возрождения и комплексной реконструкции г. Каргополя. ИНРЕКОН, М., 1997 г. (Продолжение на следующей странице).





Учитывая, что такие памятники год от года разрушаются или горят (что произошло, например, на погосте в селе Лядины недалеко от Каргополя), а молодые жители не стремятся оставаться в деревнях и селах и уезжают в города, то встает вопрос о разработке специальных социокультурных проектов по сохранению и развитию сельских поселений<sup>84</sup>.

Разработанная в конце 1990-х гг. «Программа возрождения и комплексной реконструкции города Каргополя» остается актуальной и сегодня, но только при условии укрепления собственной экономической базы города. Поэтому предусмотренные в Программе варианты модернизации существующих предприятий пищевой и лесной промышленности, народных промыслов и ремесел, создание нескольких новых частных предприятий, меры по развитию туристической и транспортной инфраструктуры города могут способствовать развитию города. Многие предложения Программы за прошедшие годы были реализованы, что нашло отражение в деятельности местных сельских Территориальных общественных самоуправлений (ТОСов), в работе Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея, в развитии ремесел, в открытии гостевых домов для туристов и пр.

В качестве первоначальных задач обсуждаемой Программы были названы спасение хотя бы одного погибающего исторического деревянного дома, строительство нескольких новых «образцовых» современных деревянных жилых домов на местах утраченных, а также развитие производства деревянных строительных конструкций и материалов для применения в историческом центре города. Все эти задачи, как мы видим, остаются актуальными и сегодня.

Но очевидно, что решение этих задач будет напрямую зависеть от:

- активности городских властей, бизнеса и местных жителей;
- общего экономического климата в стране;
- целевой помощи городу со стороны федеральных и региональных органов власти.

Не ослабевает интерес к этому городу со стороны экспертов из европейских стран. Проявление внимания к Каргополю извне, признание его ценности в общеевропейском масштабе может стимулировать городские власти и горожан и улучшить культурный и социальный климат в городе. И такие действия, как организация выставки, посвященной успешному опыту возрождения североευропейских деревянных

<sup>84</sup> Социокультурный анализ и развитие территорий России: проблемы и решения / Под общ. ред. О. Г. Севан. — М.: ФОРУМ, 2012. — 464 с.

городов, методическая помощь градостроителей, реставраторов, работников городского управления, прибытие в Каргополь первых групп скандинавских туристов, могут принести существенный вклад в начало возрождения города. Важно также привлекать к сохранению и развитию малого исторического города специалистов и туристов, в том числе посредством организации международных и российских конференций, публикаций материалов в СМИ, продвижения города в сети Интернет<sup>85</sup>.

*Е. С. Макаров, И. В. Онучина (г. Каргополь)*

#### **2.4. Историко-культурная среда Каргополя: гражданская архитектура, создатели, наследники**

С 1970 г. и по настоящее время Каргополь значится в списке исторических городов. Он сохранил свою планировочную структуру XVIII в., элементы планировки средневекового города, культовую и гражданскую застройку середины XVI–начала XX вв.

В 1960-е гг. был определен список памятников архитектуры областного значения. А в 1976 г. Ленинградской областной научно-производственной мастерской проводились историко-типологические исследования рядовой застройки Каргополя, классифицировавшие ее<sup>86</sup>. Автор проекта — М. И. Мильчик. Им были выделены 4 основных, близких друг к другу типа деревянных домов, которыми застроен Каргополь в XIX в. Это одно- и двухэтажные дома, четырех-, пяти- и шестистенки, с двускатной, трехскатной или четырехскатной кровлей, с мезонином или без него, классической ориентацией декора. Треть от общего количества обследованных объектов были обозначены как имеющие градостроительное значение и 59 домов — архитектурно-художественное значение. Прошло без малого 40 лет — и из этих 59 строений осталось 38.

<sup>85</sup> Первоначальный вариант статьи (Ivanov A. Kargopol: Opportunities of Regeneration of Wooden Environment of Historical Town Centre) был опубликован в 1997 г. в материалах Международной конференции 'Sustainable Urban Habitat in Wood' в Тронхейме (Норвегия).

<sup>86</sup> Историко-типологические исследования жилой застройки. Ленинградская областная научно-производственная мастерская. 1976. КГИАХМ. НВФ 2605/1–3.

Помимо сохранившихся фрагментов городской застройки, представление о Каргополе XIX–первой пол. XX в. могут дать фотографии, планы и текстовые описания строений и усадеб. Например, священник Предтеченского прихода Каргополя Иоанн Ивановский в середине XIX в. писал, что двухэтажные дома его прихожан построены частью по прежним, а частью по новым планам<sup>87</sup>, при этом речь идет об отдельных конструктивных элементах и внутренней планировке дома. Их различия таковы. Более ранний двухэтажный дом имел по 5 покоев вверху и внизу, посередине — небольшие сени, к которым примыкала прихожая, всегда в одно окно. Лестница на 2 этаж, крытая тесом, располагалась снаружи дома. В новом же доме — в середине большой зал с тремя окнами, вокруг которого 6–8 комнат. Вход в верхний этаж устраивается внутри дома, либо прямо из нижних сеней, либо к срубам пристраивается галерея. При этом автор выделяет еще и старинные дома с большими сенями на обоих этажах и теремом в чердачном помещении (рис. 1). К 1860 г. во всем городе оставалось только два таких строения, один из которых к тому времени перестроен по фасаду, а другой подготовлен на слом. Дом одноэтажный, по словам того же священника, имел 3–4 комнаты. На более поздних, хранимых в фондах планах (1897 и 1912 гг.) одноэтажных домов значатся 4 комнаты<sup>88</sup>.

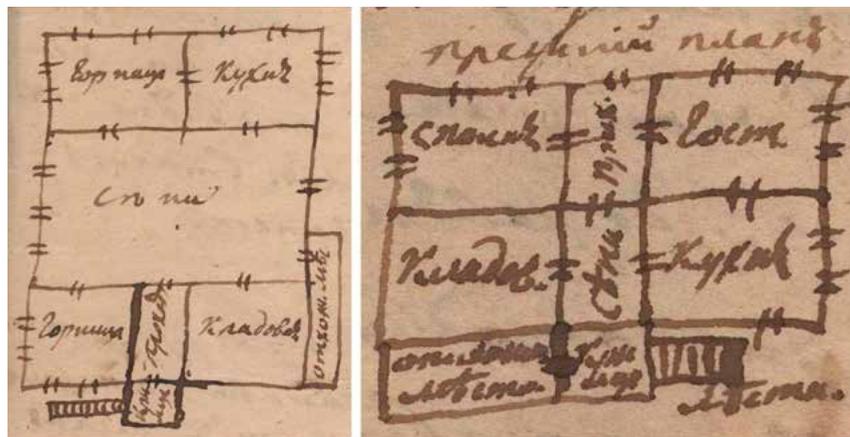


Рис. 1. г. Каргополь. Старинный и прежний планы домов из рукописи Иоанна Ивановского. 1860-е гг. КИАХМ. КП 10538 (132-к). Л. 4, 5.

<sup>87</sup> КИАХМ. КП 10538 (132-к). Рукопись священника Ивановского. Л. 4, 5.

<sup>88</sup> КИАХМ. КП 10197, 10186.

Далее остановимся на застройке отдельных городских кварталов. Следует обратить внимание, что Каргополь стал одним из первых российских городов, перестроенных по регулярному плану. Этот план максимально учитывал исторический образ прежнего города. В нем сохранялись основные узловые средневековые точки, удачно вписанные в новый облик. В этом отношении замечательна Соборная площадь с рядовой застройкой, обрамляющей ее. Планом предусматривалась отодвинутая вглубь квартала линия домов, открытая панорама площади. Храмовый ансамбль и окружающая его застройка воспринимались единым комплексом (рис. 2).

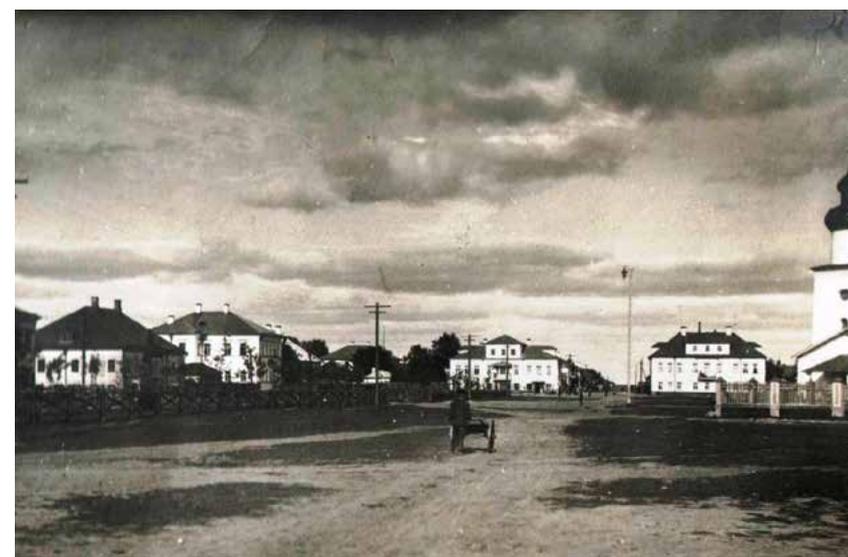


Рис. 2. г. Каргополь. Вид на Соборную площадь. 1910-е гг. КИАХМ. КП 12037/9

В отличие от других частей города, где часто семейным кланам принадлежали целые кварталы, здесь домовладельцами становились состоятельные люди самых разных фамилий, не только знатных купеческих родов, но и недавние выходцы из крестьян. На конец XIX–начало XX в. вокруг Соборной площади находилась недвижимость купцов А. А. Крехалева, А. Л. Лаврентьева, А. Д. Сергеева, П. К. Немчинова, Леховых, Блохиных, Серковых. Расскажем о некоторых домах более подробно.

В центре северо-западной границы Соборной площади стояли два парадных дома купцов А. А. Крехалева и А. Л. Лаврентьева (рис. 3). Тот и другой были записаны во вторую гильдию и имели звание почетного гражданина г. Каргополя. Оба здания входили в число домов, сформировавших застройку городского центра. Дома были деревянными, двухэтажными, на каменных фундаментах, обшиты тесом. Построены в первой половине XIX в. От них берет начало главная улица города — Санкт-Петербургская (ныне Ленинградская), переходящая в Санкт-Петербургский тракт. На этой улице встречали всех именитых гостей. Здесь же приветствовали дядю Николая II великого князя В.А. Романова, останавливавшегося в доме А. А. Крехалева во время поездки на Север.

Рис. 3. г. Каргополь.  
Дома  
А.А. Крехалева  
и А.Л. Лаврентьева.  
1892 г. КИАХМ.  
НВФ 1652/11.



Любопытна личность самого Александра Афанасьевича Крехалева (1830-1894). Как поговаривали в его деревне (д. Ивкина Усачевской волости), он, крестьянин, промышлявший извозом, вдруг разбогател после одной из поездок в Архангельск. Переехал в Петербург, где умножил капитал. Вернувшись в Каргополь, он возвел каменный винокурный завод, отдельные постройки которого сохранились и поныне.

Дом на углу Соборной площади и Санкт-Петербургской улицы он приобрел в 1875 г. у купца 2-й гильдии Александра Андреевича Насонова<sup>89</sup>, получившего его в наследство от отца. Насоновы — состоятельный каргопольский купеческий род. Два брата, Иван Петрович и Андрей Петрович, известны тем, что они выстроили колокольню над папертью церкви Рождества Богородицы. Годом ранее, в 1843 г., они купили у Е. Ф. Никифоровой двухэтажный дом на каменном фундаменте и совместно владели им<sup>90</sup>. Дошедший до нас облик дома появился именно благодаря братьям, переделавшим его. Документы 1860 г. донесли до нас такое описание: «Дом <...> с мезонином <...> окрашен белою масляною краскою, крыша крыта железом и крашеная зеленою краскою <...>. Балкон резной крашен черною краскою, а над верхом крытый железом, крашенный зеленою масляною краскою. В нижнем этаже 27 окон, ставни створчатые <...>. Двои ворота большие <...>, одни на площадь, а другие по С-Петербургской улице, филенчатые створные, крашенные желтою и белою масляною краскою. <...>. В верхнем этаже 7 покоев <...>, в покоях 6 печей, в числе 2 изразцовые с медными заслонками, 4 голландки, крашенные разными красками. В 3 покоях стены по штукатурке оклеены французскими шпалерами <...>. Потолки во всех покоях по штукатурке окрашены разными красками, цветами расписаны живописью <...>»<sup>91</sup>.

В документе подробно описаны надворные постройки. Среди них названы флигель, баня, четыре двухэтажных амбара, каретник. Все они находились внутри двора, обнесенного оградой, составляя комплекс усадьбы. Таким образом, хозяйственные постройки не выбивались из общего порядка. В целом дома усадебного типа были характерны для Каргополя, угловые здания могли иметь два фасада.

Александр Лаврентьевич Лаврентьев (1829–1901), торговавший суровским<sup>92</sup> товаром, был известен как благотворитель. Он много жертвовал на храмы и монастыри, в том числе Кирилло-Челмогорский, Александро-Ошевенский, участвовал в восстановлении после пожара каменной Троицкой церкви Каргополя. На его средства во Введенской церкви был устроен престол в честь иконы Казанской Божией Матери, почитаемой как чудотворной.

<sup>89</sup> ГААО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 70.

<sup>90</sup> НА РК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 18/113. Л. 230–231.

<sup>91</sup> ГААО. Ф. 1481. Оп. 2. Д. 18. Лл. 335–337; КИАХМ НВФ 1536.

<sup>92</sup> Шелковые, бумажные и легкие шерстяные ткани.

Свой деревянный дом на Соборной площади купец приобрел с торгов у несостоятельного должника Н. И. Коршунова<sup>93</sup>. В начале XX в. возле него он возводит еще и каменную в два этажа постройку. В разное время в этих домах, кроме самих хозяев, размещались богадельня, детский приют и классы женской гимназии. По духовному завещанию владельца дома перешли в собственность городского общества<sup>94</sup>.

Дом А. А. Крехалева и деревянный дом А. Л. Лаврентьева утрачены. Один сгорел в 2004 г., а второй был снесен десятию годами ранее. От усадьбы второго в настоящее время сохранились каменный флигель (в нем размещается городская администрация) и каменный склад (сейчас — магазин).

Этот ряд вдоль Соборной площади с концов замыкали дома Александра Петровича Лехова (1855 после 1918 гг.), входившего в тройку состоятельных людей Каргополя, годовой оборот которого на начало XX в. достигал 75 тыс. рублей<sup>95</sup>.

Оба здания по периметру главной площади двухэтажные деревянные, выстроенные в соответствии с предписаниями к застройке. Дом со стороны ул. Ивановской (ныне ул. Победы) занимал важное положение в планировочной структуре площади,



Рис. 4. г. Каргополь. Дома по ул. Ивановской, разобранные при создании новой площади. Нач. XX в. КИАХМ. КП 12037/11.

<sup>93</sup> ОГВ. 1856. № 7. С. 49.

<sup>94</sup> ГААО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1249; Ф. 1343. Оп. 1. Д. 276.

<sup>95</sup> ГААО. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 450. Л. 68 об.

определяя направление порядка застройки по северо-восточной границе. Здесь, кроме жилых комнат хозяина, располагалась лавка, при доме имелись складские помещения, комнаты в верхнем этаже сдавались в наем. Это здание вместе с несколькими другими, стоящими рядом, было разобрано в 1970-е гг. при создании новой площади, которая совсем недавно получила наименование Ивановской (рис. 4). Вдоль той же улицы, на противоположном углу Соборной площади, А. П. Лехов в 1910-е гг. построил каменную одноэтажную лавку необычной для Каргополя архитектуры — в стиле модерн. Она и сейчас действует как торговая точка.

Другой его дом, по ул. Шелковня (ныне ул. Гагарина), полностью сдавался под квартиры, здесь же в начале XX в. арендовала помещение ткацкая мастерская уездного земства. Он сохранился до наших дней, но нуждается в срочном капитальном ремонте.

Немалую роль в оформлении комплекса вокруг площади сыграл старинный купеческий род Вешняковых. Разными поколениями на северо-восточной границе площади было выстроено два двухэтажных дома: деревянный и каменный с мезонином. Каменное строение — самое парадное сооружение гражданской архитектуры в городе. Дом был построен крестьянином Ярославской губернии для Андрея Алексеевича Вешнякова<sup>96</sup> (†1809). Строительство заняло не более 3 лет — с 1806 по 1808 гг. Здание примечательно еще и тем, что единственный государь, побывавший в Каргополе, Александр I, останавливался в 1819 г. именно здесь.

После смерти А. А. Вешнякова дом поступил во владение его наследников, впоследствии начались раздоры. В конце концов в 1858 г. они продали дом за 5 тыс. руб. для размещения в нем Каргопольских присутственных мест<sup>97</sup>, поскольку деньги поделить было проще, чем унаследованную недвижимость. В здании разместили казначейство, уездный суд, полицейское управление, их архивы, дворянскую опеку, две комнаты занимали десятские полицейского управления, были две арестантских (для содержания мужчин и женщин). Здесь же находился уездный исправник. С этого времени административный центр Каргополя, располагавшийся изначально в крепости, а затем на примыкавшей к ней территории, переместился на Соборную площадь. Главная городская площадь и застройка вокруг нее объединила духовный, торговый и административный центр города и уезда.

<sup>96</sup> ГААО. Ф. 1003. Оп. 4. Д. 228.

<sup>97</sup> НА РК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 18/7.

Рис. 5.  
г. Каргополь.  
Деловая и  
гражданская  
застройка,  
примыкавшая  
к Соборной  
площади.  
КГИАХМ.  
КП 6391

Юго-западная граница площади сформирована одноэтажными домами, за исключением одного двухэтажного на перекрестке. Владельцем нескольких домов в конце XIX в. являлся Дмитрий Иванович Блохин (†1894), а впоследствии его сыновья. Семья переехала сюда из г. Кириллова. В Каргополе Блохины имели несколько промыслов, прежде всего красильный, освоенный ими еще в Кириллове. Позднее они начали обрабатывать белку, занимались мелочным торгом.

Два дома, каменный одноэтажный и деревянный двухэтажный, являются угловыми, однако акцент делается на последнем, фиксирующем дальний угол площади. Следует отметить, что фасад каменного строения, обращенный к площади, имел портал с колоннами, делавший облик здания завершенным. Д. И. Блохин — не первый владделец этого дома. В 1841 г. он принадлежал жене



отставного капитана Тризно, урожденной Урываевой<sup>98</sup>. Деревянный дом сейчас жилой, а в каменном располагается администрация музея.

Непосредственно к Соборной площади примыкала торговая и, отчасти, промышленная зона. Однако при планировании любой застройки обращались за разрешением в городские органы власти, и просителям могли отказать в случае, если строение не соответствовало плану города. В результате и эти строения вписаны в общую картину (рис. 5).

Улицу Санкт-Петербургскую сформировали, главным образом, капитал и вкусы купцов Серковых. Родоначальник династии — крестьянин Тихон Никитич Серков из Красной Ляги. В 1870 г. он с сыновьями обосновывается в Каргополе. В городе они постепенно открывают беличью мастерскую, торговые лавки, хлебопекарню, занимаются винокурением, пивоварением. Старший сын, Василий Тихонович, выстраивает так называемый малый корпус гостиного двора, самую крупную лавку в Каргополе (в советское время здесь размещался пивоваренный завод).

Позднее основные капиталы Серковых сосредоточились в одной ветви. Самым заметным наследником стал Николай Егорович, владевший собственным винокурным и пивоваренным заводами, паровой мельницей, хлебопекарней, 9 торговыми лавками в городе и уезде. В 1910 г. его годовой оборот составил 1 млн руб.<sup>99</sup>. Накануне революции Н. Е. Серков строил кожевенный, экстрактный заводы и лесопилку.

Имея владения в разных частях города, свои родовые гнезда Серковы вили на Санкт-Петербургской улице. На начало XX в. их жилые дома, а также производственные помещения занимали часть левой стороны улицы и почти всю правую, начиная от Екатерининской (ныне ул. Ленина).

Из былого сохранилось немного. В настоящее время в каменном здании Константина Григорьевича Серкова располагается почта. Одноэтажный каменный дом на ул. Ленина (изначально — торговая лавка) занимает Пенсионный фонд. Деревянный двухэтажный дом и малый корпус гостиного двора используются как торговые помещения.

На улице Ленинградской еще один каменный дом, построенный в начале XX в. Его владделец — Александр Александрович Ушаков (около 1870—после 1918), крупный лесопромышленник, член Государ-

<sup>98</sup> ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 1085.

<sup>99</sup> ГААО. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 450. Л. 68.

ственной думы 3-го созыва. Он был одним из совладельцев вместе с братьями Дойковыми лесопильного завода на станции Шалакуша Северной железной дороги и буксирно-пассажирского пароходства. Компания снабжала топливом и строительными материалами железнодорожную ветку от Вологды до Архангельска и вела торговлю по всем станциям этой части железной дороги. Сам он родом из д. Ширяиха Ошевенской волости. Во вновь построенный дом въехать не успел: случилась революция.

Недавно на доме Ушакова появилась табличка, где ошибочно указано, что это дом купца Серкова. Оказалось, что ошибки вкрались в сам перечень объектов культурного наследия. Например, дом Вагера стал Вагнеровским, а дом Осыкина — домом Баранова.

Официальный перечень региональных объектов культурного наследия в Каргополе включает 70 гражданских строений, ряд из них уже утрачен. Зато некоторые из сохранившихся зданий, даже среди названных нами сегодня, в качестве памятников на учет не поставлены.

Поскольку в XIX в. своих архитекторов имели только столицы и губернские города, наряду с планами городов был разработан альбом примерных фасадов для высококачественного массового строительства, а также для создания регулярной ансамблевой застройки городов<sup>100</sup>. Возможно, именно этого не хватает нам сегодня. В последние годы Каргополь взял курс на развитие туризма, привлекая сохранившимся своеобразием, стариной. Должно быть очевидно, что, возводя гостиницы и магазины в аутентичном стиле, мы как раз будем соответствовать поставленной цели.

*К. В. Блинов (г. Москва)*

## **2.5. Деревянные дома в облике городов Российской Федерации как элемент градостроительного наследия. Уникальность и уязвимость**

В этнологии при изучении характерных черт этноса особое внимание уделяется хозяйственно-культурному типу жизнедеятельности, где типы усадеб, жилища и детали домостроения являются одной из наиболее важных частей такого рассмотрения. Для народов, насе-

<sup>100</sup> Шулятикова Е. Е. Архитектурные стили города Череповца XVIII–начала XX в. — URL: .htm/www.booksite.ru/fulltext/3ch/ere/pov/ets/ (время обращения: 25.11.2015).

ляющих лесную зону нашего государства (русских, финно-угорских, тюркских и других этносов), преимущественным типом традиционного жилища являются деревянные строения.

Деревянная жилая застройка русских городов являлась доминирующей на протяжении многих веков. По мнению М. В. Красовского, «подражавшие во всем государю бояре, купцы и прочие горожане не стремились к изменению исконного уклада домашней жизни. Если же последний не менялся, вернее, менялся очень медленно, то также медленно должен был преобразовываться и основной тип дома горожан»<sup>101</sup>.

Известно, что деревянная застройка уязвима для пожаров, которые случались достаточно часто в русских городах. По этой причине возникала потребность в восстановлении утраченных жилых домов и хозяйственных построек, а это в большинстве случаев происходило с применением уже существующих традиционных технологий строительства, конструкций и типологии сооружений. Конечно, население воспринимало деревянные сооружения окружающей их застройки как данность и обыденность. Они имели исключительно утилитарную ценность, ведь в случае утраты всегда имелась возможность восстановить их по «образу и подобию».

Современная гражданская архитектура России, за редкими исключениями, не развивает местные традиции деревянного домостроения. В первую очередь это относится к частному индивидуальному строительству<sup>102</sup>. Если заказчик просит спроектировать дом из бревна или бруса, то в настоящее время чаще предлагаются к реализации североευропейские, скандинавские или канадские проекты жилья и зарубежные строительные технологии. Мы видим их постоянно в различных печатных изданиях и интернете. «Образ и подобие» изменились. Примеры такой застройки, к сожалению, встречаются все чаще и чаще.

Когда речь заходит о сохранении архитектурного наследия городов, как правило, имеются в виду памятники русского деревянного зодчества, церковная архитектура, сельские жилища с ярко выраженными этнографическими особенностями, реже — уникальные городские или загородные усадебные постройки. Такие сооружения можно видеть в Вологде, Костроме, Суздале, Павловском Посаде под Москвой и др.

О сохранении городских и сельских домов типовой застройки конца XIX–первой половины XX вв. историки, архитекторы,

<sup>101</sup> Красовский М. В. Энциклопедия русской архитектуры: Деревянное зодчество. — СПб.: Сатисъ, 2002. — С. 18.

<sup>102</sup> Соколов В. И. Вологда: История строительства и благоустройства города. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977.



Рис. 1. Усадьба Лабзина, 2-ая половина XIX в. г. Павловский Посад, ул. Герцена, д. 27. Фото К. Блинова, 2014 г.



Рис. 2. Дом Левашова. 1-ая половина XIX в. г. Вологда, ул. Герцена, д. 37. Фото К. Блинова, 2013 г.

реставраторы, девелоперы, как и ведомства по охране культурного и природного наследия задумываются редко, по ситуации, в контексте сохранения конкретной историко-культурной среды, как правило, определенных зон исторических городов.

Такое состояние проблемы сохранения и формирования территорий как городов, так и сельской местности обусловлено цен-



Рис. 3. Проект дома индивидуальной современной застройки. [http://www.tamak.ru/doma-iz-kleenogo-brusa/photo/?PAGEN\\_1=2](http://www.tamak.ru/doma-iz-kleenogo-brusa/photo/?PAGEN_1=2) (время обращения 4.05.2016)

ностными ориентациями, превалирующими в современном российском обществе. Обычные деревянные дома массовой застройки упоминаемого прошлого периода в настоящее время выглядят как «развалюхи» и в лучшем случае вызывают ностальгическую жалость, а барачные разваливающиеся на глазах дома заводских окраин говорят об убожестве жилой среды. Может показаться, что они не представляют никакой ценности и ничего не могут нам дать для осмысления и строительства завтра.

Но насколько это справедливо? Глядя назад, можно констатировать, что плановая застройка заводских окраин, без сомнения, по-новому формировала городскую среду, делала ее более комфортной по отношению к ранее существующим фабричным казармам, обеспечивала небольшую плотность застройки таких окраин

и шаговую доступность до мест работы. При анализе проектов и сохранившихся сооружений в большинстве случаев они органически вписывались в уже существующую среду и составляла с ней единый комплекс. Более того, сегодня можно говорить и о духовно-семантическом пространстве городских и сельских анклавов застройки разного времени, что является немаловажным фактором, который влияет на формирование мировоззрения человека и его отношение к малой родине<sup>105</sup>.

И вместе с тем, образ жизни населения, который влияет на бытовую культуру, будучи фундаментом, «почвой» материальной и духовной культуры, в своей обыденности и каждодневной повторяемости не воспринимается как ценность, которую необходимо поддерживать и сохранять. Это касается и окружения, жилой архитектуры, да и всей городской или сельской среды. Но только при утрате ее и привычного окружения уже на подсознательном уровне человек начинает осознавать и ощущать потерю жизненного комфорта, семейных традиций и связи со своими соседями, друзьями и своим прошлым. И такая потеря, по-видимому, затрудняет развитие чего-то нового, но неразрывно связанного с исторической памятью человека, группы, общества...



Рис. 6. Пример разрушение традиционной застройки конца XIX–XX вв. г. Павловский Посад, ул. Лукина, д. 2. фото 2014 г.

<sup>105</sup> Столяров В. П. Духовно-символическое пространство сакральных комплексов России как объект национального наследия: на примере Соловецкого архипелага // Ставрографический сборник. Кн. 1. — М.: Мос. Патриархия — Древлехранилище, 2001. — С. 113–129.



Рис. 4. Дом мещан Чесноковых. г. Павловский Посад, ул. Ленина, д. 53. Фото К. Блинова, 1998 г.

Рис. 5. Дом мещан Чесноковых после реконструкции г. Павловский Посад, ул. Ленина, д. 53. Фото К. Блинова, 2012 г.

Традиционное деревянное жилище мещанской слободы, села, барачное жилье времен «великих строек» и послевоенной разрухи, безусловно, лишены материальных удобств<sup>104</sup>. Но в процессе их перестройки и сноса происходит перестройка и даже утрата части не просто истории, а культурного кода народа и его этнического компонента. Понятие «жилище» не случайно является однокоренным со словом «жизнь».

Постоянно встает вопрос — как сохранить этот пласт еще не ставшей по-настоящему пока *историей* части нашего быта XX в., включая советский период, и для кого это стоит делать? И как собрать и осмыслить позитивные аспекты ранее существовавших форм, наполнив их новым содержанием? Предлагаем авторское видение одного из возможных путей такого анализа:

<i>Угрозы</i>	<i>Новые возможности</i>
Частное домовладение (индивидуальное строительство)	<b>Для архитекторов:</b> коренное переустройство поселений в зонах интенсивного промышленного и гражданского строительства.
Несоответствие существующим нормам и правилам городской застройки	<b>Для конструкторов и технологов:</b> разработка новых технологических компонентов из местного материала, в.ч. древесины, возможных к применению в современном городском строительстве.
Депопуляция малых городов в процессе урбанизации	<b>Для населения:</b> обновление жилого фонда малых городов. Мотивация для сохранения и ревитализации поселений или их части. Формирование престижности проживания в таком месте.
Коренное переустройство поселений в зонах интенсивного промышленного и гражданского строительства	<b>Для застройщиков и инвесторов:</b> вариативность при реализации проектов жилой застройки малых городов, экономическая целесообразность.

<sup>104</sup> Ситнов В. Ф. Прогулка по старому Павловскому Посаду: Опыт фотоальбома-путеводителя по историческим достопримечательностям Павловского Посада. 3 изд. — Павловский Посад, 2014.



Урбанизация чаще всего приводит к вытеснению частной застройки как таковой и построек из дерева в частности, особенно это заметно в крупных городах (рис. 7), но сохранившиеся частные владения и малоэтажная застройка малых городов открывают большие возможности для формирования новых трендов в практике домостроения, как частного, так и общественного строительства (рис. 8).

Большое значение в формировании характера и типа не только частных индивидуальных домов, но также и общественных зданий, имеет позиция местных элит. Именно они могут задавать тон и формировать локальные направления, реализуя собственные

Рис. 7.  
г. Екатеринбург,  
Фото К. Блинова,  
2014 г.

проекты или принимая участие в постройке общественных зданий в малых городах и сельских поселениях. Коттеджные постройки, как и дачное современное строительство, к сожалению, в большинстве своем не может быть примером такого нового и прогрессивного строительства. Хотя многие усадьбы и сооружения строятся из дерева, позволяющего иметь разнообразные формы и региональные особенности, но порой они не могут служить достойными образцами для подражания соседям.

Тем не менее, именно дерево как технологичный и престижный материал вновь начинает заявлять о себе и используется в строительстве частных индивидуальных домов в малых городах, но тип такой застройки находится в стадии формирования, хотя тенденции становятся заметны. Использование клееного бруса позволяет на практике реализовывать проекты различной сложности, процесс строительства становится более индустриальным, а сроки работ заметно сокращаются. Но надо помнить, что при любом строительстве необходима консультация специалиста-архитектора.

В настоящее время назрела необходимость исследования, развития и внедрения в систему гуманитарного знания междисциплинарного комплекса изучения и оценки традиционного жилища как фундаментальной части бытовой культуры и духовно-семантической среды обитания российского народа. Необходимо поощрять и пропагандировать частные и общественные инициативы, связанные с реализацией проектов, желательно при консультации специалистов — архитекторов. Реализовывать социально значимые проекты, путем применения соответствующих архитектурных проектов и использованием местных строительных материалов, в том числе дерева, предлагать их на общественное и профессиональное обсуждение, в том числе организуя конкурсы и образовательные семинары, создания дискуссионных и информационных площадок в социальных сетях и в прессе. Но также очевидно, что необходима организация диалога между архитекторами, краеведами, местными жителями, бизнес-структур и управленцами для понимания общей ответственности за будущий облик российских городов и сельских поселений.



Рис. 8. Дом фабрикантов Шириных, начало XX в., (реставрация, начало XXI в.) г. Павловский Посад, ул. Большая Покровка, д. 3. Фото К. Блинова, 2014 г.



Рис. 9. Музейно-выставочный комплекс «Княжий Двор». Московская область, Павлово-Посадский район, городское поселение Большие Дворы, ул. Маяковского, д. 130. <http://www.2r.ru/objects/61264> (время обращения: 4.05.2016)

## 2.6. Проблемы сохранения традиционных деревянных построек в сельской местности и возможности ее решения

Проблема сохранения деревянного архитектурного наследия существует давно. Проходят годы, но ее острота не снижается, а только возрастает. В своих прежних публикациях мною назывались условия решения этой сложной задачи и рассматривались вопросы реставрации и сохранения деревянных памятников архитектуры, отдельно рассматривались вопросы, касающиеся музеев под открытым небом. Содержащиеся в этих публикациях суждения относятся в основном к сооружениям, которые причислены к категории отдельно стоящих памятников архитектуры или они находятся в составе комплексной экспозиции музеев, и поэтому имеют охранный статус.

Вне поля внимания в статьях осталась собственно традиционная деревянная застройка старых городов (в частности малых) и деревень, то есть та архитектурная среда, в которой еще существуют выдающиеся деревянные сооружения, срубленные в далеком прошлом. Многочисленные случаи пренебрежительного отношения к этой части архитектурного наследия как со стороны государственной администрации, так и большинства остального населения России, вызывают тревогу. Яркий пример общественного равнодушия показывает Каргополь.

В этом древнем северном городе, известном своими белокаменными храмами XVI столетия, уцелело несколько однотипных двухэтажных домов второй половины XIX в. Их обитатели стараются поддерживать свои жилища: ремонтируют новыми материалами, осовременивают интерьеры. Но один дом, до недавнего времени стоявший на пересечении Октябрьского проспекта и улицы 3-го Интернационала, отличался уникальной цельностью (рис. 1, 2). Он избежал заметных изменений не только снаружи, но и внутри, включая печи разной формы (рис. 3), ценную мебель и другие предметы обстановки интерьера дореволюционной эпохи. Это мог быть готовый музей городского быта, экспозиция которого имела бы особую ценность благодаря редкой подлинности.

Престарелые хозяева были уже не в силах содержать такой большой дом-особняк, к тому же не имевший современного технического обеспечения: центрального отопления, водопровода,



Рис. 1. г. Каргополь. Дом на углу Октябрьского проспекта и улицы Третьего интернационала. Внешний вид. Фото И. Шургина, 2008 г.



Рис. 2. г. Каргополь. Дом на углу  
Октябрьского проспекта  
и улицы Третьего  
интернационала.  
Дворовый фасад.  
Фото И. Шургина, 2008 г.



Рис. 3. г. Каргополь. Дом на углу  
Октябрьского проспекта  
и улицы Третьего  
интернационала.  
Печь в одном  
из помещений  
верхнего этажа.  
Фото И. Шургина, 2008 г.

канализации. Они предлагали отдать свое старинное жилище со всей обстановкой городу Каргополю взамен на квартиру с коммунальными удобствами. Городские власти не нашли возможности пойти навстречу предложению пожилых пенсионеров, и те вынуждены были продать свою по существу музейную постройку, чтобы купить небольшую благоустроенную квартиру. Опустевший дом, требовавший умелой реставрации, перешел на баланс городской власти. В статье, опубликованной два года назад, я рассказал об этом особняке в надежде, что город все же найдет средства на его реставрацию и достойное использование. Но администрация так и не сумела сохранить дом — по существу памятник архитектуры. Вместо старинного особняка, уникального не только для Каргополя, но и всего Севера России, с точки зрения архитектурно-типологической сохранности, теперь — пустое место.

Без традиционной застройки — архитектурной среды старых селений — выдающиеся строения не только теряют значительную часть своей архитектурно-художественной выразительности, но утрачивают ясность архитектурно-градостроительного замысла их строителей. Именно в таком положении, например, оказался замечательный деревянный памятник архитектуры общероссийского значения — церковь во имя Сретения Господня и Михаила Архангела, построенная в погосте Красная Ляга в 1655 г. (рис. 4). Шатровый храм, восьмигранный сруб которого начинается от самой земли, возвышается посреди обширного поля, кое-где поросшего отдельными деревьями и кустами и вдали окаймленного лесом. Ближайшие деревни удалены от этого места на несколько километров. Издали при виде одинокой церкви возникают ощущения недоумения, грусти, беспокойства, вызванные рядом вопросов: почему храм поставлен в чистом поле, вдали от селений, почему рядом с ним нет никаких других построек, как его сохранить в такой «пустыне»?

На первые вопросы ответы дает история этого урочища. Во второй половине XIX в. погост Красная Ляга объединял пять деревень: две — близ храма, остальные — в нескольких километрах от него. В то время в деревнях погоста жили более девятьсот человек. Рядом с сохранившейся церковью Сретения Господня и Михаила Архангела стояла вторая, во имя Рождества Богородицы, и, возможно, другие принадлежавшие церквам строения. Все они, должно быть, были обнесены оградой. Свободное ныне пространство вокруг храма прежде занимали крестьянские дворы, огороды и пашни.



Рис. 4. Церковь Сретения Господня и Михаила Архангела (1655 г.) в урочище Красная Ляга. Общий вид с запада. Фото И. Шургина, 2010 г.

В наши дни в Архангельской, Вологодской и других северных областях России государство закрывает «нерентабельные» школы, больницы и другие общественные учреждения. Вследствие этого сельское население на Севере неизменно сокращается, пустеют деревни, существовавшие не одну сотню лет. В таких случаях особенно важна роль сельского храма-памятника — подлинного символа-хранителя многовековой истории и культуры своей местности. Лишившись подобного сооружения, жители селения, где оно стояло, теряют и символ их исторического родства, символ их малой родины. Иногда же только деревянные храмы остаются единственными свидетелями многовековой истории успешного выживания, продуктивной деятельности людей на окружающей их территории.

В связи с этим особенно важным становится вопрос: как надежно сохранить архитектурный памятник в Красной Ляге? По-видимому, положительный ответ может быть один. Поблизости должна быть возрождена крестьянская усадьба, в которой постоянно будет жить сторож-смотритель. Найти и привлечь к такой работе

человека — дело государственных организаций, отвечающих за судьбу памятника. Традиционного вида жилой дом и хозяйственные строения, возделанная при усадьбе земля оживят окружающий ландшафт. Они станут напоминать об утраченной архитектурно-планировочной среде, в которой три столетия существовал храм, теперь одинокий.

В недалеком будущем традиционная застройка тысяч деревень по всей России может разделить судьбу селений погоста Красная Ляга. Последние два десятилетия происходит бесконтрольная интенсивная урбанизация сельской жизни. В северных и центральных областях страны продолжается сокращение традиционной сельскохозяйственной деятельности. На заброшенных землях строятся унифицированные или экстравагантно-безвкусные здания, никак не связанные с местными сельскими архитектурными традициями (рис. 5, 6). При перестройке старых жилищ хозяева не заботятся о сохранении их традиционного внешнего вида, занятые только обеспечением себя современными бытовыми удобствами.

Вместе с тем в самих старинных селах на севере России стихийно возникли и распространяются попытки жителей объединиться с целью получить средства к существованию на основе использования их сельского культурного наследия. В традиционных жилищах устраиваются «гостевые дома»; экологически чистые продукты, закупаемые у местных селян, используются для питания гостей-туристов; организуется производство и продажа изделий разного домашнего ремесла: ткачества, вязания, резьбы по дереву, гончарства, кузнечнойковки и других, в зависимости от присущих селению традиций. Такое объединение инициативных сельских жителей получило название «Товарищество общественного самоуправления» (ТОС). Например, в Архангельской области такого рода деятельностью занимаются общественные организации в селах Кимжа, Ошевенское, на территории Национального парка «Кенозерский» и в других местах (рис. 7, 8).

Но такие отдельные положительные примеры, к сожалению, не могут изменить в целом негативную ситуацию — социальную и архитектурную деградацию старинных деревень. Особенно губительно естественное разрушение традиционных деревянных построек. Но одновременно сегодня объектом особого рассмотрения должно стать такое явление, как бесконтрольная застройка старых поселений, создающая угрозу разрушения целостности

Рис. 5. Старый и новый дом в одной из деревень на территории Национального парка «Угра». Фото И. Шургина, 2014 г.



исторического облика и планировочной структуры деревень — основы их эстетической привлекательности сегодня.

Обладающие многовековой историей и богатые памятниками архитектуры, села и деревни с традиционной застройкой сохранялись в издревле присущем им ландшафте. Теперь именно такие селения неоспоримо свидетельствуют о праве народа России на занимаемую им территорию. В связи с этим проблема сохранения традиционного архитектурного образа старых деревень неотделима от проблемы сохранения сельских культурных ландшафтов,

Рис. 6. Новый особняк на окраине одной из деревень на территории Национального парка «Угра». Фото И. Н. Шургина, 2014 г.



которые обладают четкими признаками традиционной деятельности людей, живших там сотни лет. Существование традиционной архитектуры, большей частью деревянной — один из основных зрительных признаков, определяющих принадлежность территории к категории культурных ландшафтов.



Рис. 7. Панорама д. Зехнова на территории Национального парка «Кенозерский». Фото О. Севан, 2007 г.



Рис. 8. Выступление народного хора села Усть-Поча на территории Национального парка «Кенозерский». Фото И. Шургина, 2011 г.

Разрушающее действие вышеуказанных явлений на традиционную архитектуру в структуре культурных ландшафтов необходимо остановить в первую очередь на особо охраняемых территориях, к которым относятся национальные парки, исторические поселения, музеи-заповедники, охранные зоны музеев под открытым небом и отдельные памятники истории и культуры. Дело в том, что российским национальным паркам (и другим организациям, в структуре которых есть особо охраняемые территории) юридически не принадлежат поселения, расположенные в их границах, и национальные парки не могут влиять на частное строительство в границах поселений.

В связи с этим необходимо разработать четкий правовой регламент строительства на охраняемых территориях с культурными ландшафтами. В частности, должно быть узаконено запрещение продажи новых участков под застройку за пределами существующих поселений. В границах же поселений можно разрешить строить только по регламентированным образцам, учитывающим местные архитектурные традиции — условие как для новых поселенцев, так и давно живущих собственников построек (в том числе и их наследников). Эти условия необходимо включить в Правила землепользования и застройки — документ, вновь разрабатываемый государственной администрацией (на основе Градостроительного кодекса РФ) для муниципальных образований. В этот документ должны быть включены указания по расположению новых строений в общем порядке существующей застройки, их высотности, углу наклона кровель, оформлению уличного фасада и материалу. Обязательным приложением к Правилам землепользования и застройки должны быть альбомы с графическими архитектурными рекомендациями для застройщиков, включая эскизы планов и фасадов, набор традиционных конструктивных и декоративных деталей, а также отделочных материалов, включая покраску.

Кроме того, целесообразно разработать экспериментальные проекты, привлекательные для собственников, которым требуются новые жилища или перестройка старых. Здания, построенные или перестроенные по таким проектам, внешне не должны искажать традиционный архитектурный вид селения, но внутренне они будут отвечать на жизненные запросы наших дней, а именно: иметь бытовые удобства, как в городе, и быть энергоэффективными по современным меркам. Но насколько включение архитектурного регламента в Правила землепользования и застройки — действенный

способ сохранить исторический облик деревень? Ответить на этот вопрос сложно: в России еще недостаточно результатов подобных законодательных мер. Однако существует опыт других стран по разработке законодательства и его применения в градостроительной и архитектурно-планировочной практике.

Весьма удачным примером сохранения традиционной архитектуры в культурном ландшафте может служить село Остурна в Словакии (рис. 9–12). Это селение растянулось на девять километров, но в его застройке выделено только три заповедные зоны, в границах которых владельцы усадеб бесконтрольно не могут ничего перестраивать. Однако сами жители совместно с главой местной администрации приняли на муниципальном уровне строительный регламент с целью сохранения исторического облика своего селения. В данном случае поучителен и опыт административного управления селом Остурна на муниципальном уровне. Он убедительно показывает, что задача сохранения традиционной деревянной архитектуры в культурном ландшафте успешно решается только там, где путем диалога, зачастую многолетнего, специалистам по сохранению наследия удается привлечь на свою сторону муниципальную власть и местное население. Но положительный зарубежный опыт позволяет надеяться, что и российские законодательные мероприятия будут не напрасны.

Наряду с архитектурно-строительной регламентацией на территории поселений следует добиваться туристической привлекательности сельских культурных ландшафтов, обеспечить их необходимой минимальной инфраструктурой, создать условия местному населению для обслуживания туристов, разработать поощрительные меры для поддержания и возрождения традиционных видов деятельности. Это задача для совместного решения государственной администрации и ТОСов.

На сильное решение проблемы сохранения традиционного архитектурного облика сельских культурных ландшафтов направлен, в частности, международный проект «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности». Проект выиграл конкурс программы Европейской Комиссии 'Investing in people'. Общая цель названного международного проекта — сохранить деревянную архитектуру, жемчужину многих поселений и культурного ландшафта, основной зрительный элемент и важный вклад России в мировую культуру.



Рис. 9. Село Остурна в Словацкой Республике. Фрагмент застройки. Фото И. Шургина, 2014 г.



Рис. 10. Село Остурна в Словацкой Республике. Фрагмент застройки. Фото И. Шургина, 2014 г.



Рис. 11. Село Остурна в Словацкой Республике. Новый дом в старой застройке. Фото И. Шургина, 2014 г.

Рис. 12. Село Остурна в Словацкой Республике. Поленица дров у стен музейфицированного дома. Фото И. Шургина, 2014 г.



## 2.7. Проблемы музеефикации архитектурного и градостроительного наследия

Рассматривая поставленную проблему, прежде всего определим понятие музеефикации. В обыденной жизни оно практически не употребляется. Такого термина нет в словарях и энциклопедиях общего пользования, то есть для широкого круга читателей содержание не раскрывается. Оно рассматривается только в специальных музееведческих изданиях и, к сожалению, несколько в упрощенном виде. В словаре музейных терминов читаем: «Музеефикация памятников — направление культурной политики и отрасль музейного дела, сущность которой заключается в превращении недвижимых памятников истории и культуры или природных объектов в объекты музейного показа». Из музейной энциклопедии следует, что «музеефикация — направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности». Как видим, понятие здесь имеет более широкий смысл.

Следует отметить, что в обоих случаях определение не отражает ряд важных аспектов понятия. Во-первых, музеефикацией в широком смысле слова можно считать переход в музейное состояние любого объекта, не только относящегося к недвижимым или средовым объектам. Во-вторых, важным является раскрытие социальной памяти, заключенной в музеефицируемом объекте и восприятие его человеком. Если объект подлежит музеефикации, значит он определен как памятник. В-третьих, отношение человека к памятнику. В полной ли мере он осознает действительную значимость памятника, и если осознает, то будет ли к нему бережно относиться? Если не осознает, будет его игнорировать, в лучшем случае, проходить мимо, не замечая, не задумываясь о музеефикации, в худшем — подвергать вандализму?

Рассмотрим примеры отношения к памятнику со стороны разных социальных групп населения, озвученные, например, в ходе одной из конференций в 2012 г. В Сибири под Томском есть город Северск — закрытый, именуемый также «п/я Томск-7». Там есть музей с интересными и эффективными формами работы, но, по словам

его директора, памятники в городе постоянно оскверняются, в том числе и новые, не имеющие отношения к советской власти, музеефицированные объекты. Директор же другого музея в отдаленном районе Томской области, наоборот, отмечал, что к памятникам у них относятся бережно и никто никогда их не осквернял. В чем причина такого разного отношения к наследию? Она кроется, скорее всего, в разной социальной памяти людей, влияющей на их поведение. Томск-7 строился узниками ГУЛАГа для организации вредного химического производства, которое отличали тяжелые условия работы на предприятиях и специфический рабочий состав, формировавшийся преимущественно из уголовников. Сегодня в городе живут и работают их потомки, и сложилось особое сообщество людей, негативно относящихся к любой власти. И этот негатив выражается в отрицании всего, что каким-либо образом связано с властью, в том числе и памятников. А в далеком районе местное население жило в других условиях, там помнят и уважают свою историю, потому и бережно относятся к наследию.

Почему во многих городах до сих пор оскверняются не использующиеся по назначению храмы, в том числе те, которые, судя по табличкам, охраняются государством? За годы антирелигиозной пропаганды и позже формировалось негативное отношение к религии, а храмы, как мы знаем, приспособлялись под хозяйственные нужды. Все это повлияло на сознание людей, хотя коммунистическая идеология ушла в прошлое. И в то же время можно видеть, как проживающие рядом соседи одного возраста по-разному воспринимают памятники эпохи. Вот конкретный пример. В селе Никольском Тотемского района Вологодской области восстанавливается Николаевская церковь. На ее стенах во всю высоту стен выложены кирпичной кладкой шестиконечные кресты. Здесь уже оборудовано несколько помещений: выставочный зал и молельная комната, где проводится служба и пр. На вопросы, почему храм называют Николаевским, что означают шестиконечные кресты и почему место службы называют молельной, местные жители ответить не могут. Одни из них посещают службы в храме, но подобные вопросы их не волнуют. Другие отвечают, что им дела нет до какого там храма: «Мы при советской власти воспитаны, и никакая церковь нам не нужна». Вопрос: изменится ли их настроение, если в результате музеефикации полуразрушенное здание приобретет статус памятника истории и культуры?

В специализированной литературе отмечается, что наибольшее количество среди музеефицированных объектов составляют памятники архитектуры. Полно и разносторонне рассматривает музеефикацию М. Е. Каулен, посвятившая этой проблеме свою монографию. Но в ее и других работах рассматриваются лишь памятники архитектуры как таковые. Градостроительное наследие не рассматривается или только упоминается в связи с изучаемой темой. Не рассматриваются и состояние социальной памяти, проблемы восприятия сущности и значимости памятника.

Проблемы изучения и сохранения недвижимого наследия предлагается рассматривать с разных позиций:

1. памятник градостроительства как объект специального изучения;
2. изучение памятника в контексте городской и сельской историко-культурной среды;
3. изучение и сохранение памятников культовой и гражданской архитектуры;
4. музеефикация и формирование социальной памяти населения.

Если первые три позиции, так или иначе, рассматриваются исследователями, то проблема музеефикации и формирования социальной памяти практически не раскрывается и поэтому требует специального анализа.

Любой памятник — будь то храм, обелиск, дворец, крестьянский дом, святой источник представляет для нас интерес не столько своим внешним обликом, сколько тем содержанием, которое в нем заключено. Важно понимать, какую историко-культурную значимость имеет памятник, какая социальная память в нем заключена, с какими событиями ассоциируется. Когда мы идем по Валушкам в Каргополе, у нас возникает образ крепости, и мы вспоминаем героическую оборону от нашествия «литвы» в 1612 г. Одновременно возникает ассоциация с земляными валами в Дмитрове Московской области и Белозерске. И, по-видимому, наша историческая и социальная память подсказывает возможность музеефикации каргопольских Валушек. Подобное происходит, если мы владеем историческим материалом, знаем или стремимся к его познанию. В противном случае перед нашими глазами видна только заросшая травой земляная насыпь, а за ней расположены дома и огороды местных жителей. Ассоциаций с историко-культурным наследием не возникает. Но при этом может встать вопрос: зачем нужна и вообще нужна ли музеефикация?

При изучении наследия малых городов важным представляется выявление гармоничного архитектурного и градостроительного сочетания. У каждого города мы видим собственный облик, и он связан с основными значимыми городскими объектами. В городе Кириллове это монастырь, в Великом Устюге — церкви на набережной, в Каргополе — Соборная площадь. Но как гармонируют эти памятники с городской средой, со средой обитания местного населения? Как воспринимают жители существующее историко-культурное наследие и вновь создающиеся памятники? И здесь можно видеть разные примеры.

В Каргополе, когда храм Иоанна Предтечи, в котором располагалась долгие годы экспозиция музея, передали Русской православной церкви, это воспринималось закономерным явлением. Местные жители ныне активно посещают церковные службы. А вот в селе Могочино Томской области, где в центре поселения на бывших улицах и огородах возник женский монастырь, местные жители Никольскую церковь в монастыре не посещают, а сам монастырь обходят стороной. В первом случае первоначально произошел процесс музеефикации, но позже — демузеефикации, когда музейный объект был передан РПЦ. Во втором случае речь не идет о музеефикации, хотя касается также культового сооружения. В данном случае можно говорить об отношении людей к архитектурному и градостроительному наследию, которое имеет культурную и духовную составляющую. Церковь Иоанна Предтечи, являясь архитектурным памятником, гармонично входит как в сложившийся облик города, так и в духовную жизнь прихожан. Могочинский монастырь, являясь архитектурным памятником, в духовную жизнь местного населения не вошел по причине отсутствия гармонического взаимопонимания между монастырем и жителями.

Памятник архитектуры и градостроительства может сохраняться в условиях, когда в нем испытывают потребность местные жители. Ни законы, ни материальные средства, ни охранные таблички не сохранят памятник, если люди в нем не заинтересованы. Отсюда необходимость формирования общественного сознания в сфере охраны и бережного отношения к национальному достоянию. Усилиями музеев и научной общественности эту проблему, по большому счету, не решить. Только при совместных скоординированных действиях всех сторон, при обязательном участии органов власти может быть решена проблема поддержания памятников и сохранения сложившейся городской среды.

Проблема охраны культурного наследия тесно связана с проблемой использования как самих памятников, так и окружающей среды. В Барнауле, например, был создан музей «Город», который призван, казалось бы, отражать историю города, его изначальное возникновение и развитие во времени. Известно, например, что в свое время Демидов, открывая новое производство на реке Барнаулке и набирая рабочих, переселил 400 семей крестьян из Олонецкой губернии. Память об этом до сих пор сохраняется в названиях двух Олонских улиц. Однако сотрудники музея «Город» проигнорировали этот значимый для истории города факт. И как мы понимаем, не проводятся научные исследования в данном направлении, этот факт не нашел отражения в экспозиции, историко-культурная составляющая данного места не акцентирована в структуре города и не музеефицируется. Хотя на той заселенной в прошлом олонецкими крестьянами территории сохранился старинный городской парк, заложенный более двух веков назад. Там находятся здания, представляющие архитектурную и градостроительную ценность. Историческое и культурное прошлое этой части городской среды не фиксируется, хотя там в одном из особняков XIX в. располагается краеведческий музей. И деятельность этого музея ограничивается лишь пространством экспозиционных залов: окружающая историческая среда, характер и особенности в архитектуре и градостроительстве, к сожалению, не демонстрируются горожанам и гостям города.

Но проблемы, связанные с использованием памятников в окружающей городской среде, взаимосвязаны с характером их использования. Например, в пространство Соборной площади Каргополя органично вписываются ярмарки, праздники мастеров, фестивали колокольного звона. И наоборот, противоречат ему и в целом — историческому городскому пространству выступления, например, рок-ансамблей. Нельзя забывать, что любое мероприятие в городской среде имеет воспитательное значение для молодежи, формирует ее этический и культурный облик и характер поведения в обществе. Так, для наведения порядка во время проведения рок-конcertов привлекаются значительные силы полиции, сотрудники которой нередко вынуждены пресекать буйство молодых людей. А при проведении вечеров ретро-танца в каргопольском Музейном дворе и концертов хора духовной музыки «Светилен» в церкви Зосимы и Савватия надобности в полицейской охране нет.

В последнем случае царят иной дух, иные поведенческие настроения, поскольку жители приобщаются к своему историко-культурному наследию, формируется их историческое сознание и уважение к своему прошлому и культуре.

Можно с уверенностью сказать, что рассматриваемую проблему можно решить при комплексном подходе к сохранению архитектурного и градостроительного наследия. Восстановление памятника и его использование, то есть музеефикация, достигает своей цели в случае совместных усилий архитекторов, искусствоведов, реставраторов, инженеров, музееведов, церковных деятелей, работников культуры, молодежных организаций, местного населения и, конечно же, органов власти. И здесь представляется необходимым рассмотреть наиболее важные позиции.

*Формы восстановления.* Необходимость единства в сохранении фасада и интерьера как реставрируемых памятников, так и других городских строений. При восстановительных работах следует решать прежде всего проблемы консервации, а затем уже их реставрации. Отсюда и характер восстановления памятника. Если он восстанавливается для возврата к его первоначальному использованию, то применяется один метод работ, а если его собираются использовать в качестве памятника, то требуется музеефикация.

*Ответственность реставраторов.* Качество реставрационных работ и их долговечность. Необходимость фиксации в договорах условий материальной ответственности и возмещения утрат в случае некачественно проведенных работ.

*Согласованность действий пользователей материального историко-культурного наследия.* Необходимость отчисления доходов предпринимателей и турфирм на реставрацию памятников. Положительным примером можно назвать опыт Тотемского района Вологодской области, где проблемы сохранения историко-культурного и природного наследия решают совместно и согласованно: Тотемское музейное объединение, муниципальное унитарное предприятие «Туризм и народные промыслы», Молодежный центр «Тотьма», местный театр, Школа путешественников Федора Конюхова и Отдел культуры и туризма Администрации Тотемского района. При этом существует тесная связь с Клубом деловых людей Вологодского землячества, Петровской ремесленной школой, музеями Вологодской области, а также с Центром научного просветительства «Бирюзовый дом» (с. Никольское — г. Зеленоград, Москва)

и национальным заповедником Форт Росс (Калифорния, США). В таком взаимодействии в Тотье музефицируются новые памятники истории и культуры, разрабатываются новые экскурсионные маршруты.

*Предназначенность памятников при их использовании.* Каждому зданию-памятнику может быть свое предназначение. Например, в зданиях православных храмов могут создаваться музеи церковного искусства, истории православия, истории православных праздников, житийных деяний святых, православных обрядов, духовной музыки, истории церкви, истории прихода и т. д. В Тотье, например, осуществлена музефикация православного храма, в котором успешно функционирует музей церковной старины. Жилые городские или сельские дома могут быть музефицированы как дома-памятники городского и крестьянского быта с проведением в них мастер-классов, как это делается в селах Биряково и Никольское Вологодской области или в селе Шушенское Красноярского края.

*Город мастеров.* Каждый исторический город имеет свои особенности, свои привлекательные стороны. Каргополь, например, славится как город мастеров. Он известен не только каргопольской глиняной игрушкой, но и резьбой по дереву, изделиями из бересты, ткани, живописными работами. Закономерно, что именно здесь проводится традиционный праздник мастеров России. Музефикацию можно осуществить в различных вариантах: 1) музефикация каждого дома народного мастера, разработка экскурсионных маршрутов, обеспечение деятельности мастер-классов; 2) оборудование городка мастеров на набережной и вокруг Соборной площади с мастер-классами, реализацией продукции и созданием гостиничного комплекса. Основа для этого уже заложена созданием Николаем Фоминым музея-мастерской «Медвежий угол».

*Пешеходная зона в исторической части города.* Такие зоны создаются во многих странах, в том числе и в городах нашей страны. Создание историко-культурной заповедной зоны в каждом историческом городе — это и есть одна из форм музефикации. Этим достигается, с одной стороны, сохранение историко-архитектурного наследия, с другой — привлекается внимание гостей, увеличивается их количество, расширяются формы работы с посетителями, что приносит доход в городской бюджет.

*Культурно-познавательный туризм.* Тема эта становится все более и более актуальной. В условиях развала народного хозяйства, когда остановлено производство, забраксываются и зарастают

пахотные земли, крайне важно найти формы выживания малых исторических городов и сел. Опыт такого выживания уже имеется, и его полезно изучать и применять с учетом местных традиций. Например, в Тотье проводятся научно-практические конференции «Культурно-познавательный туризм как фактор развития российской глубинки». При тесном взаимодействии местных хозяйств здесь отреставрированы практически все архитектурные памятники. В двух храмах располагаются музеи, одна церковь восстановлена как действующая, другая отреставрирована, но пока еще не предназначена к использованию, третья находится в стадии начала реставрации. Восстанавливается и Спасо-Суморин монастырь, на территории которого располагаются хранилище Тотемского музея и гостиница «Монастырские кельи».

В селе Никольском Тотемского района создается Школа русского слова на родине вологодского поэта Николая Рубцова. Здесь планируется создание летних лагерей с активными формами изучения края, и организуются научно-просветительные экскурсии с проведением различных мастер-классов. В селе Биряково Сокольского района Вологодской области действует интерактивный музей с новым познавательным природным объектом «Курсевель». На его основе предполагается решать наиболее важные вопросы вымирающей деревни в рамках программы культурно-образовательного туризма. Примечательно, что объектами музефикации здесь стали бывшее здание машинотракторной станции с сохранением всей ее сельскохозяйственной техники, конюшня с шестью лошадьми; действующая пекарня; некоторые сельские дома; бывшая автостанция в доме Рубцовых; урочище и гора Кульсеевая и другие объекты. И всюду в активной форме проводятся мастер-классы, в том числе школа верховой езды, прогулки на тракторах и комбайнах, выпечка хлеба в пекарне. Здесь приступили к реставрации двух полуразрушенных храмов, в центре села построена новая церковь, а неподалеку в лесу облагорожена площадка у родника святого Вассиана Тиксненского.

В Каргопольском районе силами общественности с Ошевенского создается музей под открытым небом, где предполагается музефицировать сельские дома, деревянную церковь XVIII в., а также местные историко-культурные и природные достопримечательности с разработкой различных туристских маршрутов.

*Памятник и окружающая среда.* Памятники истории и культуры могут сохраняться при условии, если будут «жить» в среде

бытования и будут востребованы местным населением, если будут использоваться в разнообразной форме, если органы власти будут обеспечивать меры по их сохранению. Наша задача — формировать общественное сознание и ответственность за сохранение историко-культурного наследия.

В завершении можно заметить, что музеефикация памятников историко-культурного наследия может способствовать их сохранности для будущих поколений. При наличии общественного движения значение имеет решение проблем музеефикации государственными органами и профессионалами. Когда местное население участвует в восстановлении памятников, решаются узконаправленные локальные задачи. Но задача сохранения историко-культурного и природного наследия в нашей стране решается плохо, хотя и имеются исключения. Для этого необходимо разрабатывать долгосрочные программы и включать их в федеральную целевую программу «Культура России». Применительно к теме, обсуждаемой на конференции, предлагается разработать в рамках программы «Культура Русского Севера» подпрограмму «Наследие Севера», составной частью которой могло бы стать возрождение архитектурного и градостроительного наследия Каргополя.

*А. Н. Егоров, Е. А. Забалдина (г. Каргополь)*

## **2.8. О роли местного сообщества в сохранении историко-культурного наследия Каргополя**

Историко-культурное наследие — это социальный и экономический потенциал района. Потенциал историко-культурного наследия Каргопольского района настолько велик, что в полной мере рассматривается в качестве стратегического ресурса развития территории, значимого фактора конкурентного преимущества. Рациональное использование историко-культурного наследия может существенно влиять на экономическое развитие Каргопольского района. И роль местного сообщества в сохранении наследия велика. Люди участвуют в общественном управлении территорией тогда, когда они понимают выгоду от сохранения наследия — необязательно только экономическую, но и нравственную.

Как вернуть местному сообществу чувство хозяина, а значит — и ответственности за свою землю, историю и свою судьбу? Как привлечь его к решению местных проблем, в числе которых — и сохранение историко-культурного наследия, преодолеть пассивность, бесконечное ожидание помощи «сверху», в том числе со стороны муниципальной и региональной власти? Очевидно, через вовлечение в управление территорией. Но при этом необходимо четко определить роль власти, местного населения, бизнеса, научиться управлять структурой изменения. Местному населению — формировать собственную ответственную позицию как главного хранителя наследия, активизировать участие в общественном самоуправлении, развивать предпринимательские инициативы с учетом развития территории, повышать собственный образовательный, культурный и профессиональный уровень, обеспечивать взаимную поддержку внутри сообщества.

Вовлечь — это значит втянуть человека в орбиту всех дел, сделать так, чтобы сама жизнь человека, сообщества влились в общее русло сохранения наследия. Тогда у них появятся реальный интерес и стремление сохранить и приумножить все то, что влечет туристов в их поселение. Но стоит всегда помнить: не люди существуют ради наследия, а наоборот. Все то, что пытаемся сохранить, восстановить и приумножить, может быть сделано не только штатными сотрудниками учреждений культуры, но, прежде всего, самими местными жителями.

Федеральный закон «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» дает право людям создавать органы территориального общественного самоуправления (ТОСы) по месту совместного проживания. Пробудить интерес к этому могут органы местного самоуправления. Появляется дополнительная сила в решении не только социальных вопросов, но и в деле сохранения историко-культурного наследия. ТОСы — одна из форм активизации социального участия населения в жизни территорий. Они стали активно создаваться в Архангельской области в конце 1990-х — начале 2000-х гг., в период затяжного кризиса по всей стране. В основе ТОС — решение местных задач, социальных проблем, активный диалог с муниципальной властью по важным вопросам жизни местных сообществ, участие в разработке программ развития, сохранения местной природной и культурно-исторической среды. Ключевую роль в реализации проектов ТОСов играют школы, библиотеки, досуговые учреждения, сосредоточившие наиболее

активных людей, способных форсировать гражданские инициативы населения, и опора на сельскую интеллигенцию.

На территории Каргопольского района первые ТОСы образовались в 2001 г. Их было два — на территории Ошевенска и Печниково, а сегодня они существуют уже по всему району. Направления деятельности ТОСов различны: спортивные, патриотические, связанные с сохранением традиций Каргополья и благоустройством территорий. Импульсы, способствующие поддержанию и развитию территориального общественного самоуправления, — это конкурсы и программы регионального и муниципального уровня.

Приведем примеры тех проектов, которые получили в разные годы финансовую поддержку и направлены на сохранение и использование местного исторического, культурного наследия, сохранение народных художественных промыслов и традиций:

- «Спасов житник»: создание деревенского музея с экспозицией традиций и историей родного края, ТОС «Народная воля» в с. Ошевенском;
- «Гостевой дом»: создание гостевого дома в Ошевенске для приема и размещения туристов с элементами интерактивного этнографического музея, ТОС «Народная воля» в с. Ошевенском.

Показ уклада традиционной народной жизни на примере одной избы, возрождение традиционных ремесел и изготовление сувенирной продукции на продажу позволили в дальнейшем сельским территориям инициаторам проектов активно развиваться. Успешные примеры — проекты ТОС «Лядинский круг» из деревни Печниково и ТОС «Печниковский лад», который совместно с православной общиной вышел на конкурс с проектом возрождения и строительства храма на территории деревни Печниково.

Территориальное общественное самоуправление — это реальная сила, способная решать проблемы по оздоровлению сельских территорий, в том числе сохранения наследия. Возрастает общественное самосознание, появляются новые субъекты социальной инициативы. Благодаря деятельности главы города Каргополя Екатерины Дмитриевны Трунаевой и ее умению объединять местных жителей, руководителей организаций и предприятий ежемесячно проводятся субботники по уборке от мусора и территорий около храмов, внутри храмов и Валушек.

В 2013 г. после пожара в селе Лядины были полностью утрачены Покровская церковь и шатровая колокольня, памятник деревянного зодчества XVIII в. Благодаря инициативе местного сообщества

и органов местного самоуправления были проведены общественные слушания по вопросу восстановления храма и колокольни. В них приняли участие представители Министерства культуры Архангельской области, Администрации Каргопольского района, Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея, жители деревни Лядины. Речь шла, в частности, о том, что именно Покровская церковь являлась доминантой комплекса Лядинского погоста и лицом деревни, поэтому ее необходимо воссоздать.

В итоге было принято решение обратиться в Министерство культуры Российской Федерации с просьбой о выделении средств на разработку научно-проектной документации по воссозданию Покровской церкви или перенаправить на те же цели средства, выделенные в 2013 г. в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» на проведение реставрационных работ. На заседании секции деревянного зодчества и музеев деревянной архитектуры Научно-методического совета по культурному наследию при Министерстве культуры РФ этот вопрос был рассмотрен. Члены секции отметили высокую ценность этого памятника, одобрили необходимость проведения работ по подготовке научно-проектной документации для воссоздания Покровской церкви. Также принято решение о сохранении средств, выделенных в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

Одним из важнейших способов сохранения и использования наследия является развитие культурно-познавательного и событийного туризма. Туристы ищут подлинных впечатлений, поэтому важно содействовать местным сообществам в проведении или воссоздании культурных акций и различных традиционных событий и даже в восстановлении исторических зданий. Ежегодно проводятся ставшие привлекательными для туристов фестивали, направленные на сохранение историко-культурного наследия Каргополья. Это праздник народных мастеров России, конкурс снежных и ледовых скульптур «Снеговик», «Хрустальные звоны» единственный зимний фестиваль колокольного искусства в России. В 2014 г. была поддержана инициатива проведения в Каргополе праздника «Баранье воскресенье» (на гербе Каргополя изображен баран на огне), завершившееся большой кадрилию и сжиганием чучела барана. Праздник неразрывно связан с историей Каргополья.

Такие мероприятия не только обогащают впечатления туристов, но и вовлекают зрителей в само действие, в обряды

и традиционные игры. На праздниках возрождаются народные игры и забавы. Демонстрация культурного богатства помогает изменять поведение и взгляды не только туристов, но и жителей Каргополя: они становятся сторонниками охраны памятников старины и народных традиций, у них развивается чувство гордости за малую родину.

Несмотря на шаги, которые уже предпринимаются вот уже более 10 лет по активизации роли местного сообщества в деле сохранения историко-культурного наследия Каргополя, нам еще многое предстоит сделать в укреплении и расширении взаимодействия власти и местного сообщества для сохранения исторического облика города Каргополя и историко-культурного и природного наследия Каргополя. Но, как известно, дорогу осилит идущий.

*А. И. Сорокин (г. Плёс, Ивановская область)*

## **2.9. Некоторые замечания о сельской архитектуре Каргополя (тезисы)**

В ходе прошедшей международной научно-практической конференции для ее участников был организован выезд в окрестности Каргополя — в деревни Ширяиху, Большой Халуи и др. для знакомства с уникальным историко-культурным и природным потенциалом Каргополя.

Экскурсия была удивительно интересная и содержательная. Для меня, жителя центральных областей европейской России, сельская архитектура этого края была крайне нова и необычна. Присматриваясь к удивительным крестьянским домам, я заметил, что помимо своеобразных пропорций и масштаба обращают на себя внимание и необычно выглядящие пазы между бревнами, а точнее — материал, использованный для их конопатки, отличающийся от привычных фактурой и цветом. Пазы при солнечном освещении были не белесо-серые и не серо-бурые, а золотисто- и бронзово-бурые, что на фоне серых бревен придает особый характер всей постройке.

Взял несколько образцов, просмотрел и не поверил своим глазам — это были бокоплодные зеленые мхи. Почему это вызвало удивление, можно пояснить сразу: традиционно для конопатки пазов между бревнами по всей России использовались и по сей день используются сфагновые, или белые мхи (*Sphagnum* sp.). Иногда, гораздо реже, применяется вер-

хоплодный зеленый мох кукушкин лен (*Polytrichum commune* Hedw.) — чаще в примеси к сфагнуму, иногда в чистом виде. Кукушкин лен — материал жестко-волокнистый, гораздо менее пластичный, чем сфагнум, все же охотно применялся как средство профилактики от клопов. Во второй половине XIX в. для конопатки стали использовать довольно дорогостоящую конопляную, реже — льняную паклю. Пакля обычно использовалась для дополнительной отделки «валиком» уже проконопаченных мхом пазов. Этот прием можно увидеть и на строящихся сегодня домах, впрочем, иногда, встречается и совершенно дикий кич — когда к пазам просто приколачивают веревки. Однако пора возвращаться к изобретению каргопольцев, которые нашли свой собственный материал, отличающийся от других регионов России.

Собранные в Ширяихе и Большом Халуе образцы по возвращении домой изучил в лабораторных условиях, и оказалось, что избы проконопачены зелеными бокоплодными мхами. Основную массу в смеси составляет ритидиадельфус трехгранный *Rhytidiadelphus triquetrus* (Hedw.) Warnst., в меньших количествах встречается каллиергонелла Линдберга *Calliergonella lindbergii* (Mitt.) Hedenaes, попадают, также, единичные веточки плеврозиума Шребера *Pleurozium schreberi* (Brid.) Mitt. Как явствует из названий, эти виды мхов даже не получили в русском языке собственных имен: их наименование остается латинским переводом.

Выбор каргопольскими строителями столь оригинального и необычного материала, вероятно, обусловлен отсутствием в ближайших окрестностях указанных населенных пунктов верховых болот, обычно изобилующих белыми мхами и кукушкиным льном, но, возможно, они руководствовались и иными причинами. В связи с чем следует обратиться к местным краеведам с просьбой опросить по этому поводу местных жителей и выяснить причину использования столь необычного материала в сельской архитектуре Каргополя.

*Д. В. Тузов (г. Москва)*

## **2.10. Актуальные вопросы подготовки кадров по специальности «Реставратор»**

Проблема сохранения объектов культурного наследия является комплексной антропологической проблемой. Часто при ее обсуждении вычлняются отдельные сегменты: художественный, исторический, искусствоведческий, технический или юридический. Но в совокупности

она предстает именно антропологической проблемой, в центре которой стоит человек — носитель знания о прошлом, культуры современности, проецирующий этот вектор в будущее. И как ни заманчиво было бы рассматривать отдельные части этой проблемы, без воспитания в Человеке чувства осознания себя в истории не удастся добиться сохранения памятника как материального объекта.

Вот почему основа благополучия памятника лежит в сознании человека, понимающего его как ценность для себя и будущих поколений. В нашем народе это качество не является исторически предзаданным по отношению к архитектурным объектам. Краткий срок жизни деревянных построек, составлявших большую часть застройки древнеславянских поселений, обусловил их достаточно частую сменяемость. Всегда было легче деревянное здание разобрать и построить новое, чем отремонтировать и реставрировать. Да и частые пожары делали свое дело. При этом сохранялась преемственность технологии и культуры строительства. Вновь возводимые постройки не только воспроизводили прежние образцы, но и превосходили их по различным параметрам.

Трагедия современного «народного» строительства заключается в разрыве культурных связей, соединявших поколения мастеров. Цепочка передачи опыта по семейным каналам от отца к сыну прервалась. Характерным примером может служить ситуация в деревянном домостроении. Есть прекрасные образцы деревянного зодчества прошлого, в единичных случаях сохранившиеся до нашего времени или зафиксированные исследователями. Есть все материалы, которыми пользовались плотники. Есть многократно возросшие инструментальные возможности для обработки этого материала, есть, наконец, технические возможности, облегчающие труд плотников и позволяющие решать задачи, невыполнимые прежде. Но при всем этом повсюду мы видим появление безликих, уродливых деревянных построек. Часто они строятся по тем же принципам, что и раньше, но, отражая мироощущение современных специалистов, далеко отстоят от образцов деревянных зданий XVII–XVIII вв.

Нельзя ожидать, что современные мастера смогут творить в душевном настрое, хоть отдаленно приближенном к состоянию их предков — носителей традиционной культуры. Следовательно, нужна образовательная технология, позволяющая решить эту задачу. И кроме воссоздания технических и технологических форм деятельности необходимо воссоздать миропонимание, характерное для носителей традиционного мастерства, к образцам которого мы стремимся приблизиться.

Имеющийся в нашей стране опыт показывает единичные удачные практики создания школ воспроизводства культурных традиций. И здесь нельзя не вспомнить основоположника русской школы реставрации Петра Дмитриевича Барановского, не только занимавшегося спасением многих памятников архитектуры, но и создавшим мощное общественное движение защитников культурного наследия. Это особо актуально в 2014 г., так как 50 лет назад, весной 1964 г. московские студенты, проявившие интерес к отечественной культуре, совместно с П. Д. Барановским решили создать клуб «Родина» — молодежное объединение с целью изучения и организации помощи реставрации памятников архитектуры. Весть о клубе распространилась по всей стране благодаря статье Василия Пескова «Отечество». В Ленинграде при Русском музее был организован клуб «Россия». В провинции дело шло хуже. Так, в Каргополе при городском доме культуры был создан клуб «Лемех», но не получившему поддержки от местных властей организатору клуба художнику Юрию Копосову пришлось уехать в Москву на Крутицы. Идеи клуба поддерживали С. Т. Коненков, П. Д. Корин, В. А. Солоухин, А. М. Леонов, авиаконструктор О. К. Антонов.

В июле 1965 г. было принято решение правительства РСФСР о создании ВООПИиК. В организационный комитет, которого вошли П. Д. Барановский и председатели правления клуба Александр Садов и Валерий Ириков. Крутицкое подворье было передано МГО ВООПИиК с целью организации экспериментальной реставрационной мастерской и школы для подготовки студенческих реставрационных отрядов. Возглавил мастерскую Евгений Михайлович Верченко.

Всплеск деятельности общественных реставрационных отрядов пронесся по всей стране. Их участники стали в дальнейшем известными реставраторами, строителями, специалистами в области охраны памятников, исследователями и учеными. Но всех их объединяет чувство уважения к культурным основаниям своего народа.

Разумеется, не только общественные движения способны воспитать такое чувство. Основой реставрационной отрасли являются организованные силы — реставрационные производственные организации, реставрационные институты и училища. Опыт показывает, что эти учреждения становятся результативны лишь тогда, когда власти по той или иной исторической причине выгодно обратили свои взоры в прошлое и искать в нем опору для достижения современных общественно-политических целей. И в новейшей истории нашей страны есть период, когда в течение короткого времени, через три месяца после окончания войны,

были воссозданы система охраны памятников и система реставрационных мастерских. Реставраторы не только спасли огромное количество памятников архитектуры, которые, безусловно, просто бы исчезли с лица земли, но вернули им их облик, тот самый, который был изначально задуман мастером. Тогда же были заложены основы системы подготовки кадров для реставрации.

Но сегодня для отрасли не решена проблема воспроизводства рабочих кадров для объектов архитектурной реставрации. И если в прошлом возобновление традиций происходило из числа живших еще в то время носителей традиционного ремесла, передаваемого от отца к сыну, из лучших рабочих строительных профессий, то в последние годы, из-за разрыва традиций передачи профессиональной информации, это проблема еще больше обострилась. На сегодняшний день можно говорить о нескольких учреждениях образования, осуществляющих подготовку рабочих реставрационных кадров.

Все они достаточно разобщены из-за территориальной удаленности и ведомственной раздробленности, но сталкиваются с похожими проблемами:

- отсутствие четко сформулированного заказа на кадры;
- несоответствие нормативной базы современным потребностям;
- сроки и условия подготовки не устраивают современного работодателя;
- качество подготовленных в условиях существующих нормативов кадров достаточно невысоко;
- необходимость переосмысления и изменения системы повышения квалификации работников реставрационных предприятий;
- региональные диспропорции: все кадры готовятся за счет местных бюджетов и остаются в крупных городах.

Даже в случае обращения как федеральной, так и региональной власти к проблемам подготовки кадров для реставрационной отрасли, не удастся решить в одночасье проблему воспитания специалистов. Опыт последних лет показывает, что вооруженные знаниями, но не впитавшие любовь к наследию, подготовленные специалисты зачастую уходят на высокооплачиваемые объекты современного строительства. Таким образом, задачей работающего в области реставрации образовательного учреждения становится не только освоение знания, но и воспитание чувства служения культуре. И здесь опыт создания общественных движений защитников культурного наследия оказывается чрезвычайно ценным.

## ГЛАВА 3.

### ПИСЬМЕННЫЕ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ И АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ



Шатровая церковь Николая Чудотворца, 1727 г. р. Северная Двина, Архангельская обл., Ратонаволоок (Погост). Рисунок О. Севан, 1977 г.

### 3.1. Научно-исследовательская Геоинформационная система (ГИС) «Каргополье» как инструмент изучения и сохранения историко-культурных ландшафтов

Исследование исторических культурных ландшафтов, к которым относится и уникальный культурный ландшафт Каргополья — это сложная междисциплинарная задача. Анализ процессов самоорганизации традиционного культурного ландшафта требует привлечения и развития новых методических приемов. К числу таких приемов относится создание и использование геоинформационных систем. Геоинформационная система (далее — «ГИС») — это программно-аппаратный комплекс, решающий совокупность задач по хранению, отображению, обновлению и анализу пространственной и атрибутивной информации по объектам территории. Для исследования исторического культурного ландшафта Каргополья нами была разработана исследовательская ГИС «Каргополье». Методически исследовательская ГИС является инструментом как пространственного, так и временного анализа. Данная статья посвящена описанию ГИС «Каргополье» и результатам ГИС-анализа историко-культурного сельского ландшафта региона.

#### 1. Архитектура и состав исследовательской ГИС «Каргополье».

В качестве исходных данных для ГИС использовались карты различных лет в разных картографических проекциях и масштабах, схемы, материалы дистанционного зондирования (далее — «МДЗ»). Кроме того, использовалась и иная информация, включая археологические, летописные и прочие исторические материалы. В ГИС включены сведения об административном делении региона в различные периоды его существования и привязанные к этому делению статистические показатели.

Сопоставление таких разнородных и асинхронных источников до недавнего времени само по себе было очень сложной задачей и существенно ограничивало возможности междисциплинарных исследований. Развитие геоинформационных технологий значительно облегчило задачу сопоставления разнородных данных и позволило продвинуться вперед, в частности, в историко-географических исследованиях. Таким образом, ГИС «Каргополье» включает

в себя базу данных, содержащую всю интересующую информацию с географической привязкой, реализованной в картографических слоях ГИС (рис. 1). Кроме того, ГИС в данном исследовании выступает как самостоятельный инструмент, позволяющий проводить пространственно-временной анализ различного уровня сложности с большим количеством материалов самого разного вида и содержания.

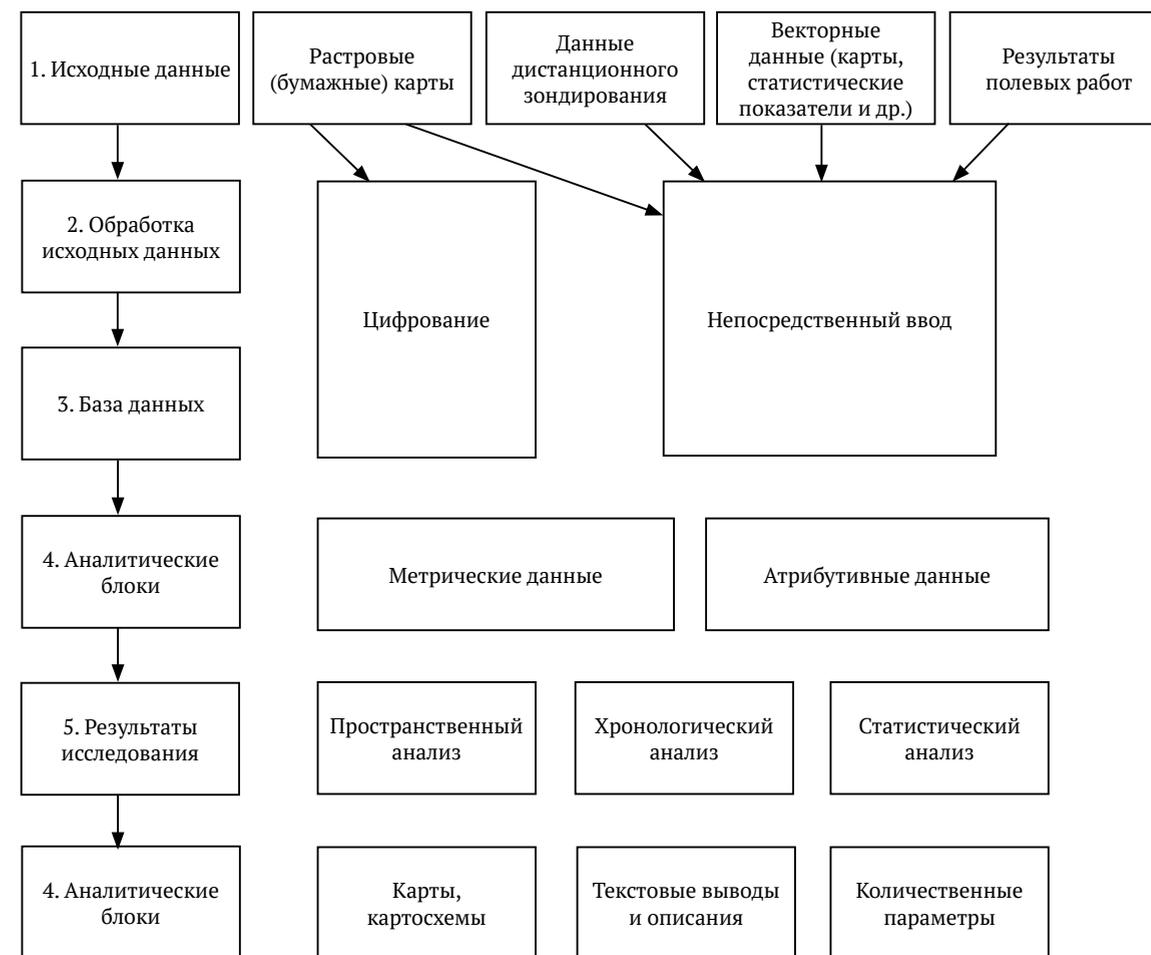


Рис. 1. Структурно-функциональная схема ГИС

Основные исходные материалы исследовательской ГИС «Каргополье» включают:

1. статистические данные, начиная с XVI в.;
2. регулярные статистические данные с конца XVII в.;
3. современные и исторические картографические материалы;
4. МДЗ;
5. схемы сельского расселения по традиционным волостям и округам Каргопольского уезда<sup>105</sup>;
6. литературные и фондовые материалы:
  - экспликация сельскохозяйственных земель Каргопольского района (1980 г.);
  - материалы по физико-географическому, ботаническому, агроприродному районированию;
  - геологические, геоморфологические и почвенные карты с описанием территории;
  - археологические и исторические материалы.

Слои ГИС сформированы на двух уровнях — региональном и локальном. Региональный уровень включает полностью Каргопольский уезд и прилегающие территории, связанные с ним традиционными экономико-культурными связями. Локальный уровень относится к отдельным сельским поселениям, традиционным волостям и округам Каргопольского уезда.

Список основных информационных групп слоев ГИС включает:

#### **I. Региональный уровень.**

*Растровые слои исходных данных:*

- МДЗ;
- топографические карты;
- схемы генерального межевания масштаба 1:84000, 1889 г.;
- карта Каргопольского уезда Олонецкой губернии 1899 г.

*Векторные слои исходных данных:*

- карты поселений Каргопольского уезда (XVI, XVIII–XX вв.);
- карты сельскохозяйственных угодий региона (XVIII–XX вв.);
- схемы административного деления Каргопольского уезда по волостям и округам (XVIII–XX вв.);
- топографическая основа (XVIII–XX вв.).

*Векторные слои с результатами анализа данных:*

- ландшафтная карта Каргополья;

<sup>105</sup> Об этом см.: Тормосова Н. И. Каргополье: история исчезнувших волостей. — Каргополь: Правда Севера, 2011. — (Серия «Мы родом из деревни»).

- освоение земель в разные исторические эпохи;
- агроландшафтная карта Каргопольского района;
- тематические карты анализа систем расселения Каргопольского района.

#### **II. Локальный уровень.**

*Растровые слои исходных данных:*

- Карты-схемы поселений сельского расселения по традиционным волостям и округам Каргопольского уезда, включая базы данных по каждой деревне.

*Векторные слои исходных данных:*

- поселения по традиционным волостям и округам Каргопольского уезда (конец XVI в.);
- поселения по традиционным волостям и округам Каргопольского уезда (конец XVIII в.);
- поселения по традиционным волостям и округам Каргопольского уезда (конец XIX в.);
- поселения по традиционным волостям и округам Каргопольского уезда (конец XX в.).

*Векторные слои с результатами анализа данных:*

- тематические карты изменения системы расселения по традиционным волостям и округам Каргопольского уезда.

#### **2. ГИС анализ историко-культурного ландшафта «Каргополье».**

В качестве объекта исследований первого (регионального) уровня рассматривалась вся территория исследований — Каргополье. Это традиционный сельскохозяйственный район, сформировавшийся здесь историко-культурный ландшафт — сельский ландшафт, поэтому наше исследование включало анализ системы сельского расселения. Система сельского расселения является важнейшей частью истории крестьянства. Во всех случаях система расселения — это «материальное оформление» исторического культурного ландшафта. Ее главный элемент — традиционная волость в понимании «округа деревень».

Существуют два значения термина «волость»: 1) как административная единица, изменявшая свои границы и названия на протяжении исторического периода; 2) как устойчивая форма территориальной организации деревень, которая сформировалась в ходе естественного развития; сообщество поселений или

традиционная волость<sup>106</sup>. Традиционная каргопольская волость как естественная форма организации сельской общины сложилась на территории Поонежья к концу XV в. Несмотря на внешние административные преобразования, начавшиеся на рубеже XVIII–XIX вв., она сохраняла свою внутреннюю пространственную организацию до середины XX в. Это постоянная система деревень с центром — погостом, сельхозугодиями, сетью проселочных дорог, сложившейся топонимикой, совокупностью местных праздников и т. д. Каждой волости принадлежала определенная территория: леса, поля, луга, покосы. Местное население отчетливо осознавало территориальные границы между отдельными волостями. Даже когда традиционная волость теряла статус административной, получая различные названия на официальном уровне, для жителей она продолжала оставаться «волостью». Термин «волость» употреблялся для обозначения «своей территории» практически до конца XX в. Таким образом, традиционная каргопольская волость — это устойчивое территориальное образование. Это ее главное отличие от административной волости, появившейся в начале XIX в. и постоянно менявшей свои границы.

Анализ природных и социально-экономических факторов самоорганизации системы сельского расселения как каркаса историко-культурного ландшафта Каргополя выявил значение различных факторов в формировании и эволюции структуры исторического культурного ландшафта, материальной основой которого является агроландшафт, а основным занятием населения — земледелие. С этой точки зрения Каргополье является уникальным регионом Русского Севера (рис. 2), который изначально формировался как аграрный регион, несмотря на суровые климатические условия (среднегодовая температура в XX в. — плюс 1,5°C).

Этот уникальный агроландшафт сформировался благодаря специфическим геолого-геоморфологическим условиям: возвышенному карбонатовому известняковому плато, перекрытому маломощными рыхлыми четвертичными отложениями. Наличие близко залегающих известняков обеспечило формирование хорошо

<sup>106</sup> К настоящему времени оба значения термина волость трансформировались. Слово «волость» в значении «сельская административная единица» уже с середины XX в. заменил термин «сельсовет». Возможно, что в связи с последними реформами местного управления мы станем свидетелями исчезновения и термина «сельсовет». Слово «волость» для обозначения конкретной сельской территории, объединяющей определенное число деревень, также перестало использоваться, а его синонимами выступают термины «куст деревень», «округа», «село» и даже просто «деревня».

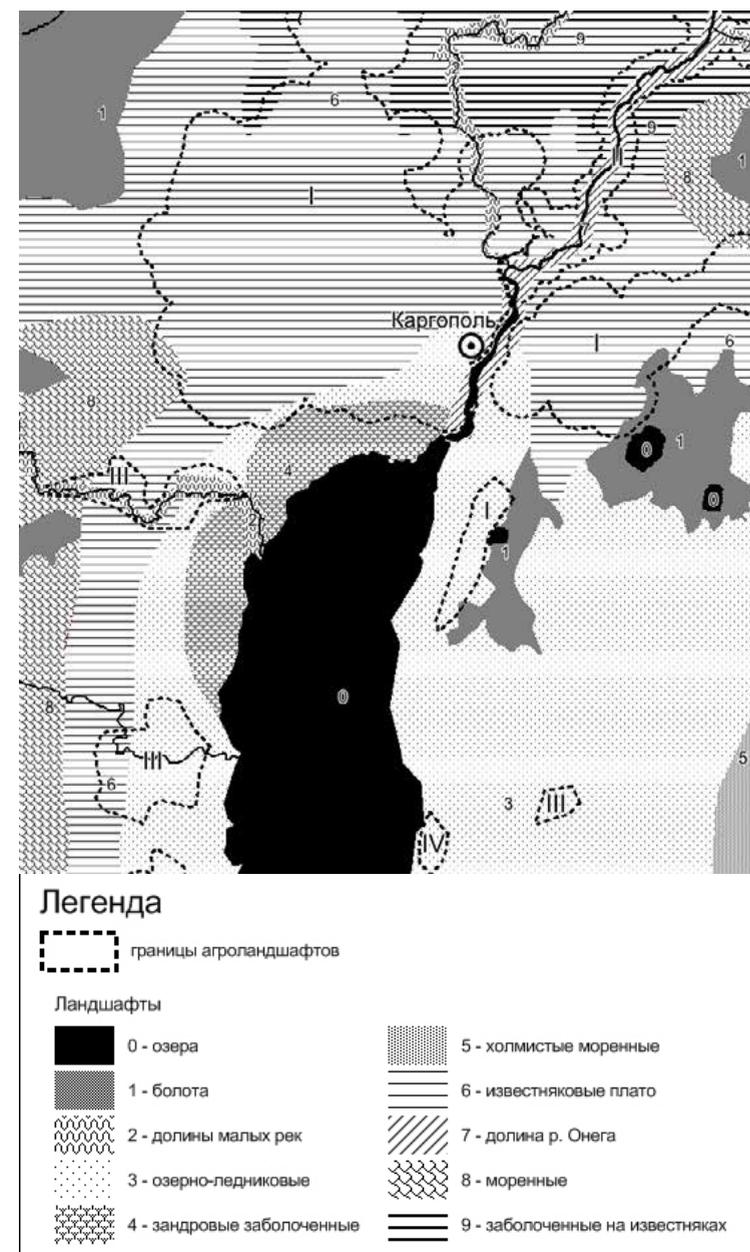


Рис. 2. Типы агроландшафтов: I — водораздельный (сушь), II — поречье, III — приречно-озерный тип, IV — поозерье.

дренированных и аномально плодородных для этих широт плодородных почв.

Кроме него в Каргополье сформировались агроландшафты еще 3 типов: поречье, приречно-озерный тип и поозерье. Каждый из них характеризуется своей структурой хозяйства и системой сельского расселения. В условиях избыточного увлажнения среднетаежной подзоны карстовые депрессии, широко развитые на известняковом плато, как правило, заняты небольшими озерами, к которым естественным образом тяготеют сельские поселения, поскольку на плато мало других источников воды. Тем самым эти депрессии оказались в центре соответствующих элементарных агрогеосистем. Однородные природные условия, плоский фоновый рельеф, хорошие условия дренирования обусловили формирование здесь изолированных элементарных агрогеосистем, форма которых часто приближается к почти правильному кругу. Этот пространственный тип элементарной агрогеосистемы сохранился без изменений практически до конца XX в.

Следующим по значимости агроландшафтом со специфическим видом расселения в Каргополье является поречье. Поречья — это целостные агрогеосистемы, сформировавшиеся в долинах рек, окруженные лесными междуречными ландшафтами. Поречья более характерны для восточной части лесной зоны Восточно-Европейской равнины, на территории, не затронутой Московским и Валдайским оледенениями. За время этих оледенений там формировались речные долины с серией террас. В результате на востоке лесной зоны Восточно-Европейской равнины широко распространены агроландшафты поречий, занимающие хорошо дренированные долины малых, средних и крупных рек с лучшими условиями для земледелия, чем на водоразделах. В западной части лесной зоны Восточно-Европейской равнины долины малых и даже средних рек молодые, как правило, слабо разработанные и плохо дренированные, поэтому агроландшафты поречий возникают лишь в долинах немногих, в основном крупных рек с унаследованными, хорошо выраженными долинами. К таким поречьям относится Онежское поречье, второй после Каргопольской суши агроландшафт региона, и небольшое поречье р. Чурьеги.

Третий и четвертый типы агроландшафта — приречно-озерный и поозерный — связаны с широко распространенными в зоне Валдайского, реже — Московского оледенений ландшафтами, сформировавшимися в лимногляциальных котловинах с крупными

озерами в центре. К таким поозерьям относятся, например, Ильменское поозерье, Белоозерское поозерье, поозерье озера Неро и другие. Для собственно поозерья, то есть агроландшафта, сформировавшегося на плодородных почвах на лимногляциальных иловато-глинистых отложениях вокруг озера Лаче почти нет места. Его берега слишком заболочены. Небольшой фрагмент собственно поозерья сформировался только на юго-восточном побережье озера Лаче (волость Нокола). Остальные агроландшафты, связанные с озером Лаче, относятся к своеобразному комбинированному приречно-озерному типу (рис. 2). Для него характерно расселение вдоль мелких рек, впадающих в озеро на некотором расстоянии от их устья. Такое расселение связано с тем, что на данном расстоянии от озера заканчивается пояс болот, в то же время реки — связующее звено с озером, источником рыбы для населения.

Если природные факторы определяют агроландшафтную приуроченность поселений, то социально-экономические факторы отчетливо проявляются при анализе плотности расселения. В частности, для Каргополья, большую часть которого занимает однородная по природным условиям Каргопольская сушь, хорошо заметна структура «центр — периферия»<sup>107</sup>.

Для анализа плотности системы сельского расселения был использован, в частности, коэффициент заселенности (рис. 3А). Он представляет собой соотношение плотности поселений жилой и общей части для каждой анализируемой волости. Для анализа была использована система расселения исторически сложившихся волостей, зафиксированная в материалах Генерального межевания (конец XVIII в.). Для каждой волости была рассчитана общая плотность поселений (отношение числа поселений в волости к ее общей площади) (рис. 3Б) и жилая плотность поселений (отношение числа поселений данной волости к минимальной площади, включающей все поселения волости — с помощью ГИС-операции 'Convex hull', «выпуклая оболочка»). Коэффициент заселенности был рассчитан как отношение жилой плотности поселений к общей плотности поселений. Из 19 волостей, которые были включены в рамки анализа, минимальный коэффициент заселенности оказался равным 0,001 (Речно-

<sup>107</sup> Каганский В. Л. Центр - провинция - периферия - граница: Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. — М.: Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. — URL: <http://reftrend.ru/198197.html> (время обращения: 25.11.2015).

Георгиевская волость), максимальный — 0,57 (Павловская волость). При этом среднее значение коэффициента заселенности равно 0,18. На основании анализа картограмм распределения исторических волостей Каргополя по общей плотности поселений и коэффициенту заселенности были выделены 4 зоны по степени убывания показателя. Анализ картограмм волостей по этим двум показателям позволяет более достоверно судить об освоении территорий, так как соотношение заселенной и общей

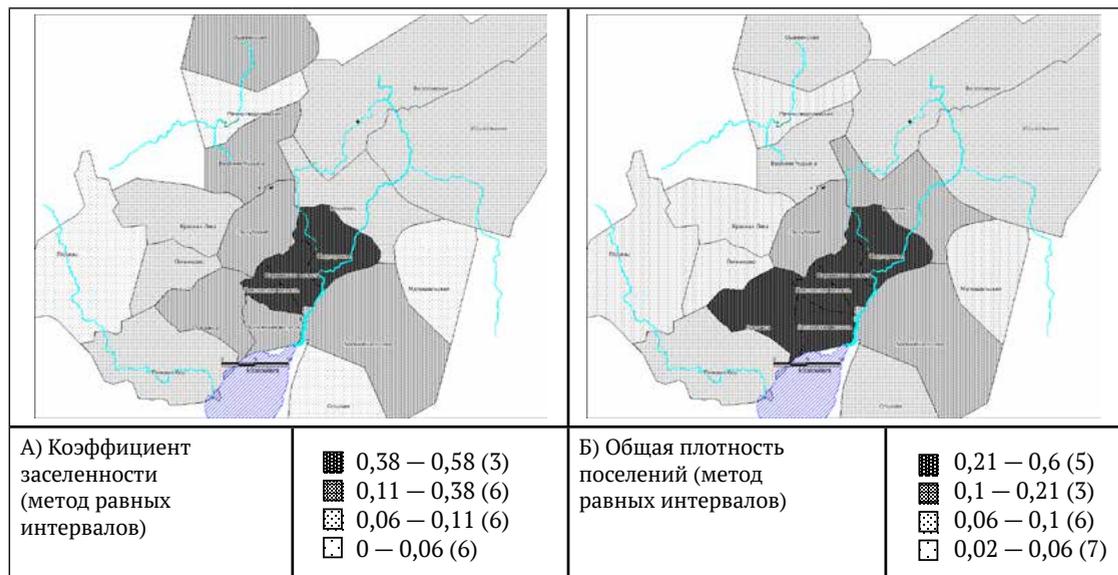


Рис. 3. Распределение исторических волостей Каргополя по заселенности

площади позволяет уточнить характер освоения территории, степень его очаговости.

Анализ картограмм показывает, что существует историческая область интенсивного освоения территории (центр), совпадающая с 3 волостями Окологорода и Надпорожьем, окружающими Каргополь со стороны Каргопольской суши. При этом Надпорожье, Павловская и Саунинская волости попадают в верхний диапазон значений на всех без исключения картограммах, т. е. они плотно и достаточно равномерно заселены. В то время как Волковская волость Окологорода характеризуется максимальной

плотностью поселений (0,6), но более низким значением коэффициента заселенности (0,4), поэтому она не попадает в верхний диапазон на картограмме распределения волостей по коэффициенту заселенности методом естественных интервалов<sup>108</sup>.

Напротив, периферийные волости, в первую очередь Малошальская, Речно-Георгиевская и Лядины, попадают в минимальный диапазон на всех картограммах, т. е. характеризуются низкой плотностью поселений в сочетании с ярко выраженной очаговостью.

Между этими крайними позициями (центр и периферия) расположены зоны хорошей и средней освоенности. Зона хорошей освоенности включает все волости, примыкающие к Окологороду, а именно: волости Ловзанга, Полуборье, Ольховец и Большешальская. Они характеризуются значениями выше среднего на большинстве картограмм.

Остальные волости, такие как Верхняя Чурьега, Волосовская, Устьвольская, Ольская, Лекшмо-бор, Печниково и Красная Ляга, характеризуются средней степенью освоенности. Особняком стоит Ошевенская волость (общая плотность поселений 0,06, коэффициент заселенности 0,27). Она характеризуется периферийным расположением, однако при сравнительно низкой плотности поселений эта волость отличается достаточно равномерным освоением с показателем коэффициента заселенности выше среднего.

Анализ показывает, что первая зона интенсивного освоения вытянута в северо-северо-восточном направлении и распространяется вдоль р. Онеги до Онежских порогов. Таким образом, здесь к системе «центр – периферия» (центр вокруг Каргополя) прибавляется влияние р. Онеги как основного транспортного и хозяйственного объекта. Однако следующая за ней зона хорошего освоения скорее позиционируется по отношению к близости к центру региона — Каргополю. Она не имеет сколько-нибудь выраженного преобладающего направления развития. Тем не менее, зона среднего освоения снова вытянута вдоль р. Онеги по ее обоим берегам, но, кроме того, охватывает зоны более интенсивного освоения со всех сторон. Периферия региона занята фрагментарной зоной слабого освоения.

<sup>108</sup> Оценка параметров проводилась двумя различными методами (из 6 предлагаемых ГИС), а именно — равных интервалов и естественных диапазонов.

Анализ ландшафтной карты региона и характера заселенности дополнительно показывает, что освоение Каргополя тесно связано с его природными условиями, а именно — известняковым плато с дерново-карбонатными глинисто-суглинистыми почвами. К этому плато приурочены зоны интенсивного и хорошего освоения, лишь на востоке в Большешальской области четвертичный чехол увеличивается и здесь образовался моренный ландшафт на известняковом пластовом основании. Приуроченность плато преимущественно к левому берегу реки Онеги обуславливает развитие Каргополя на запад в большей степени, чем на восток. Характерно, что Волковская волость и волость Ловзанга, расположенные вблизи Каргополя, что увеличивает социально-экономический потенциал их освоения, тем не менее, характеризуются средними показателями по коэффициенту заселенности, что говорит о выборочности, очаговости их системы расселения. Дело в том, что обе эти волости расположены преимущественно не на известняковом плато, а на участке менее дренированной зандровой равнины с легкими, не очень плодородными подзолистыми почвами.

Таким образом, ГИС-анализ исторической системы расселения Каргополя показал, что в условиях однородных природных условиях (известняковой плато) она подчиняется распределению согласно модели «центр – периферия». Изменения природных условий вносят свои коррективы в это распределение: наличие мощной водной артерии (р. Онега) определяет вытягивание зоны освоения вдоль долины, напротив, в условиях зандрового ландшафта, даже вблизи центра расселения, Каргополя, плотность и равномерность поселений резко падает.

### **3. Количественный ГИС-анализ агроландшафта Каргопольской суши.**

В настоящее время развивается новое направление в количественном анализе пространственной организации геосистем — математическая морфология ландшафта (А. С. Викторов)<sup>109</sup>. Основным понятием (ядром) математической морфологии ландшафта является понятие математической модели ландшафтного рисунка природного ландшафта. Математическая модель ландшафтного рисунка представляет собой совокупность математических уравнений, описывающих главные особенности строения и развития морфологических структур природных ландшафтов. Модели строятся на основе теории

<sup>109</sup> Викторов А. С. Основные проблемы математической морфологии ландшафта. — М.: Наука, 2006. — 252 с.

случайных процессов как наиболее отвечающей стохастической природе процесса формирования ландшафтных рисунков<sup>110</sup>.

До сих пор это направление рассматривало только природные ландшафты. Тем не менее, мы предположили, что поскольку в изучаемых нами агроландшафтах природные ограничения проявляются именно в выборочности сельскохозяйственных угодий, т. е. особенностях их пространственной организации, то можно попытаться использовать модели математической морфологии соответствующих природных ландшафтов для количественного анализа пространственной организации (рисунка) агроландшафта. В качестве такого типа территорий лучше всего подходят известняковые плато с развитием карстовых депрессий, каким является исследуемая нами «Каргопольская сушь». В условиях избыточного увлажнения депрессии, как правило, заняты небольшими озерцами, к которым естественным образом тяготеют сельские поселения, и тем самым карстовые депрессии, то есть очаги диффузного экзогенного процесса (по терминологии А. С. Викторова), оказались в центре соответствующих элементарных агрогеосистем. Однородные природные условия, плоский фоновый рельеф, хорошие условия дренирования обусловили изначально формирование здесь изолированных элементарных агрогеосистем, форма которых приближается к почти правильному кругу.

Данный тип агроландшафта представляется как эталонный для оценки возможностей количественного анализа и адаптации математических моделей ландшафтного рисунка. Чтобы доказать применимость данного подхода была выдвинута следующая гипотеза: центрами элементарных агрогеосистем являются сельские поселения. Поскольку сельские поселения приурочены к озерам, т. е. очагам карстового процесса, то расположение как их самих, так и окружающих их агрогеосистем контролируется расположением очагов карстового процесса. (Закономерности пространственной организации очагов карстового процесса описаны в модели А. С. Викторова.) Следовательно, закономерности распределения сельских поселений и центров элементарных агрогеосистем также должны подчиняться данной модели.

Эта гипотеза была проверена эмпирически. Были получены данные по распределению как центров агрогеосистем, так и населенных пунктов, и сравнены с предсказываемыми моделью. Эмпирический анализ показал, что и центры элементарных агрогеосистем,

<sup>110</sup> Там же.

и центры поселений порознь распределены по площади по закону Пуассона, как это и предсказано моделью. В то же время было математически показано, что они связаны, так как если бы это были независимые величины, то расстояние между ними между собой (т. е. между центрами населенных пунктов и центрами агрогеосистем) подчинялось бы распределению Рэлея, чего в действительности нет. Таким образом, был доказан случайный характер распределения в системе сельского расселения Каргопольской суши в соответствии с моделью морфологической структуры равнин с господством просадочно-суффозионных и карстовых процессов А. С. Викторова.

\*\*\*

Качественный и количественный ГИС-анализ природных и социально-экономических факторов самоорганизации системы сельского расселения как каркаса историко-культурного ландшафта Каргополья, выявил несколько исторически сформировавшихся систем сельского расселения, включая водораздельный тип, поречье, поозерье и приречно-озерный тип. В значительной мере характер этих систем определяется природными условиями территории: геолого-геоморфологическими, почвенными и другими; влияние социально-экономических факторов, в свою очередь, проявилось в формировании на территории Каргопольской суши системы «центр-периферия».

*М. И. Мильчик (г. Санкт-Петербург)*

### **3.2. Иконы Преподобного Александра Ошевенского XVIII–XIX веков: Преемственность в развитии архитектурного образа основанного им монастыря**

В «северных письмах» мне известны всего три сюжета, где наряду с преподобными подробно изображены сначала деревянные монастырские ансамбли (это по преимуществу иконы XVII–нач. XVIII вв.), а затем сменившие их каменные: это иконы основателей Александр-Ошевенского, Нило-Столбенского и

Антония Дымского монастырей<sup>111</sup>. Причем на некоторых образ монастыря занимает столь значительное место, что и сами иконы иногда именуется как «Обитель преподобного». Однако даже среди них иконы с преп. Александром Ошевенским, бесспорно, занимают первое место, потому что на многих из них с исключительной подробностью, тщательностью и достоверностью представлен архитектурный ансамбль монастыря, и не только он сам, но и его местоположение. Отмеченное обстоятельство и побудило меня в свое время сосредоточить особое внимание именно на анализе изображения в иконах этого, уже давно не существующего деревянного монастыря; что позволило разработать вместе с Ю. С. Ушаковым его графические реконструкции<sup>112</sup>. Теперь же, анализируя поздние иконы, по преимуществу XIX в., появляется возможность сопоставить изображенный на них уже каменный ансамбль с дошедшим до нашего времени монастырским комплексом.

Почти все деревянные строения монастыря просуществовали до 6 мая 1706 г., когда монастырь почти целиком сгорел от молнии (уцелели лишь игуменская келья и часть ограды с запад-

<sup>111</sup> По первой группе икон см.: *Смирнова Э. С.* Житийная икона Александра Ошевенского из Кеми // ТОДРЛ. Т. XXII: Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. — М.-Л., 1966. — С. 327–334; *Мильчик М. И.* Северный деревянный монастырь на иконах XVII–XIX вв. // ПКНО. 1978. — Л., 1979. — С. 333–346; *Мильчик М. И., Ушаков Ю. С.* Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. — Л., 1981. — С. 86–92. По второй группе икон см.: *Лихачев Д. С.* «Нил Столобенский в житии» самого начала XVIII в. с изображением Ниловой пустыни // ПКНО. 1981. — Л., 1983. — С. 245–254; *Полякова О. А.* Иконы с изображением Ниловой пустыни из собрания музея «Коломенское» // ПКНО. 1989. — М., 1990. — С. 219–228; *Морозова З. П.* Архитектурный ансамбль Нило-Столбенской пустыни в конце XVII–XVIII веках на иконах собрания ГИМ // Труды ГИМ. — Вып. 79. Из истории русской изобразительной культуры XVIII–XX вв. — М., 1991. — С. 3–14; *Мильчик М. И.* Островные монастыри Русского Севера в иконографии XVI–начала XVIII вв. // Святыне и святыни северорусских земель. — Каргополь, 2002. — С. 114–116. По третьей группе икон см.: *Мильчик М. И., Варакин Е. П.* Иконография Антониево-Дымского монастыря // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры северной Руси, посвященные памяти художника-реставратора Николая Васильевича Перцева. — Архангельск, 1992. — С. 137–154; *Мильчик М. И., Варакин Е. П.* Иконография деревянного Антониево-Дымского монастыря и его графическая реконструкция // Народное зодчество : Сб. науч. трудов [Петрозаводского гос. университета]. — Петрозаводск, 1992. — С. 141–154.

<sup>112</sup> *Мильчик М. И.* Северный деревянный монастырь...; *Мильчик М. И., Ушаков Ю. С.* Деревянная архитектура Русского Севера... С. 86–92; *Мильчик М. И.* Александр-Ошевенский монастырь и его роль в архитектурно-пространственной структуре волости // Каргополь: историко-культурное наследие. Материалы науч.-практ. конф., посв. 850-летию Каргополя. — Каргополь, 1996. — С. 93–110.

ной стороны), после чего там стали возводить главным образом каменные постройки<sup>113</sup>.

В следующем, 1707 г., был заложен каменный двухэтажный Успенский собор (главный престол освящен в 1734 г.) с южным приделом «над гробом» во имя преп. Александра Ошевенского (освящен в 1712 г.) и северным во имя преп. Кирилла Белозерского (освящен в 1714 г.). (Строительство второго этажа и пятиглавого завершения было закончено только в 1758 г.; перед входом в собор в 1774 г. была построена небольшая паперть и над ней — каменная же колокольня, позднее завершенная деревянным шатром.) Южнее — новая деревянная пятиглавая Никольская церковь с трапезной

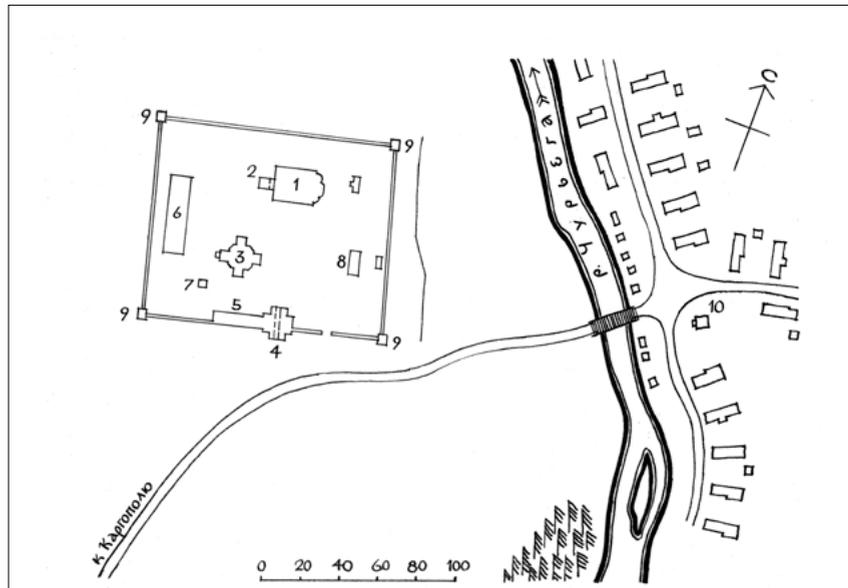


Рис. 1. Александро-Ошевенский монастырь в XVIII–XIX вв. Схематический план. Обмер Ю.С. Ушакова 1975 г.

1 — Успенский собор (1707–1758 гг.); 2 — колокольня (1774 г.); 3 — деревянная Покровская церковь (на месте Никольской); 4 — Святые ворота (1830–1836 гг.); 5 — братская трапезная (пер. пол. XIX в.); 6 — братские кельи (1823 г.); 7 — колодец; 8 — настоятельская келья (1838 г.); 9 — стены и башни (1830 г.); 10 — Никольская часовня у моста (XIX в.)

<sup>113</sup> Амвросий. История российской иерархии. Т. V. — М., 1813. — С. 424. См. также: Архив СПб. ИИ РАН. Кол. 115. Д. 41 (Копии грамот Александро-Ошевенскому монастырю). Л. 32 об.

(освящена в 1709 г.); к западу от Успенского собора — двухэтажные настоятельские кельи (1752 г.) и вокруг монастыря восстановленная в 1771–1772 гг. деревянная ограда с наугольными башнями и тремя воротами<sup>114</sup>.

Вот как описан монастырь в переписной книге Каргополя и уезда 1712–1713 гг.: «...в том монастыре две церкви, одна деревянная с трапезною Николая Чюдотворца, другая не достроена же, каменная, в той церкви вновь три службы: одна Успения пречистыя Богородицы, вторая преподобного Кирилла Белозерского чюдотворца, обе не освящены, третья преподобного Александра Ошевенского каргопольского чюдотворца, освящена. Кругом того монастыря ограда деревянная, у той ограды четыре башни небольших; в тое ограде девять келей деревянных, да келья больнишная, да две кельм, одна хлебная, другая поваренная. И всего двенатцать келий...»<sup>115</sup>. Наконец, кирпичная ограда вместе со Святыми воротами и надвратной церковью во имя святителя Николая (освящена в 1834 г.) были построены в 1828–1831 гг.<sup>116</sup> (рис. 1).

Тем не менее, в XVIII в. и даже в начале XIX в. иконописцы, писавшие образ преподобного с монастырем, продолжали ориентироваться на прежние образцы, не стремясь отразить складывавшийся новый облик монастыря. Это относится к трем поздним памятникам с изображением деревянного монастыря — иконам, созданным через много лет после пожара. Первая икона хранится в Карельском музее изобразительных искусств (рис. 2, 3)<sup>117</sup>, вторая — в Архангельском областном краеведческом музее (рис. 4)<sup>118</sup> и третья — в музее-заповеднике «Коломенское» (рис. 5)<sup>119</sup>. На второй иконе показана

<sup>114</sup> Амвросий. История Российской иерархии... С.424–425; ГИМ ОПИ. Ф.450. Д.698 (Сведения о приходах каргопольских, 1831–1851 гг.). Л. 183 об. — 184 об.; Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.41 (копии грамот Александро-Ошевенскому монастырю). Л.32 об. — 33; ГААО. Ф.1514. Оп.1, Д.127 (Краткая историческая справка Александро-Ошевенского монастыря, 1839 г.). Л.82 об. — 84 об.

<sup>115</sup> РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.1346. Л. 209 об. — 210.

<sup>116</sup> ГИМ. ОПИ. Ф. 450. Д. 698. Л. 184 об.; См. также: ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 127. Л. 84 об.; Д. 222. Л. 4об.

<sup>117</sup> КМИИ, инв. № И-1448. Размер 25 x 31. 1 пол. XVIII в. (датировка предварительная). Ковчег мелкий. Две шпонки врезные, встречные. Подпись: «Преподобный Александр Ошевенский». Икона под записью. Пробное раскрытие выполнено Н.В. Перцевым. Публикуется впервые.

<sup>118</sup> АОКМ, инв. № 14559. Размер 42 x 55. 2 четв. XIX в. Доска цельная, с двумя сквозными шпонками. Ковчег. Происходит из д. Чаженъга Плесецкого района Архангельской обл. См.: Святые Каргопольской земли... Кат. 8.

<sup>119</sup> ГМЗК, инв. № Ж-107. Размер 33 x 30,5. Нач. XVIII в. Опубл.: Полякова О.А. Архитектура России в ее иконе: города, монастыри и церкви XVI–XIX вв. из собрания музея-заповедника «Коломенское». — М., 2006. — С.132–135, 246.

кирпичная кладка стен и башен, но еще деревянные Святые ворота. Характерно, что копируя «образец», иконописец повторил конфигурацию прежней, деревянной ограды, «заменял» дымоходы на кирпичные трубы, показал две шатровые церкви и колокольню между ними, но оказался уже не в состоянии правильно передать систему бочек и кокошников на храмах. На обеих иконах по-прежнему обозначены характерные признаки местоположения монастыря: река, мост через нее (у него есть даже перила), предмостная часовня (на иконе АОКМ), хозяйственные постройки за монастырскими стенами и даже некоторые признаки ландшафта. Правда, на первой иконе иконописец, показал Святые ворота со стороны реки, совместив, таким образом, две точки восприятия монастырского ансамбля.

Икона из музея-заповедника «Коломенское» отличается от других икон обобщенно-условным изображением монастырского ансамбля. Храмы выделены лишь своими шатрами, увенчанными главками. Даже колокольня показана без яруса звона и колоколов, а стену ограды пререзают высокие прямоугольные и круглые окна, к тому же их украшает орнамент, а сама же ограда в правой части разомкнута и как бы продолжается за пределы иконной доски. Надстройка над Святыми воротами имеет надвратную церковь.

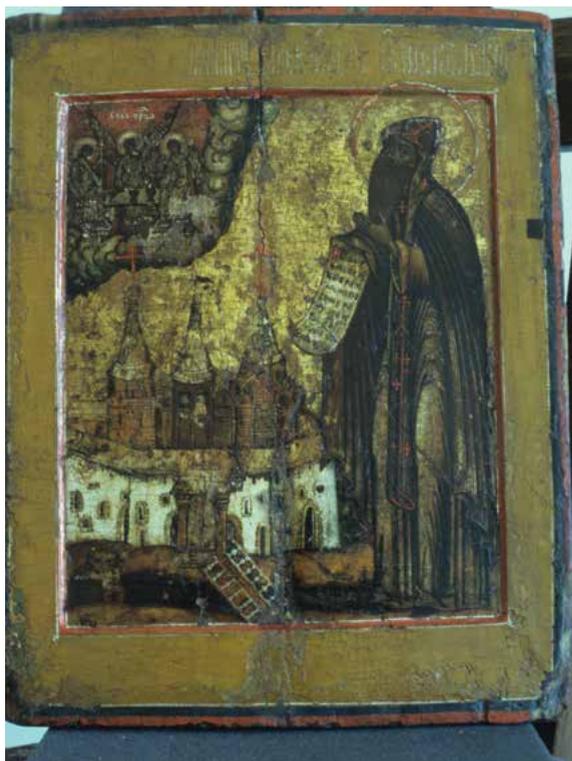


Рис. 2. Преп. Александр Ошевенский с деревянным монастырем. Икона первой половины XVIII в. (датировка предварительная). В процессе реставрации. 1-ый извод. КМИИ

Рис. 3. Александр-Ошевенский деревянный монастырь. Изображение ориентировано на р. Чурьегу (северо-восточная сторона восприятия). Фрагмент иконы первой половины XVIII в. В процессе реставрации. КМИИ



Рис. 5. Преп. Александр Ошевенский с деревянным монастырем. Икона начала XVIII в. 1-ый извод. ГМЗК

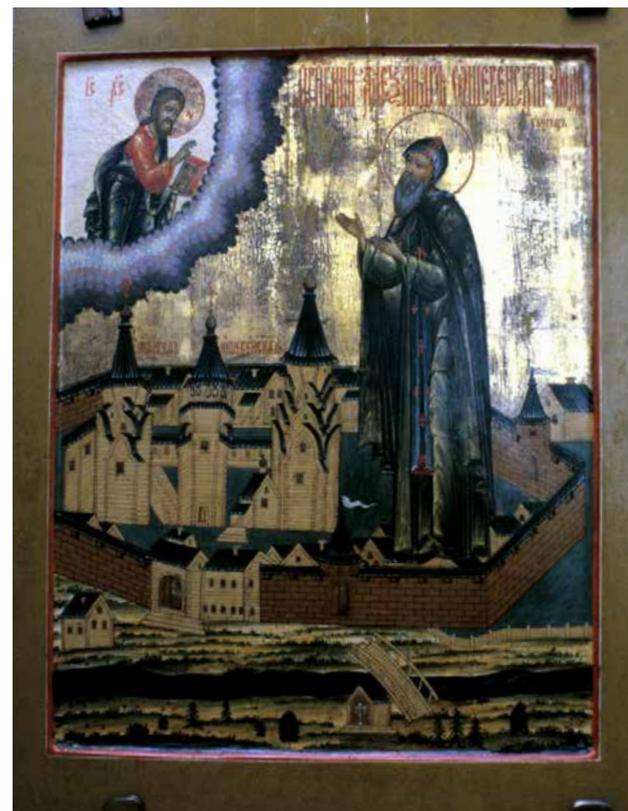
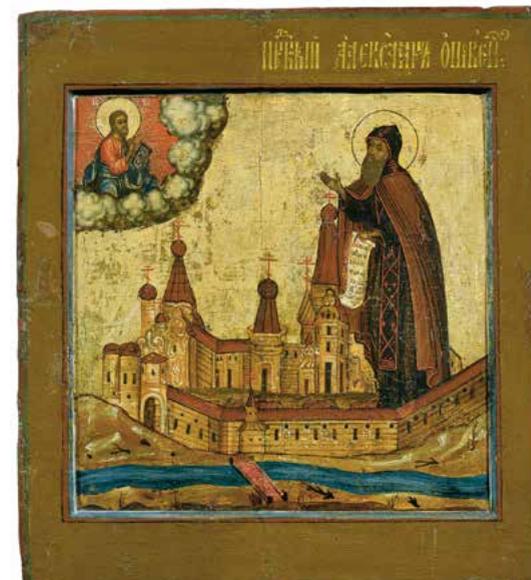


Рис. 4. Преп. Александр Ошевенский с деревянным монастырем. Икона второй четверти XIX в. 1-ый извод. АОКМ



Рис. 6. Преп. Александр Ошевенский с каменно-деревянным монастырем. Икона пер. пол. XIX в. ГМИР

Рядом с Успенской церковью возвышается столпообразный храм, в действительности никогда не существовавший (малая же главка, скорее всего, обозначает придел преп. Кирилла Белозерского). Скорее всего, иконописец копировал другую икону этого извода или использовал прорись, повторив лишь общую композицию оригинала.

Четвертая икона, хранящаяся в музее истории религии (рис. 6)<sup>120</sup> и относящаяся уже к первой половине XIX в., как бы фиксирует момент перехода от деревянного к каменному монастырю. Она повторяет многие признаки основного извода уже знакомой нам иконографии монастыря: он изображен с восточной стороны, от реки; показаны мост через нее, предмостная часовня. Ограда по-прежнему деревянная, многоугольная в плане (кирпичные стены и башни были построены в 1830 г.). Справа — белокаменный Успенский собор, восьмерик которого увенчан пятью маленькими главками: тут иконописец явно не справился с передачей пропорций. За ним — каменная же колокольня, но завершающаяся деревянным ярусом звона и шпилем. Слева — деревянная Никольская церковь, отстроенная первой после пожара. Она крыта бочкой с пятью еле заметными главками<sup>121</sup>. Остается не вполне ясным, как они

<sup>120</sup> ГМИР, инв.№ Б-5006-IV. Размер 34,5 x 29,1. 1 пол. XIX в. На обороте надпись, сделанная чернилами, «1845 годъ». Доска цельная с врезными шпонками, расположенными сверху и внизу. Ковчег отсутствует. Происхождение неизвестно. Подпись над головой святого: «Образ преподнаго Александра игумена Ошевенскаго Каргополскаго чудотворца». Благодарю за помощь в изучении этой иконы хранителя отдела иконописи О.А. Коробко.

<sup>121</sup> Изображенный на иконе четвериковый церковный сруб, крытый продольной бочкой, имеет прямые аналоги: это Благовещенская церковь 1719–1725 гг. в Емецкой пустыни (ныне д. Пустынька на р. Онеге) и ряд других. См. подробнее: Бодэ А. Б., Терентьева А. А. Благовещенская церковь в деревне Пустынька: история, архитектура, характерные особенности // АН. Вып.57. — М., 2012. — С.101–114.



Рис.7. Преп. Александр Ошевенский с каменным монастырем. 1-ый извод. Икона середины XIX в. КГИАХМ



Рис.8. Преп. Александр Ошевенский с каменным монастырем. 1-ый извод. Икона второй половины XIX в. Дер. Низ Ошевенской волости. В частном владении.

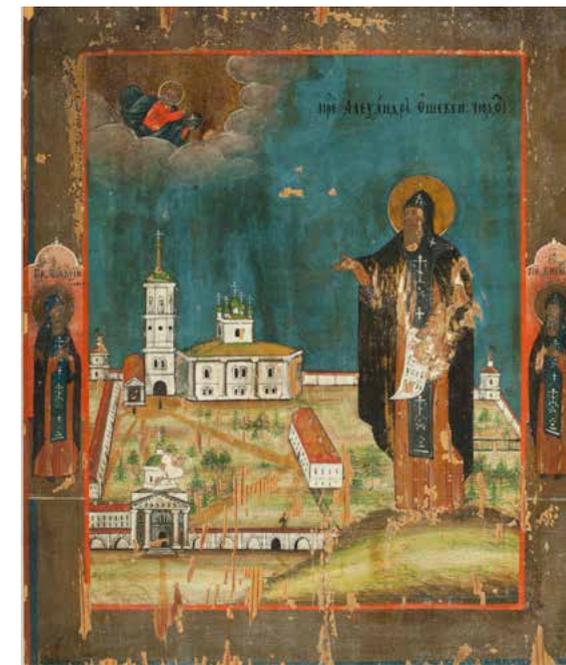


Рис.9. Преп. Александр Ошевенский с каменным монастырем. 1-ый извод. Икона первой половины XIX в. (1845 г.?). ГМИР.

располагались на бочечном покрытии. Деревянные же Святые ворота увенчаны шпилем. Здесь, в отличие от более ранних икон, иконописец старается придерживаться одной точки зрения на монастырь — с северо-востока, со стороны Чурьеги. Скорее всего, эта икона была написана незадолго до начала строительства каменной ограды, то есть в 1820-х гг. Надпись же на обратной стороне «1845 годъ» не обязательно фиксирует год создания этой иконы, которая стала последним и уже далеким «воспоминанием» о деревянном монастыре.

Следующие три иконы, происходящие из Ошевенской волости, с изображением каменного монастыря (рис. 7,8,9), относятся к середине —

второй половине XIX в.<sup>122</sup>. Они представляют монастырь с юга — со стороны Каргопольской дороги (Ошевенского тракта), в проекции, приближающейся к аксонометрической. Ограда каменная, прямоугольная в плане, каковой она стала в 1830-х гг., ее фасад декорирован полуциркульными нишами. Пятиглавый Успенский собор с высокой ярусной колокольней показан перед северным пряслон. Купольная надвратная церковь и Святые ворота под нею решены в характерных классицистических формах. С запада и востока внутренний двор формируют каменные же келейные корпуса (в запад-

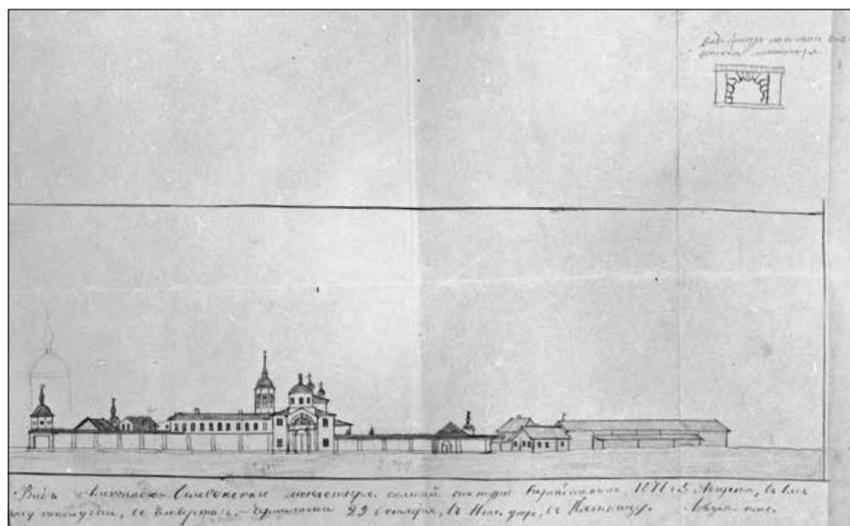


Рис. 10. Александро-Ошевенский монастырь. Вид с юга, со стороны Каргопольской дороги. Рисунок 1871 г. ГИМ. Надпись: «Вид Александро-Ошевенского монастыря снятый с натуры [одно слово неразб.] 1871 года 5 августа в 1-ом часу пополудни в четвертак. Чернилами 29 октября в 11 час. утра, в пятницу».

<sup>122</sup> 1) Преп. Александр Ошевенский с каменным монастырем. КГИАХМ. Инв. № 149 ДЖ. Размер 91 x 70. Без ковчега. Сер. XIX в. Происходит из Георгиевской часовни д. Низ Ошевенской волости; 2) Преп. Александр Ошевенский с каменным монастырем. Частное владение. Размер 57,5 x 45. Происходит из д. Низ с. Ошевенское. 2 пол. XIX в. Без ковчега. Надпись: «Прп. Александръ Ошевенскій». Фрагмент иконы опубликован: Пигин А. В. Народный культ Александра Ошевенского в Каргополье // Живая старина. — 1998. — №4. — 2 стр. обложки. Благодарю А. В. Пигина за указание местонахождения этой иконы (публикуется впервые); 3) Преп. Александр Ошевенский с каменным монастырем. КГИАХМ. Инв. № 251 ДЖ. Размер 41,5x34. Происходит из Ошевенского. 2 пол. XIX в. Надпись: «Пре д Александръ Ошвен. чудотв». На полях — преподобные Макарий Унженский и Кирилл Челмогорский. Без ковчега. Благодарю главного хранителя музея О. Б. Пригодину за указание этой иконы (публикуется впервые).

ном располагалась трапезная палата). Последние две иконы восходят к одному образцу или прориси. У них совпадает даже такая подробность, как тщательно прорисованная ограда, частично зашлоненная холмом, на котором стоит преподобный. (На самом деле ни в самом монастыре, ни в ближайшей его округе нет и не было никаких всхолмлений.) Таким образом, иконы, следуя в общих чертах сложившейся иконографии Ошевенского монастыря, зафиксировали реально существовавшие тогда и частично дошедшие до нас его основные строения.

Интересно сравнить вторую и третью иконы (последняя происходит непосредственно из Ошевенска), на которых весьма точно изображен каменный монастырь, с выполненным с натуры и по существу с той же точки рисунком 1871 г (рис. 10)<sup>123</sup>. Видно, что иконописец, придерживаясь характерной для поздних панорам точки зрения — с птичьего полета, достоверно передал особенности архитектуры всех монастырских строений: четырехколонного портика Святых врат, колокольни, увенчанной куполом со шпилем и т. д. В этих иконах уже появились явные признаки прямой перспективы и приемы, широко применявшиеся в XIX столетии при создании видовых панорам. Здесь, без сомнения, сказалось влияние гравюрных листов с изображением монастыря<sup>124</sup>, к сожалению, не сохранившихся до нашего времени. Однако существуют по крайней мере две литографии 1834<sup>125</sup> и 1881<sup>126</sup> гг (рис. 11), на которых монастырь представлен почти также, как на иконах. Скорее всего, именно они служили образцами для иконописцев, но все же вопрос о том, какое изображение было первичным для данной редакции иконописной панорамы монастыря, остается открытым.

<sup>123</sup> Рисунок вклеен в рукописное Житие Александра Ошевенского конца XVI в.: ГИМ ОР. Барсов, 783. Л. 221.

<sup>124</sup> Из архивного описания Александро-Ошевенского монастыря известно, что в 1811 г. была исполнена «медная резная доска для выпечатания преподобного Александра с изображением наружного фасада сего монастыря, по которой [...] ныне издается печатные листы» (Архив СПб. ИИ РАН. Кол. 115. Д.41. Л. 37). К сожалению, обнаружить эти гравюры не удалось.

<sup>125</sup> Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. — Петрозаводск, 2009. — С.263. Благодарю И. В. Онучину, указавшую мне на эту публикацию.

<sup>126</sup> Литография «Александр Ошевенский» КГИАХМ. Инв. № 302 ГР. 2 пол. XIX в. Санкт-Петербург. Литография А. Ильина. Размер 18,7x17. Надпись: «Пре д Александръ Ошв. Чуд.». Дата на нижнем поле (1881 г.) означает лишь «дозволено цензурой» печатать данное изображение, а не время его создания. Благодарю главного хранителя музея О. Б. Пригодину за указание этой литографии.

Проведенный анализ позволяет не согласиться с выводом Э. С. Смирновой о том, что изображения монастырей в ряде икон «северных писем» — это «плод творчества художника», что «в них передан не точный вид данного комплекса, а общий образ северного монастыря»<sup>127</sup>. На самом деле они передавали с разной степенью подробности архитектурные типы и своеобразие основных построек, как и главные особенности местоположения. Создавали обобщенный и в тоже время вполне конкретно-узнаваемый образ конкретного монастырского ансамбля. При этом надо иметь в виду, что иконописцы не писали с натуры и потому на иконах не следует искать точной фиксации реального ансамбля. К тому же, как это уже было показано, иконописцы с разной степенью подробностей часто повторяли образцы, не стремясь соотнести их с натурой. Потому-то определить степень достоверности изображения как монастыря

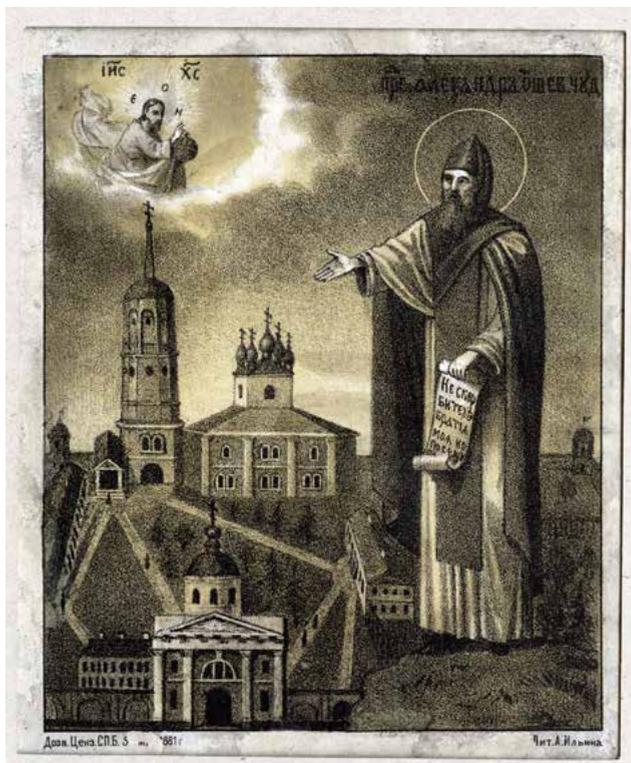


Рис. 11. Преп. Александр Ошевенский с каменным монастырем. Литография второй половины XIX в. (1881 г.). КГИАХМ

<sup>127</sup> Смирнова Э.С. Житийная икона... С. 333.

в целом, так и отдельных храмов, невозможно без привлечения иных источников.

Иконописцы же XIX столетия, продолжая в основном придерживаться сложившейся еще в XVII в. иконографической схемы, стремились, как правило, узнаваемо точно запечатлеть реальную архитектуру монастыря. По существу, теперь такого рода иконы можно было бы отнести к иконописной видописи.

Рассмотренные здесь поздние иконы преп. Александра Ошевенского с изображением каменного монастыря, который в руинах дошел до нашего времени, отличаются высокой степенью достоверности в передаче особенностей ансамбля, включая и его регулярный план, а потому могут сравниться лишь с многочисленными иконами, изображающими каменный Нило-Столбенский монастырь.

Т. А. Лаптева, М. В. Николаева (г. Москва)

### 3.3. Принципы описания церковной деревянной архитектуры в писцовых и переписных книгах XVII в.: Устьянские волости

Писцовые и переписные описания Русского Севера выделяются своей подробностью и тщательностью, а также особым вниманием к объектам церковной архитектуры. Их значение как ценнейшего источника для изучения деревянного зодчества не раз отмечалось в научной литературе<sup>128</sup>. Проблему ретроспективного изучения типов деревянных церквей и их эволюции рассматривают многие российские исследователи (В. Суслов, Д. Милеев, И. Грабарь, В. Орфинский и др.).

Обращаясь к Устьянским волостям, необходимо вначале отметить, что управлялись они Устюжской четвертью, отсюда же в волости посылались писцы, как правило, после настойчивых челобитных тяглых людей. Так, в июле 1644 г. вследствие таких челобитных было решено послать «больших писцов» к Соли Вычегодской,

<sup>128</sup> Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI-XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск, 1988. — С. 55–73. До этого писцовые и переписные книги рассматривали преимущественно как источник по социально-экономической истории и исторической географии.

на Тотьму и в Устьянские волости<sup>129</sup>. Результатом стало наиболее подробное описание этих волостей в 1645 г. С. Б. Веселовский замечает, что делопроизводство Устюжской четверти, наряду с Новгородской, было «полное, ясное, толковое»<sup>130</sup>. «В деятельности Устюжской четверти, писал он, виден план и некоторая твердость в исполнении его»<sup>131</sup>.

Полнота писцовых описаний обуславливала полноту описания церковных строений, находившихся на описываемой территории. Возможно, при составлении правил такого описания не обошлось и без вмешательства патриарха Филарета. Известно, например, что в 1628 г. писцам из Поместного приказа в «замосковные» города для приправки были отправлены вотчинные домовые книги патриарших земель<sup>132</sup>. В том же году в наказе из Новгородской чети писцам на Вятке А. Толочанову и А. Иевлеву предписывалось описывать на посадах и в уездах «церкви и монастыри, и в монастырех и в церквах образы окладные и неокладные, и у образов [кузни] приклады золотые и серебряные, и жемчужные, и книги, и ризы, и сосуды, и колокола, и всякое церковное строенье, и в монастырех же в казне деньги и суды серебряные и оловянные, и меденые, и всякое монастырское строение, и сколько в который монастырь и к церквам государевы... (п.т.) руги денежные и хлебные...»<sup>133</sup>. Тогда же с такою же тщательностью регламентировалось описание церквей половины Заонежских погостов: «...церкви и монастыри, и в церквах образы окладные и неокладные, и у образов приклад, и книги, и ризы, и сосуды церковные, государево дань или мирское строенье, и колокола, [и клепала<sup>134</sup>], и всякое церковное строенье...»<sup>135</sup>. При этом указывалось брать у старост и целовальников подлинные сотные грамоты прежних писцов, а также выбрать волостных крестьян, «лутчих старых и досужих людей» с тем, чтобы получить наиболее достоверную информацию.

В 1640-1641 гг. крестьяне Устьянских волостей подали шесть челобитных о сложении с них слишком тяжелого сошного оклада, хотя ранее, в 1625 г., «новые писцовые книги» были отставлены

<sup>129</sup> Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. II. — М., 1916. — С. 32.

<sup>130</sup> Там же. С. 50.

<sup>131</sup> Там же. С. 201.

<sup>132</sup> Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 2. Вып. 1. — М., 1917. — С. 62.

<sup>133</sup> Там же. С. 62–63.

<sup>134</sup> Клепало — металлическое (из меди или чугуна) полуколесо или короткая доска, по которой ударяют железным молотком.

<sup>135</sup> Акты писцового дела... С. 79.

(«положены ни во что»)<sup>136</sup>. Наказ из Устюжской чети писцам Соли Вычегодской Б. Приклонскому и подьячему О. Трофимову 1645 г. также предусматривал описание всех церквей и на посаде, и в погостах и селах, «и в церквах образы, и книги и ризы, и всякое церковное строенье...»<sup>137</sup>.

Таким образом, наказ предопределял порядок описания переписчиками храмов. К сожалению, в рассматриваемых источниках и, в частности, в переписной книге 1630-х гг. наказа как такового не содержится. В переписной книге 1670-х гг. в наказе говорилось лишь о том, что переписчики должны фиксировать наличие церкви, а главное описывать располагавшиеся на церковной земле дворы — причетников, бобылей и прочее. В писцовой же книге 153 (1644/1645) г., наиболее подробно описывавшей храмы, начало утрачено. Книга начинается с пятого листа, но, судя по характеру описания, наказ, вероятно, сходен с тем, что был дан переписчикам в Новгородском уезде в 182 (1673/1674) г.: «...церкви Божии каменные и деревянные описать каким обрасцом строены, и в тех церквах месные и деисусы и приклады каменные и золотые и сосуды церковные и книги и свечи поставные и колокола и клепала, и всякое строение описать, и попов, и сторожилов допросить — церкви божии — чье строение — государево ль или их приходских людей и в которых годах строены, и сколько каких государевых прикладов и приходских людей — порознь»<sup>138</sup>.

Принципы описания деревянных храмов в девяти Устьянских черносошных волостях, расположенных в верхнем и среднем течении реки Ваги с ее левыми притоками — Пижма и Вель (и ее притокам Подюге, Елюге) и правым притоком — рекой Устье, с ее притоками — Мехренга, Соденга, Волюга, Сенюшка, а также Кокшеньга и ее притоком — рекой Заячья) (рис. 1) — рассмотрены в настоящей статье на следующих материалах: переписная книга Устьянских волостей переписи Дмитрия Михайловича Овцына 143 (1634/1635) и 144 (1635/1636) гг.<sup>139</sup>; писцовая книга письма и меры Ивана Загрязского и подьячего Тимофея Семенова 153 (1644/1645) г.<sup>140</sup> и переписная книга Устьянских волостей переписи Потапа Дурново и подьячего Ивана Кемина 186 (1677/1678) г.<sup>141</sup>. Если первое из

<sup>136</sup> Акты писцового дела... С. 341–344.

<sup>137</sup> Акты писцового дела... С. 454.

<sup>138</sup> РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1523. Л. 5 об. — 6.

<sup>139</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15038.

<sup>140</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 510.

<sup>141</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15042.

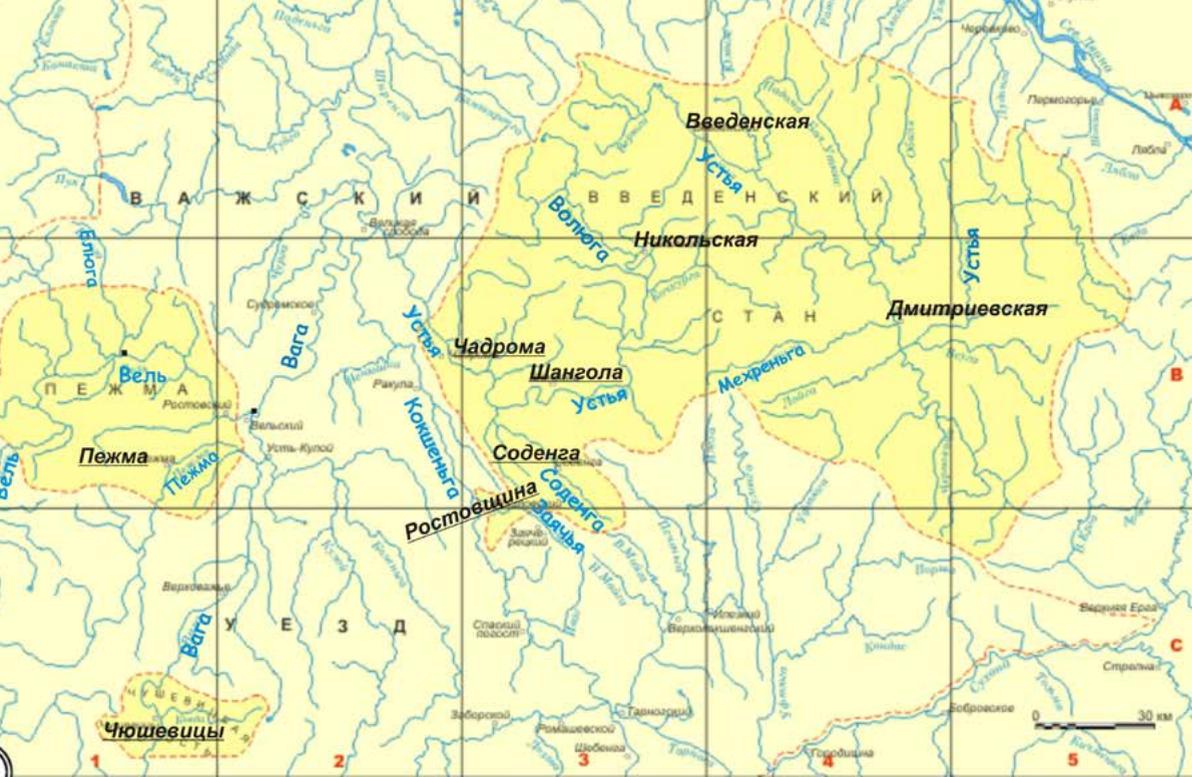


Рис. 1. Семушин Д. Русский Север. Пространство и время. Архангельск. 2010 г. С. 72.

рассматриваемых здесь описаний середины 1630-х гг. отделяет от следующего — 1640-х — всего 10 лет, то последующее описание было произведено примерно спустя 30 лет. Наиболее полная информация о деревянных церковных строениях имеется в писцовой книге.

В связи с этим можно упомянуть описание 1567/1568 г. писцов Ивана Невежина и подьячего Петра Офонасьева, о котором есть указание в книге Д. М. Овцына 1640-х гг.

**Приемы описания.** Обращаясь к конкретным материалам, отметим, что количество волостей, фигурирующих в книгах 1630-х и 1640-х гг., сходны — их 6. Описание начиналось в первом и втором случае с основного ядра более или менее компактно расположенных Устьянских волостей — Шангольской волости, Соденги, Ростовщины и Чандромы (в 1640-х гг. описание начинали с Ростовщины и заканчивали Шанголой), затем в обоих случаях следовало описание более или менее отдаленных волостей — Пежмы и Чюшевицы.

Существенное различие между двумя рассматриваемыми книгами заключалось в том, что описание 1640-х гг. охватывает более обширные земли — в рамках Шангольской волости описаны выделенные позже в особые административно-территори-

альные образования территории Никольской, Введенской и Дмитриевской волостей.

В книге 1670-х гг. описаны вначале Чюшевицкая волость на р. Ваге и Пежемская на р. Пежме (приток Ваги), а затем волости, располагавшиеся вверх по р. Устье — Чадромская, Шангольская, а также уже специально выделенные в этом описании Никольская, Введенская и Дмитриевская. В последнюю очередь представлены волости на притоках реки Устья — Соденга на соименной реке и Ростовщина на притоке Кошкеньги — речке Заячьей.

Обращаясь к особенностям описания в писцовых и переписных книгах церковных построек, приведем некоторую статистику (в этих целях был составлен свод церквей в Устьянских волостях, который дает представление о динамике и масштабах церковного строительства в регионе, а также о его особенностях; в частности, в книге середины 1630-х гг. были описаны 16 храмов и 3 придела; в 1640-х — 23 храма и не менее 3-х приделов (точные подсчеты затрудняет то обстоятельство, что придел по одному описанию мог быть представлен в другом как отдельный храм; в некоторых случаях говорилось «церковь с приделом», число же приделов не обозначалось); в 1677/1678 гг. — 27 храмов и 5 приделов (Таблица 1).

Приходится констатировать, что описания храмов на погостах на все три рассматриваемые хронологические среза крайне лаконичны, но, тем не менее, невозможно переоценить значение сведений о внешнем облике и интерьерах построек, данные о находившихся в них вещах и деталях, позволяющие судить об истории их бытования.

Надо оговорить, что погосты Устьянских волостей, на которых стояли одна, две или порой даже три церкви, были центром притяжения для окрестных деревень: к Введенскому (Бестужево), в частности, тяготели 32 деревни, стоявшие по берегам Устья и двум ее притокам<sup>142</sup>.

**Характер описаний.** Из трех основных рассматриваемых здесь источников наиболее лаконичной является переписная книга 1630-х гг.; она констатирует наличие храмов и выделяет среди них «теплые» — из 17 упомянутых таковыми являлись пять (надо сказать, что, судя по описанию 1670-х гг., теплой была трапезная).

Наиболее подробную картину рисует писцовая книга 1640-х гг. (некоторые параметры сходны с первым описанием), в ней указывали: материал храмовой постройки — «древяна» (деревянными

<sup>142</sup> См.: Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Ансамбль погоста в Бестужево // Деревянная архитектура Русского Севера. — Л.: Стройиздат. — 1981.

**Таблица 1. Церковные постройки Устьянских волостей**  
(по данным писцовых и переписных книг XVII в.)

Погосты Устьянских волостей	Церкви	Переписная книга Д.М. Овцына 143 (1634/1635) и 144 (1635/1636) гг.	Писцовая книга письма и меры И. Загряжского и Т. Семенова 153 (1644/1645) г.	Переписная книга П. Дурново и И. Кемина 186 (1677/1678) г.
Волость Чюшевицкая				
Погост на реке Ваге	Покрова Богородицы	+	-	-
на том же погосте	Никола чудотворца	+	деревяна клетчки теплая с трапезою	деревяна клетчки с трапезою теплою
Волость Пезма (Пежемская) на реках Вель и Пезма				
Погост на черной земле на реке Велье	Успения Богородицы	с пределами Афанасия Великого и Ильи пророка	-	церковь Вознесения Христа с пределом Успения Богородицы клетчки, на трапезе вышней предел Афанасия Александрийского
на том же погосте	Ильи пророка	см. выше	-	клетчки
на том же погосте	Никола чудотворца	теплый	-	шатровая с трапезою теплою
на том же погосте	Благовещения Богородицы	-	деревяна клетчки теплая с трапезою	деревяна клетчки с трапезою теплою
Погост Пезма на реке Пезма	Флора и Лавра	+	деревяна клетчки холодная; сверху – предел преподобного мученика Власий Савастийский	деревяна шатровая холодная
на том же погосте	Священномученика Власия	+	см. выше	деревяна клетчки
на том же погосте	Святого мученика Георгия	теплая	деревяна клетчки теплая с трапезою	деревяна клетчки с трапезою теплою
Погост на Ростове на реке Велье	Ильи пророка	-	деревяна клетчки холодная	-
Погост на усть-речке Подюга	Успения Богородицы	-	деревяна клетчки холодная	деревяна клетчки с трапезою теплою
Егорьева слободка [вероятно на речке Юлюге, Елюге]	Никола чудотворца	+	деревяна клетчки холодная	деревяна клетчки холодная

в той же слободке	Георгия страстотерпца	+	деревяна клетчки теплая с трапезою	деревяна клетчки с трапезою теплой
Волость Чадрома (Чадерма, Чадромская)				
Погост на реке Устье	Никола чудотворца	с пределом Флор и Лавер	деревяна вверх холодная	деревяна клетчки, на трапезе предел Мучеников Флора и Лавра
на том же погосте	Афанасия Александрийского	теплая	деревяна вверх теплая ветха	шатровая с трапезою теплою, с пределом Великомученика Димитрия
на том же погосте	Афанасия Александрийского	-	с пределы деревяна теплая о пяти верхах на каменное дело не свершена у церкви колокольница рубленая, 5 колоколов	-
Волость Шангола (Шангальская)				
Погост на реке Устье	Рождества Богородицы	+	деревяна вверх холодная	деревяна шатровая с трапезою теплою
на том же погосте	Чудотворца Никола	теплая	вверх теплая, у церкви деревяна колокольница рубленая, а на колокольнице три колокола	-
на том же погосте	Прокопия Устюжского чудотворца	-	-	деревяна клетчки
Другой погост на реке Устье «стал после писцов И. Неvejина и подьячего П. Офонасьева 7076 (1567/1568) г.»	Страстотерпца Христова Георгия	-	деревяна вверх холодная	Никольская волость шатровая холодная
на том же погосте	Никола чудотворца	-	деревяна клетчки теплая ветха; у церковей колокольница рубленая, а на колокольнице четыре колокола	Никольская волость деревяна клетчки с трапезою теплою

Третий погост Введенский на реке Устье, на речке Сеньюшке	Введение Богородицы	-	древяна вверх холодная	Введенская волость древяная клетчки
на том же погосте	Мучеников Флора и Лавра	-	древяна клетчки теплая	Волость Введенская древяна клетчки
на том же погосте	Николая чудотворца	-	-	Волость Введенская древяна клетчки с трапезою теплою
Четвертый погост на реке Устье и на усть-речке Мехренга	Страстотерпца Дмитрия Селуянского	-	древяна клетчки холодная ветха	Волость Дмитриевская шатровая
на том же погосте	Николая чудотворца	-	древяна клетчки теплая	Волость Дмитриевская древяна клетчки с трапезою теплою
Волость Соденьга (Соденская)				
Погост на речке Соденьге	Преображения Господа	+	древяна клетчки теплая	древяна клетчки с трапезою теплою
на том же погосте	Покрова Богородицы	-	древяны клетчки с пределом Николая чудотворца – холодные	с пределом Николая чудотворца, о двух шатрах
Волость Ростовщина (Ростовская) по речке Заячья				
Погост Никольский на реке Заячья	Рождества Богородицы	теплая	теплая ветха [не сохр. название церкви – утрата текста, вероятно, Рождества Богородицы]	древяна шатровая с трапезою теплою
на том же погосте	Николая чудотворца	+	древяна клетчки холодная	древяна клетчки ветхая, а службы в ней нет
на том же погосте	Николая чудотворца	-	? [утрата листов в деле]	древяна шатровая холодная

были все описанные церкви), ее конструктивные особенности – «клетчки» (рис. 2) с завершением в виде главки или «вверх», т. е. с шатровым покрытием (рис. 3), а также приводили данные о том, теплая или холодная, констатировали наличие трапезной; иногда книга содержала сведения о физическом состоянии – «ветха»; в ряде случаев упомянута колокольня и количество колоколов на ней.

В рассматриваемой писцовой книге 1640-х гг. наиболее подробно описана церковь во имя Афанасия Александрийского на реке Устье в волости Чадерма: «с пределы деревяна о пяти верхих на каменное дело, не свершена, теплая, ветха, у церкви колокольница рубленая, 5 колоколов»<sup>143</sup>.

Необходимо обратить внимание на некоторые особенности в описании церквей в разные годы, о которых было упомянуто выше.

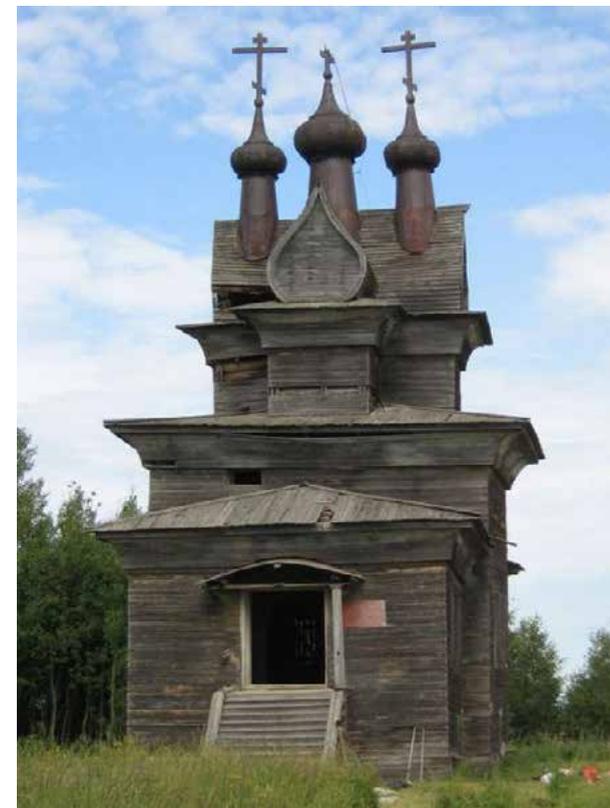


Рис. 2. Храм Георгия Победоносца. 1665 год. Село Пермогорье Красноборского района Архангельской области. Интернет-ресурс: Спасенные деревянные храмы Русского Севера. [http://ria.ru/photolents/20121218/915224477\\_999.html](http://ria.ru/photolents/20121218/915224477_999.html) (время обращения: 4.05.2016).

143 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 510. Л. 112 об.



Рис. 3. Сретено-Михайловская церковь, 1655 г. Красная Ляга, Каргопольский район, Архангельская область. Фото 2014 г.

В частности, церковь Успения Богородицы в Пежемской волости на р. Велье в описании 1630-х гг. значится с приделами Афанасия великого и Ильи пророка, спустя 10 лет приделы не упомянуты, а в 1670-х гг. в описании указана церковь Вознесения Христова с приделом Успения Богородицы клецки, на трапезе упоминавшийся в описании 1630-х гг., «вышней» придел Афанасия Александрийского. В той же Пежемской волости на погосте на р. Пежме в описании 1630-х гг. упомянуты две церкви — во имя Флора и Лавра и Священ-

номученика Власия; в описании 1640-х гг. церковь преподобного мученика Власия Савастийского значится приделной «вверху» к церкви Флора и Лавра и т. д.

Если говорить о *посвящении храмов*, то, как и везде, наибольшее число престолов — 11 — освящено во имя Николая чудотворца, 3 — Покрова Богородицы, 3 — Флора и Лавра. На погосте на р. Устье в Чадермской волости были два храма во имя Афанасия Александрийского — один по описанию 1670-х гг. был с приделом Флора и Лавра на трапезной, другой, шатровый — с приделом во имя Великомученика Димитрия. Почитание Прокопия, местного святого, получившее особое распространение в регионе в середине XVII в., нашло свое отражение в посвящении храма Прокопию Устюжскому на р. Устье в Шангальской волости и т. д.

Интерьеры храмов представлены лишь в писцовой книге 1640-х гг. Наибольший интерес вызывают описания иконостасов. Переписчики перечисляли образы местного ряда с посвящением, указывали на наличие киота для той или иной иконы, давали количество икон деисусного (апостольского) ряда, поставленных в тябло<sup>144</sup>, упоминали царские врата с сенью и столбцами, особо отмечали фон, на котором написаны иконные образы, как правило, «на празелени»<sup>145</sup>.

В рассматриваемой книге также приведены количество и вес свечей перед иконами в каждом из описанных храмов, перечислены такие предметы, как паникадила, выносные кресты, напестольный образ в алтаре, церковные сосуды, книги и др. Вес в свечах, паникадилах и колоколах записывали со слов («по скаске») церковного старосты. Как правило, описание церкви завершала фраза: «А строение церкви и в церквах образы, книги и свечи и колокола тое ж волости мирское, прихоцких людей»<sup>146</sup>, — свидетельствующая о том, что средства на храм и церковный обиход собирали прихожане.

Одной из наиболее интересных построек, исследованию которых посвящена публикация М. И. Мильчика и Ю. С. Ушакова<sup>147</sup>, является сохранявшаяся до недавнего времени на погосте в с. Бестужево (Введенское) в бывшей Шангольской, а затем Введенской волости шатровая церковь XVIII в. Она стоит в среднем течении

<sup>144</sup> Деревянный брус, использующийся для установки икон в предалтарной преграде.

<sup>145</sup> Прочная, неяркая земляная краска разных оттенков от черновато-зеленого до светло-зеленого. См.: Замятина Н. А. Терминология русской иконописи. — М., 2000. — С. 131.

<sup>146</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 510. Л. 56 об.

<sup>147</sup> Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Указ. соч.

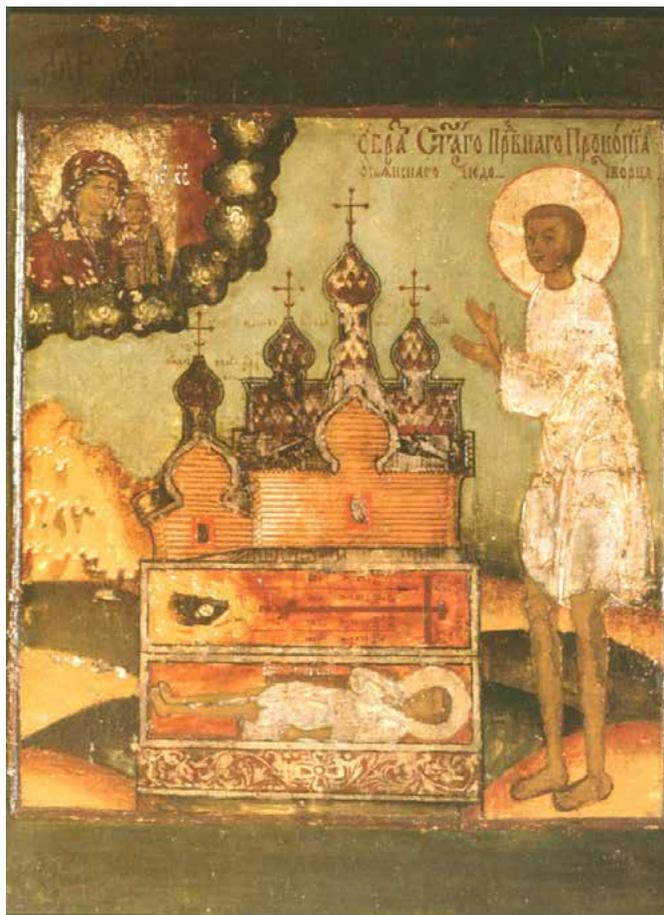


Рис. 4. Прокопия Устьянского, конец XVII века. Архангельский музей «Художественная культура Русского Севера».

р. Устьи, на крутом правом берегу, где река делает крутой поворот. Эта территория Устьянских волостей не попала в описание 1630-х гг., в 1640-е гг. там стояли два храма — Введения Богородицы, холодный, и Мучеников Флора и Лавра, теплый, в 1670-е к ним добавилась теплая церковь Николы чудотворца. Исследователи отмечали, что до конца XVII в. клетская Никольская церковь с трапезной стояла ближе к откосу, чуть выше — шатровая Введенская, а за ней — клетская Флоралавская, шатровая колокольня располагалась, вероятно, с западной стороны<sup>148</sup>.

<sup>148</sup> Там же.

На иконе Прокопия Устьянского (конец XVII в.), находящейся в Архангельском музее «Художественная культура Русского Севера», запечатлен облик перестроенной церкви Введения Богородицы с приделом Флора и Лавра, которая просуществовала в таком виде на берегу Устьи с 1696 по 1762 гг. (рис. 4).

В заключение отметим: несомненная ценность рассмотренных источников в отношении деревянной архитектуры заключается в том, что они представляют полную формальную картину церковного строительства на обширной территории Устьянских волостей в течение пяти десятилетий XVII в. Немаловажно, что каждый храм на погосте дан с посвящением: указаны некоторые подробности, касающиеся его функции (теплый или холодный), типологии, физического состояния, приведены сведения о наличии приделов, колокольни. Уникальны сведения о церковных интерьерах и, в частности, об иконостасах и т. д. Таким образом, отстоящие друг от друга по времени описания позволяют получить определенные представления о бытовании церквей, попавших в ареал описания.

*А. И. Комиссаренко, Н. Ю. Болотина, А. Ю. Кононова (г. Москва)*

### **3.4. Писцовая книга карельских дворцовых вотчин Бежецкого и Ярославского уездов стольника И. И. Тютчева и подьячего И. Соколова 1686 г. как источник изучения истории церквей в карельских дворцовых поселениях и их приходов**

Писцовая книга стольника Ивана Ивановича Тютчева и подьячего Ивана Соколова (Писцовая книга карельских дворцовых вотчин Бежецкого и Ярославского уездов) 1686 г. явилась результатом кадастрового описания карельских дворцовых вотчин Бежецкого и Ярославского уездов, входивших в число крупнейших доминиальных владений второй половины XVII в. Они образовались в итоге массового переселения карел в Россию, на земли Бежецкого, Ярославского и Угличского уездов, как до русско-шведской войны 1656-1658 гг., так и после нее, а также в итоге отписи «на государя»

значительной части карельских деревень, поселившихся на частновладельческих землях<sup>149</sup>.

Вместе со всеми другими материалами Московского дворцового архива подлинник книги сгорел во время «большого пожара» 1737 г. Однако в Дворцовом отделе РГАДА сохранилась ее копия. Она была выполнена в Московской дворцовой конторе в 1739 г. со списка книги, присланного из Чамеровского дворцового управления при восстановлении архива<sup>150</sup>. В копии передана только часть содержания книги, относящаяся к Чамеровской волости. Однако и она представляет большой интерес. Как показано М. Ю. Зенченко, Чамеровская дворцовая волость возникла в 1564/65 гг., когда родовые владения князей молужских Сицких и Ушатых были отобраны в казну, а сами князья были отправлены в ссылку в Казань<sup>151</sup>. Однако, во-видимому, в связи с гибелью Московского дворцового архива, наиболее раннее из известных нам описаний поселений волости находится в «Переписных и дозорных книгах» Д. Г. Тютчева и В. Второво 1668–1669 гг.<sup>152</sup>. В нем есть сведения о дворцовой карельской деревне Чамерово Верховского стана Ярославского уезда и окружающих ее также карельских поселениях. Переписью В. В. Хорошева 1678 г. была зафиксирована дворцовая Чамеровская волость, включавшая уже село Чамерово и окружающие ее 62 карельские деревни<sup>153</sup>.

В соответствии с наказом из приказа Большого Дворца за приписью дьяка Тимофея Литвинова от августа 1686 г., писцы стольник И. И. Тютчев и подьячий И. Соколов «великих государей в дворцовых да в корельских селех церкви Божии и поповы с причетники и корельские и бобыльские дворы, и во дворех людей по именом, и корельскую пашню и сенные покосы, и всякие угодыя описали и измерели, и в чети положили»<sup>154</sup>. Соответственно книга, явившаяся результатом их деятельности, содержит описание церквей, рас-

<sup>149</sup> Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. — М., 1905; Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. — Петрозаводск, 1956; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии в XVI–XVII вв. — Петрозаводск, 1947; Чернякова И. А. К вопросу о судьбах «карельских выходцев». — Петрозаводск, 1989; Середа Н. В. Тверской край в период становления российского самодержавия (конец XVI–XVII вв.). — Тверь, 1999; Головкин А. Н. История Тверской Карелии. — Тверь, 1999; История карельского народа / Киркпнен Х., Невалайнен П., Сихсо Х. — Петрозаводск, 1998; Дмитриева З. В. «Карельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Вып. V. — Вологда, 2003. — С. 81–90.

<sup>150</sup> РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1450. Л. 288–341.

<sup>151</sup> Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 4... С. 327.

<sup>152</sup> РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1451. Л. 109об.

<sup>153</sup> РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1450. Л. 4–7.

<sup>154</sup> Там же. Л. 288–288об.

положенных в карельских дворцовых селах, перепись населения их тяглых дворов, сведения об их земельных угодьях.

Книга стольника И. И. Тютчева и подьячего И. Соколова содержит описание церкви Божьей матери Казанской и Воскресенской в с. Чамерово, Покрова Богородицы и св. Ильи Пророка в с. Чистая Дуброва, св. Николая Чудотворца в селе Пожары<sup>155</sup>. В настоящее время в муниципальном образовании Чамерово, селах Чистая Дуброва и Пожары Весьегонского района Тверской области восстановлены некоторые из названных церквей (Божьей матери Казанской в муниципальном образовании Чамерово, Покровская в с. Чистая Дуброва, св. Николая Чудотворца в с. Пожары), которые действуют в зданиях, построенных для них в XVIII–XIX вв.

Формуляр стольника И. И. Тютчева и подьячего И. Соколова 1686 г. обеспечил сведения о первоначальных деревянных зданиях названных церквей и первоначальной их утвари. Церковь Покрова Богородицы в с. Чистая Дуброва — наиболее древняя из названных, так как зафиксирована переписью Д. Г. Тютчева 1668–1669 гг.: «Село Чистая Дуброва на речке на Черной, а з другую сторону речка Мельнишная, а в нем церковь Покрова Пречистыя Богородицы». Как свидетельствует писцовая книга Василия Хорошева 1678 г., церковь Божьей матери Казанской в селе Чамерово была построена в 1674/75 гг.<sup>156</sup>. Воскресенская церковь значится в книге 1686 г. как «новая»<sup>157</sup>. В этой же книге содержатся также наиболее ранние сведения о церкви св. Ильи Пророка в с. Чистая Дуброва и церкви св. Николая Чудотворца в с. Пожары.

Все названные церкви были построены на средства прихожан, о чем свидетельствует фраза, заключающая описание каждой из них в книге стольника И. И. Тютчева и подьячего И. Соколова: «...А сказали того села поп и прихожане церкви де и в церквах строение и колокола их мирских людей строение»<sup>158</sup>. В книге зафиксирована, в частности, запись на колоколах церкви в с. Чамерово: «...Три колокола, а подписано на них: “Куплены на мирские денги, даны пятьдесят пять рублей”»<sup>159</sup>.

Книга включает сведения об особенностях архитектуры названных храмов. Так, церковь Казанской Божьей матери в с. Чамерово была «деревянна клетчатая, да в ней два предела во имя Николая

<sup>155</sup> Там же. Д. 1450. Л. 289–289об, 319–320, 334об–335.

<sup>156</sup> Там же. Л. 185.

<sup>157</sup> Там же. Л. 289об.

<sup>158</sup> Там же. Л. 289об, 320, 335.

<sup>159</sup> РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1450. Л. 289об.

Чудотворца да Федора Стратилата»<sup>160</sup>. Здание храма имело три «прирубные» алтаря, которые были «крыты тесом»<sup>161</sup>. Паперть церкви также имела тесовую крышу: «Круг церкви паперть вкосяк крыта тесом»<sup>162</sup>. В книге описана колокольня церкви: «на столбах, крытом тесом»<sup>163</sup>. Вторая церковь с. Чамерова — Воскресения Христова, также была «деревянная клетчатая ж, крыта тесом»<sup>164</sup>. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Чистая Дуброва также был «деревяной, клетчатой»<sup>165</sup>. Он имел предел св. Георгия<sup>166</sup>. Заслуживает внимания описание вида церкви св. Николая Чудотворца в с. Пожары: «Храм деревянной клетчатой низмен»<sup>167</sup>. Относительно церкви св. Ильи Пророка в Чистой Дуброве в книге отмечено, что она была деревянная; на паперти церкви находилась колокольня: «Да колокольня на паперти рубленая 2 колокола»<sup>168</sup>.

В книге 1686 г. подробно описаны иконы, составлявшие иконостас церковей. При этом даны сведения и об убранстве, которое имели иконы, по-видимому, особо почитаемые. Так, настоящий образ Всемилоственного Спаса церкви Казанской Божьей матери в с. Чамерово имел «басемной» (т. е. сканный) оклад<sup>169</sup>. У главного образа храма — Казанской Божьей Матери были «венец и гривна серебряные, вызолочены»<sup>170</sup>. Серебряными позолоченными венцом и гривной был украшен также образ св. Николая Чудотворца в церкви св. Николая Чудотворца с. Пожары<sup>171</sup>. Образ св. Георгия Страстотерпца, находившийся в пределе св. Георгия церкви Покрова Богородицы с. Чистая Дуброва, также имел «венец и гривенку серебряные литые»<sup>172</sup>. В писцовой книге карельских дворцовых волостей В. И. Хорошева 1678 г. раскрыта история этой иконы. Она составляла фамильную ценность прихожанина церкви, карельского крестьянина Юрия Петрова и была привезена им из Швеции во время его переселения в Россию. Впоследствии она была подарена им храму Пресвятой Богородицы в с. Чистая Дуброва. Как записано

<sup>160</sup> Там же. Л. 289.

<sup>161</sup> Там же.

<sup>162</sup> Там же. Л. 289об.

<sup>163</sup> Там же.

<sup>164</sup> Там же.

<sup>165</sup> Там же. Л. 319.

<sup>166</sup> Там же. Л. 319об.

<sup>167</sup> Там же. Л. 334–335.

<sup>168</sup> Там же. Л. 319об.

<sup>169</sup> Там же. Л. 289.

<sup>170</sup> Там же.

<sup>171</sup> Там же. Л. 335.

<sup>172</sup> Там же. Л. 195.

в книге: «Да в той же церкви предел, а в пределе образ великомученик Еоргии да образ Георгия Страстотерпца в Чюдесех, венец и гривенка серебряные литые, взят из-за рубежа, моление корелянина Юрки Петрова»<sup>173</sup>.

Формуляром рассматриваемой писцовой книги стольника И. И. Тютчева и подьячего И. Соколова 1686 г. предусмотрено описание духовной литературы, принадлежавшей церкви. Так, у церкви Казанской Божьей Матери в с. Чамерово помимо напестольного евангелия были «Книги два пролога два на десять месяц, минея общая, апостол, два охтая, псалтырь со воследованием, псалтирь малая, каноник, служебник, требник, часослов, две триоди посная да цветная, житие Николая Чудотворца»<sup>174</sup>. Писцом особо отмечено, что они «все печатные»<sup>175</sup>. Описанием В. В. Хорошева 1678 г. отмечено, что книги церкви также были приобретены на средства прихожан: «А строение та церковь и в ней образы и книги, и клепало мирское»<sup>176</sup>. Из рассматриваемой книги следует, что напестольное евангелие имело роскошный переплет. Оно было «крыто бархатом червчатым, евангелисты и застешки и на нижней цпе репы серебряные резные»<sup>177</sup>. Библиотека церкви Покрова Богородицы в с. Чистая Дуброва состояла из 7 книг: напестольного евангелия, апостола, минеи общей, шестоднева, часовника, двух триодей: постной и цветной<sup>178</sup>. Книга В. В. Хорошева 1678 г. свидетельствует, что все они, за исключением шестоднева, были печатные<sup>179</sup>. При этом минея общая была «киевской печати в полдесть»<sup>180</sup>. Шестоднев был рукописной книгой («письменной»)<sup>181</sup>. Церковь св. Николая Чудотворца в с. Пожары имела печатных апостола, минею, шестоднев, служебник<sup>182</sup>. Напестольное евангелие церкви было рукописной книгой; И. И. Тютчевым зафиксировано, что оно «писано уставом»<sup>183</sup>. Писцом отмечен также переплет евангелия: «оболочено бархотенью, евангелисты медные»<sup>184</sup>. Сведения о духовной литературе других

<sup>173</sup> Там же. Л. 195.

<sup>174</sup> Там же. Л. 289об.

<sup>175</sup> Там же.

<sup>176</sup> Там же. Л. 185.

<sup>177</sup> Там же. Л. 289.

<sup>178</sup> Там же. Л. 319об.

<sup>179</sup> Там же. Л. 195об.

<sup>180</sup> Там же.

<sup>181</sup> Там же.

<sup>182</sup> Там же. Л. 335.

<sup>183</sup> Там же.

<sup>184</sup> Там же.

церквей Воскресенской в с. Чамерово и св. Ильи Пророка в с. Чистая Дуброва в книге И. И. Тютчева и И. Соколова 1686 г. отсутствуют.

Представляет интерес также содержащееся в этой книге описание церковной утвари, в частности, крестов. Так, запрестольный, благословенный и животворящий кресты церкви Казанской Божьей матери в с. Чамерово были выполнены из серебра, позолочены<sup>185</sup>. Кресты же церкви Покрова Богородицы в с. Чистая Дуброва были деревянные, расписанные красками<sup>186</sup>.

Описание одежд духовенства и епитрахилей рассматриваемых церквей, данное в книге, заслуживает внимания своей исключительной подробностью, благодаря которой мы можем представить не только их фактуру, но и цвет. Так, ризы священнослужителей церкви Казанской Божьей матери в с. Чамерово были сшиты из тафты, одна из них была окрашена в красный, другая в желтый цвет: «Ризы тафтяные одни червчетые, а другие желтыныея»<sup>187</sup>. Епитрахиль церкви Покрова Богородицы в с. Чистая Дуброва была «камчатая чешуйчатая»<sup>188</sup>. Ризы, имевшиеся в этой церкви, охарактеризованы как «дорогильные двойные»<sup>189</sup>.

Книга И. И. Тютчева и И. Соколова 1686г. включает перепись, естественно, мужского населения тяглых дворов карельских дворцовых сел и деревень, составлявших приходы названных церквей. При этом в ней указан возраст несовершеннолетних детей дворохозяина, зафиксировано, женаты ли были его совершеннолетние дети.

Особенностью писцового описания 1686 г. являлась фиксация сведений о земельных угодьях, в том числе пахотных землях, находившихся в пользовании каждой карельской деревни. Это обеспечивает возможность исчисления средней величины земельного надела крестьянского двора для каждой деревни. Формуляр книги аналогичен формуляру переписи архиепископских вотчин, проведенной стольником В. И. Кошелевым в 1702-1703 гг., подробно рассмотренной в работе Е. Н. Баклановой (Швейковской)<sup>190</sup>.

Зафиксированные в книге сведения о размерах пахотной земли «государевых корелян» заслуживают особого внимания. Так, в распоряжении с. Чамерово (17 дворов) было 42,5 «десятины пахотной

<sup>185</sup> РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1450. Л. 289.

<sup>186</sup> Там же. Л. 195.

<sup>187</sup> Там же. Л. 289об.

<sup>188</sup> Там же. Л. 319об.

<sup>189</sup> Там же.

<sup>190</sup> Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. — М.: Наука, 1976. — С. 56–66.

земли, а в дву по тому ж», то есть всего 127, 5 десятин<sup>191</sup>. Жителям села «в подмогу» была дана пустошь, включавшая еще 42,5 десятины пашни паханой. В среднем на тяглый двор в с. Чамерово (17 дворов), имевшем подможную пустошь, приходилось 8,85 десятин пашни паханой в трех полях. В соседней д. Шестаково (5 дворов) в среднем на тяглый двор приходилось 16,2 десятины пашни паханой, а в близлежащей д. Хахилево (6 дворов) — 20,5 десятин пашни паханой<sup>192</sup>. По выводам Е. Н. Баклановой (ныне Швейковской) наиболее типичными для монастырских и архиепископских крестьян Вологодского и Устюжского уездов были размеры пашни 2-4-6 десятин на двор в трех полях<sup>193</sup>. К таким же выводам пришла и И. А. Черникова относительно черносошных крестьян Олонецкого уезда<sup>194</sup>. При выведении средних показателей надельной пахотной земли Е. Н. Бакланова обоснованно учитывала пашню и перелог вместе, исходя из того, что «перелог уже в большей или меньшей степени распахивались»<sup>195</sup>. Как видно, приведенные средние размеры только пашни паханой, приходившейся на тяглый двор дворцового села Чамерово и соседних деревень, превышали средние показатели надельной пахотной земли монастырских, архиепископских и черносошных крестьян соседних уездов.

Таким образом, писцовая книга карельских дворцовых вотчин Бежецкого и Ярославского уездов стольника И. И. Тютчева и подьячего И. Соколова 1686 г. является ценным источником изучения истории церквей в карельских дворцовых поселениях и землепользования их прихожан.

*И. П. Кукушкин (г. Вологда)*

### **3.5. Идеологические, религиозно-эсхатологические мотивы времен Ивана Грозного в градостроительстве Вологды**

Существенной чертой становления цивилизаций, империй, государств является воплощение в строительных проектах идей и образов господствующей идеологии. Столица «Поднебесной империи» Саньян первого императора Китая Цинь Шихуанди (III в. до н.э.) была

<sup>191</sup> РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1450. Л. 291об–292.

<sup>192</sup> Там же. Л. 293-294.

<sup>193</sup> Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 66.

<sup>194</sup> Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. — Петрозаводск, 1998. — С. 138–143.

<sup>195</sup> Бакланова Е. Н. Указ. соч. С.56.

спланирована в соответствии со строением небесного свода. Относимый к восьмому чуду света Храм молнии Саксануаман средневековой империи инков имел в плане очертания пумы священного индейского животного. Построенной в XX в. новой столице Бразилии — Бразилиа, придана форма самолета.

В средневековой Европе всеобъемлющи были постулаты христианства, они являлись образом мысли, жизни и выражались в градостроительстве. При реализации религиозно-идеологических воззрений в архитектуре Руси XVI в. ключевое значение имели доктрина «Москва — третий Рим» и связанные с ней идеи земного воплощения Небесного града<sup>196</sup>. Мотивы архитектурного олицетворения этих идей при Иване Грозном прослежены в возведении Храма Василия Блаженного на Красной площади и опричного дворца на Арбате в Москве<sup>197</sup>.

Во время опричнины (1565–1571 гг.) Вологда была важнейшей площадкой для реализации военно-политических, социально-экономических, идеологических замыслов Ивана Грозного. По мнению А. М. Панченко и Б. А. Успенского, Иван Грозный земской Москве противопоставлял опричную Вологду, которая «призвана быть столицей новой России»<sup>198</sup>. Предпосылками для выбора Вологды были высокий уровень экономического развития города, его расположение на пути, связывавшем Московию с Европой через Белое море и в то же время относительно безопасное положение в глубине государства. В Вологде также располагался центр обширной Пермской и Вологодской Епархий<sup>199</sup>. Кроме этого, по меньшей мере с середины XV в. Вологда и северные монастыри служили духовным оплотом московских князей в борьбе за власть. В 1447 г. великий князь Василий Васильевич после пленения и ослепления Дмитрием Шемякой получил в удел Вологду и обязался «не искать московского княжения». Но игумен Кирилло-Бе-

<sup>196</sup> Бондаренко И. А. Москва в конце XV–XVI века // Древнерусское градостроительство. — М., 1993. — С. 311; Ермолин Е. А. Иван Грозный и русская культура / История русской культуры. Лекция 7. — URL: <http://www.rospil.ru> [дата обращения: 11.01.2014]; Мокеев Г. Я. Якоже Горний Иерусалим. Воплощение символа Горнего Иерусалима в архитектуре Русских городов — URL: <http://www.rusarch.ru> [дата обращения: 14.01.2014].

<sup>197</sup> Караваикин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. — М., 2003. — С. 68–115; Михайлова И. «Ожидающе праведного судища Спасова»: эсхатологические представления и реформа Ивана Грозного — URL: <http://www.nlo-books.ru>, ru [дата обращения: 11.01.2014].

<sup>198</sup> Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. — М., 2002. — С. 459.

<sup>199</sup> Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. — М., 1964. — С. 396, 481; Колесников П. А. Вологда в политических планах Московского княжества // Россия на путях централизации. — М., 1982. — С. 160–166; Скрынников Р. Г. Царство террора. — М., 1992. — С. 352–353.

лозерского монастыря Трифон снял с него клятву, и Василий Темный, вдохновленный на борьбу, вновь занимает московский стол.

Располагаясь на богомольном пути русских царей в Кирилло-Белозерский монастырь, Вологда становится резиденцией русских царей на севере. В сентябре-декабре 1529 г. отец Ивана Грозного Василий III ездил с «великою княгиней с Еленой по монастырем молиться («о чадородии»<sup>200</sup>): и был на Вологде в Вологодских монастырях, и на Белоозере в Кирилове монастыре и в Ферапонтове монастыре»<sup>201</sup>. Через положенный срок, 25 августа 1530 г. родился наследник — будущий царь Иван Грозный. Достигнув совершеннолетия, Иван IV в 1545 г. сам совершил поездку по северным монастырям, которая открыла эпоху его самостоятельного правления<sup>202</sup>. В 1565 г. Иван Грозный после указа об опричнине «был в объезде <...> и в Ярославле, и на Вологде; а с Вологды ездил государь на Белоозеро в Кирилов монастырь молиться. Тоя ж осени, царь и великий князь заложил город Вологду камен»<sup>203</sup>.

Особое значение для поддержки идей и вологодского опричного проекта Ивана Грозного могло иметь пребывание на Вологде Блаженного Феодорита, просветителя Кольского. В 1557–1558 гг. Феодорит успешно выполнил дипломатическое поручение царя, получив Соборное благословение и послание Константинопольского Патриарха на коронацию и чин венчания Ивана IV на царство как «цесари Римские». После этого Феодорит отказался от наград и привилегий и проживал в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, символизируя богоизбранность царя и праведность его начинаний<sup>204</sup>.

В 1565–1566 гг. Иван Грозный инициирует в Вологде грандиозное строительство. В пятистах метрах от дерево-земляного кремля XV в. и кафедрального Воскресенского собора возводятся каменные крепость, новый собор Успенский, церковь Богоявления Господня, две палаты. Работы контролируются лично царем и ведутся до 1571 г. За период 1565–1571 гг. были воздвигнуты (не на всю высоту) стена юго-восточной стороны крепости с девятью башнями, две башни с пряслами с северо-запада, выстроены без отделки Успенский

<sup>200</sup> Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 3. — Ростов-н/Д., 1994. — С. 83.

<sup>201</sup> ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 265.

<sup>202</sup> ПСРЛ. Т. 13. 1 полов. СПб., 1904. С. 147.

<sup>203</sup> Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного // РИБ. Т. 3. — СПб., 1876. — С. 270–271.

<sup>204</sup> Курбский А. М. История о великом князе Московском // РИБ. Т. 31. — СПб., 1914. — С. 342. Подробный анализ всех известных исторических материалов, доказательств и сведений, которые могут быть использованы для написания Жития Блаженного Феодорита, просветителя Кольского, см. в «Библиотеке Якова Кротова»: URL: <http://www.krotov.info>, ru (дата обращения: 11.01.2014).

собор, по свод ц. Богоявления. Возможно, полностью были возведены две каменные палаты, где хранилась «царская казна»<sup>205</sup>. Очевидно, что до конца градостроительный проект при Иване IV не был осуществлен. Но по тому, что удалось воплотить, можно судить о замыслах и представлениях заказчика строительства — царя.

В связи с тем, что сооружение комплекса построек не было завершено, следует прибегнуть к моделированию исходного строительного проекта. В отношении крепости это представляется возможным, так как ее возведение основывалось на принципах, использовавшихся в фортификационном зодчестве этого периода. Главные из них регулярность, предусматривавшая геометричность плана крепости (прямоугольник, трапеция, треугольник), прямолинейность стен, равномерное распределение башен по периметру крепости и тождественность архитектурных решений, применявшихся в реализациях типовых элементов одного проекта<sup>206</sup>. В качестве примеров, предшествующих вологодскому строительству, служат крепости Иван-города, Тулы, Зарайска. В Вологде, таким образом были выстроены полностью выведенная по длине юго-восточная и участок северо-западной стороны вологодской крепости. Исходя из принципов регулярности и типичности архитектурных решений, есть все основания предположить, что проектом Ивана Грозного предусматривалось возведение стен и башен с юго-западной, северо-западной и северо-восточной сторон крепости по аналогии с юго-восточной. То есть, по первоначальному проекту в Вологде должна была быть построена крепость в форме трапеции с примерно одинаковыми по длине сторонами. На каждой стороне было бы три проездных башни с воротами. Этот неосуществленный проект Ивана Грозного, очевидно, имел в качестве образца описание Нового Иерусалима в Откровении Иоанна Богослова: «Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов <...> с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот <...> Город расположен четверугольником, и длина его такая же, как и широта»<sup>207</sup>.

<sup>205</sup> Кукушкин И. П. Градостроительная деятельность Ивана Грозного в Вологде // Город средневековья и раннего Нового времени. — Тула, 2013. — С. 147–152.

<sup>206</sup> Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков. — М., 1962. — С. 169–182; Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Алексеевская башня и ее место в системе оборонительных сооружений Новгорода XVI–XVII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1986. — Л., 1987. — С. 555.

<sup>207</sup> Откровение святого Иоанна Богослова // Новый завет (синодальный перевод). Гл. 21, стих 12, 16.

Не менее символичным было возведение в Вологде Успенского собора: «Лета 7076 (1568) Великий государь царь Иван Васильевич повелел соборную церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы поставить внутри города»<sup>208</sup>. Образцом храму в Вологде послужил Успенский собор Московского Кремля. По заключению А. Л. Баталова, «характер почитания Успенского собора в середине — второй половине XVI в., как и в его начале, адекватен одному из значений праздника Успения Пресвятой Богородицы. В свое время указывалось на его градозащитную семантику... однако оно не было единственным чудесное собрание апостолов у ложа Пресвятой Богородицы прообразовывало Вселенскую церковь. Успение становилось символическим образцом Собрания Церкви»<sup>209</sup>.

Рядом с Успенским собором возводилась церковь Богоявления Господня: «Да позади соборные церкви Софии Премудрости Божии (главный престол собора был освящен во имя Софии Премудрости Слова Божия после смерти Ивана Грозного. — И. К.) церковь почата была делать камена, Богоявление Господне с папертью, сделана по первой свод без верха»<sup>210</sup>. Значение для православных христиан Богоявления (Крещения), символизировавшееся в храме, передано в Евангелии от Луки: «Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился: отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Мое благоволение»<sup>211</sup>. То есть, во время Крещения произошло Явление Бога в полноте Троицы (Бог-Сын крестился, Бог-Отец говорил с небес, Бог-Святой Дух сходил в виде голубя), что открывало новое время и мир Христа для всех людей.

Таким образом, идеями вологодского строительного проекта Ивана Грозного служили представления о Небесном Граде праведников, описанном в Библии, Вселенской церкви, Явлении Бога в полноте Троицы.

Градостроительное выражение православно-христианских идей и образов не было продиктовано особенностями характера или миропонимания Ивана Грозного. В этот период других,

<sup>208</sup> ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 196–197.

<sup>209</sup> Баталов А. Л. О традиции строительства Успенских храмов в Московской Руси XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. — СПб., 2003. — С. 47.

<sup>210</sup> Сборник материалов для исторического и церковно-археологического описания Вологодской губернии / Сост. И. Токмаков. — Вологда, 1889. — С. 21.

<sup>211</sup> От Луки святое благовествование // Новый завет (синодальный перевод). Гл. 3, стих 21–22.

собственно, не было, поэтому его деяния были понятны для его современников.

Кроме анализа планировочной структуры крепости и семантики церквей интересные факты по рассматриваемому вопросу представляют материалы археологических раскопок. При раскопках автора в 2001 г. у южной стены Успенского собора были зафиксированы два массовых перезахоронения времени возведения храма. В каждом находились кости примерно ста индивидов. Кости были уложены в деревянные короба ярусами и расположены в анатомическом порядке. Предположительно, останки из перезахоронений происходят с кладбища, располагавшегося на месте заложения фундамента собора<sup>212</sup>. Придание перезахороненным костным останкам анатомического порядка может свидетельствовать о существовании представления, что соответствующее человеческому скелету расположение костей умерших было условием их воскрешения для предстоящего Страшного суда. То есть, актуальные для грозненской эпохи эсхатологические идеи о близости конца мира нашли свое воплощение в обряде перезахоронения.

Другой архитектурно-археологический артефакт — исследованная при раскопках кладка фундамента Успенского собора в разрезе фасада имела ступенчатую форму выведения от подошвы к цоколю<sup>213</sup>. Это может быть связано с представлением о горе Голгофе.

Можно заключить, что грандиозное строительство Ивана Грозного в Вологде 1565–1571 гг. имело под собой не только экономические и военно-политические предпосылки, но и духовную (идейную) основу, сформированную на опыте, интуиции и личных предпочтениях царя. В архитектурном проекте строительства воплощались идея Небесного града на земле, представления о Вселенской церкви, Царстве Христа, религиозно-эсхатологические представления царя и его современников о Воскрешении и Страшном Суде.

<sup>212</sup> Подробнее см.: Кукушкин И. П. Некрополь вологодского Софийского собора (археологический аспект) // История и археология Русского Севера. — Вологда, 2012. — С. 49.

<sup>213</sup> Об этом см.: Кукушкин И. П. Градостроительная деятельность Ивана Грозного в Вологде // Город средневековья и раннего Нового времени. — Тула, 2013. — Рис. 3.

М. С. Черкасова (г. Вологда)

### 3.6. К изучению церковно-монастырских книжных собраний на севере России XVI–XVII веков

Проблематика научных конференций Каргопольского музея всегда отличается научно-практической широтой, включая, наряду с прочими, и вопросы древнерусской книжной культуры. Об этом свидетельствуют содержания публикуемых музеем материалов<sup>214</sup>. В сборнике научной конференции 2012 г. изучению книжного наследия Русского Севера были посвящены статьи Н. И. Решетникова<sup>215</sup>, Г. Е. Седовой<sup>216</sup>, О. Б. Пригодиной<sup>217</sup>. Актуальность проблематики особенно ясна в связи с ведущейся в настоящее время работой по созданию свода книжных памятников Архангельской области.

Предлагаемая статья имеет по преимуществу источниковедческую направленность: автор пытается показать информационные возможности документов, которые еще недостаточно использовались по истории книги и книжности Московской Руси.

<sup>214</sup> См., например: Прокуратова Е. В. К вопросу о формировании и развитии книгописной культуры Каргополя // Историко-культурное наследие Русского Севера: Проблемы изучения, хранения и использования. — Каргополь, 2006. — С. 305–315; Решетников Н. И. История Поонежья в документах Каргопольского музея // Каргополь. Историческое и культурное наследие. — Каргополь, 1996. — С. 15–24; он же. Письменная традиция северного крестьянства // Исторический город и сохранение традиционной культуры. М.; Каргополь, 1999; он же. О книжной культуре Русского Севера // Историко-культурное наследие Русского Севера... С. 282–293; Бахтина О. Н. Об археографическом изучении старообрядческой книги // Старообрядческая культура Русского Севера. — М.; Каргополь, 1998. — С. 81–84; Гунн Г. П. Жития северорусских святых как литературно-художественный источник // Христианство и Север. — М., 2002. — С. 22–28; Самарина Н. Г. Монастырские письменные памятники: собирание и изучение в послереволюционный период // Святые и святые северорусских земель. — Каргополь, 2002. — С. 214–230; Черкасова М. С. Описные книги северорусских монастырей и архиерейских кафедр XVII века: Опыт сравнительно-исторического изучения // Культура Поонежья X–XI вв.: общерусские черты и национальные особенности: Материалы XI Каргопольской науч. конф. — Каргополь, 2011. — С. 68–75.

<sup>215</sup> Решетников Н. И. Книжная традиция на Русском Севере в XVII в. От Смутного времени до Петровских преобразований: по материалам «Вологодской программы» // XVII век в истории и культуре Русского Севера: Материалы XII Каргопольской науч. конф. — Каргополь, 2012. — С. 205–212.

<sup>216</sup> Седова М. Г. Книгораспространение в XVII в. на территории Архангельской области печатных изданий кирилловского шрифта // Там же. С. 213–219.

<sup>217</sup> Пригодина О. Б. Старообрядческие книжные памятники в собрании Каргопольского музея // Там же. С. 220–223; она же. Владельческие записи в книжном собрании Каргопольского музея как источник по изучению среды бытования // Каргополь. Летопись веков. — М., 2004. — С. 123–126; она же. Книги кириллической печати в собрании Каргопольского музея // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции. — Каргополь, 2009. — С. 275–280.

Речь идет о наиболее распространенных видах массовой документации XVI–XVII вв. — писцовых и переписных книгах городов и уездов, описях имущества церквей и монастырей, книжных записях. Книжность на их основе может рассматриваться на трех уровнях: 1) единичный экземпляр какой-либо рукописной или старопечатной книги; 2) книжное собрание церкви, монастыря, частного лица или государственного учреждения; 3) совокупный круг, система общественного и индивидуального чтения определенной эпохи<sup>218</sup>.

Сосредоточим наше внимание на количественном и «репертуарном» составе кириллических книг (рукописных и старопечатных, богослужебных и четьих) в городских и сельских приходских церквях — основополагающей структурной ячейке церковной организации. С этим звеном были связаны важнейшие этапы жизни каждого человека от рождения до смерти (крещение венчание — отпевание), здесь люди устной культуры соприкасались с книжным словом, происходило его усвоение, взаимное перетекание устных и письменных форм словесности<sup>219</sup>.

В документах писцового делопроизводства со второй половины 1560-х гг. содержатся, хотя и краткие, данные о книгах среди сведений о церковной «казне»/утвари, что свидетельствует о церковно-государственном учете имущества, введенном Стоглавом 1551 г.<sup>220</sup>. В ходе землеописательных работ писцы фиксировали храмоименования, архитектурные формы церквей («клетская» или «шатром вверх», наличие или отсутствие приделов, колоколен, часовен, их интерьеры). Конкретное перечисление книг в церквях встречается в писцовых описаниях некоторых городов Северо-Запада России Пскова 1584 г.<sup>221</sup> и его «пригородов» Гдова, Острова, Изборска 1585–1588 гг.<sup>222</sup>, Выбора 1587/88 гг.<sup>223</sup>. В них четко отчленены книги харатейные (пергаменные), бумажные («писмяные») и печатные. Для «восточной» части Русского Севера ранние известия

<sup>218</sup> Мьльников А. С. Книга как объект источниковедения // Источниковедение отечественной истории. 1975. — М., 1976. — С. 58–74.

<sup>219</sup> Поздеева И. В. Русское старообрядчество как объект комплексного гуманитарного исследования // Традиционная народная культура населения Урала : Материалы Международ. науч.-прак. конф. — Пермь, 1997. — С. 41–43.

<sup>220</sup> Дмитриева З. В. [Введение] // Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. — СПб., 1998. — С. 8.

<sup>221</sup> Города России XVI в. : Материалы писцовых описаний / Сост. Е. Б. Французова. — М., 2002. — С. 166.

<sup>222</sup> Там же. С. 168, 170, 173–178, 181–185.

<sup>223</sup> Там же. С. 188–191. В церквях городища Выбор заметно преобладают харатейные книги.

о книжном собрании содержатся в описи 1579 г. сольвычегодского Благовещенского собора, ктиторами которого являлись богатейшие солепромышленники этого края Строгановы. Уже тогда в соборе было пять печатных Евангелий плюс печатный Апостол (вероятно, Ивана Федорова)<sup>224</sup>. Изучивший библиотеку Строгановых А. А. Введенский считает, что она постоянно пополнялась ими путем покупок на столичном рынке, а также через своих приказчиков в Литве, а еще через заказы монастырским переписчикам и обмены<sup>225</sup>.

Привлечение разновременных описаний книжных собраний одной и той же церкви (или их совокупности для определенного города или села) позволяет проследить ряд количественных и качественных изменений (книжного репертуара, соотношения рукописных и старопечатных книг в церквях). Укажем на такую возможность, например, для диахронного изучения книжных собраний городских и посадских церквей Устюжны Железопольской (по описаниям второй половины XVI–первой четверти XVII в.), Вологды (по писцовым книгам 1627 и 1685 гг.), Успенскому собору в Великом Устюге (по описи 1608 г., а затем сотной 1630 и писцовой 1676–1683 гг. книге). В сотных по Устюжне за 1567<sup>226</sup>, 1597<sup>227</sup> и 1626 гг.<sup>228</sup> в соборе Рождества Богородицы последовательно отмечен знаменитый Апостол Ивана Федорова 1564 г., хранящийся ныне в Устюженском краеведческом музее<sup>229</sup>. Как отмечает А. А. Амосов, «устюженский экземпляр особо ценен уникальной записью, свидетельствующей о свободной продаже этой книги в XVI в.»<sup>230</sup>. Длительность хранения одних и тех же книг, их долгая востребованность в богослужении и чтении — это тоже важный историко-культурный факт.

<sup>224</sup> Савваитов П. И. Строгановские вклады в сольвычегодский Благовещенский собор. — СПб., 1886. — Приложение. С. 41–42.

<sup>225</sup> Введенский А. А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI–XVII вв. // Север. Кн. 3–4. — Вологда, 1923. — С. 77, 79. Автор подчеркивает значение Калуги (недалеко от литовской границы), в которой Строгановы имели свои соляные склады.

<sup>226</sup> Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). — Вологда, 1981. — С. 137.

<sup>227</sup> Крестьянство Севера России в XVI в. — Вологда, 1984. — С. 131.

<sup>228</sup> Пугач И. В. Устюжна Железопольская: Город и власть. Очерки социально-экономической истории XVI первой половины XVII в. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. — С. 248.

<sup>229</sup> Немировский Е. Л. Апостол 1564 г. Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца в книгохранилищах мира // Федоровские чтения — 2007. — М., 2007. — С. 40; Памятники письменности в музеях Вологодской области : Каталог-путеводитель. Ч. 2. Книги кириллической печати (1564–1825) / Отв. сост. А. А. Амосов. — Вологда, 1983. — С. 250. (Приведены также записи, в т. ч. о продаже Апостола В. С. Сверчковым священнику Авраамии Черному в 1575 г.)

<sup>230</sup> Там же. С. 249.

Аналогичный путь изучения книжных собраний возможен и по сельским церквям. Нами была систематизирована информация дозорной книги 16 приходов Вологодского уезда 1589/90 г. (см. Таблицу 1 Приложений). Единичные сведения (по одной-двум сельским церквям) содержатся в сольвычегодских сотницах 1585/86 гг. И. Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева. В Преображенской церкви Плесовской волости ими было зафиксировано книжное собрание Спасо-Сойгинского монастыря, включавшее 26 книг, все рукописные и по содержанию богослужебные, за исключением четвей Повести о царевиче Иоасафе<sup>251</sup>. Те же писцы отметили в деревянных церквях в с. Никольском (Вологодской архиерейской кафедры) Вилегодской волости 22 книги, из которых печатным было только «Евангелие-тетр, в десть»<sup>252</sup>. Аналогичная картина наблюдается и в северных монастырях. Например, в Троице-Клопском монастыре Шелонской пятины по описанию 1581/82 гг. среди 42 книг печатной не было ни одной<sup>253</sup>. Незначительное количество печатной литературы в церковно-монастырских собраниях и обиходе в конце XVI в. объясняется начальным этапом развития книгопечатания в Московской Руси. Обращение к писцовой документации 1620–1630-х гг. показывает постепенный рост печатных книг в церквях, хотя полного вытеснения рукописной книги даже в конце XVII в. не произошло.

И. А. и О. В. Черняковы опубликовали раннее описание имущества Спасо-Преображенской церкви Кижского погоста 1628–1631 гг. Соотношение рукописных и печатных книг здесь было равным: сначала значилось пять печатных книг (три московской печати Евангелие напрестольное, цветная и постная Триоди и две литовской Апостол и Евангелие толковое), затем столько же «письмянных» — Соборник, Устав, Охтай, Псалтырь, Часовник<sup>254</sup>. Все приведенные наименования аналогичны тем, что встретились нам при описании книжных собраний сольвычегодских и вологодских церквей в 1590-е гг. Для 1592 г. имеется раннее свидетельство о контроле посадской общины над книжным собранием храма. Устюжские земские судьи, старосты, ценовальники передали Михайло-Архангельскому

<sup>251</sup> Шумаков С. Сольвычегодские сотницы 7094 г. — М., 1905. — С. 5.

<sup>252</sup> Там же. С. 8.

<sup>253</sup> Анкудинов И. Ю. Опись имущества Клопского монастыря 1580/81 г. // Новгородский архивный вестник. — 2013. — № 11. — С. 149–150.

<sup>254</sup> Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги как источник по истории деревянного зодчества. Приложение. Описание Кижского погоста 1628–1631 гг. // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск, 1988. — С. 71–72.

монастырю Воскресенскую церковь со всем имуществом, включая ее собрание из 32 книг<sup>255</sup>.

К 1628 г. относится вотчинное описание книг сельской церкви. Оно было составлено по приказу игумена Спасо-Прилуцкого монастыря Питирима и келаря Авраамия посельским старцем с. Глубокого Евсеем (на границе Вологодского и Важского уездов). Учтенное им книжное собрание Спасо-Преображенской церкви включало 10 наименований<sup>256</sup>. В нем были необходимые для богослужения книги — Евангелие напрестольное, Апостол («в коже и с жюки»), Псалтырь, две Триоди, Служебник, Полууставъ, Часовник. К числу четвех книг можно отнести Шестоднев и «Трои Давыдовы псалмы с песнями». О половине книг было отмечено, что они ветхие, некоторые и вовсе харатейные. Вероятно, все книжное собрание данной церкви было представлено рукописными книгами, поскольку на печать нигде не указано. Итак, обращение к писцовой документации 1580-х 1630-х гг. показало неравномерность в количественном и видовом распределении книг в приходских церквях центра и севера России.

«Книжный мир» Московской Руси отразил усиление межкультурных связей между народами Восточной Европы. Наши источники позволяют раскрыть и региональный, северорусский аспект этого процесса. В деловой (раздельной) грамоте Семена, Максима и Никиты Строгановых 1578 г. фигурируют несколько книг «литовской печати» Апостол, две Псалтыри, Летописец<sup>257</sup>. Во вкладной книге Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря указана цена Библии в 1586–1588 гг.: 2,5–3 рубля<sup>258</sup>. Здесь речь может идти об Острожской Библии И. Федорова 1581 г. Проникновение на север этого выдающегося памятника кириллической печати объясняется торговыми связями, деятельностью купечества Литвы, Украины, Белоруссии, России.

Именно Острожская Библия, как мы полагаем, отмечена также и в собрании вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в ранней описи его имущества 1593 г.<sup>259</sup> В ней она дважды указана

<sup>255</sup> Шляпин В. П. Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. 1. — Великий Устюг, 1912. — С. 91–93.

<sup>256</sup> Суворов Н. И. Опись сельской церкви Вологодской епархии в начале XVII века // Известия имп. Археологического общества. Т. IV. Вып. 4. — СПб., 1863. — Стб. 370–371. В этом селе, кроме Преображенской, была еще Ильинская церковь со своими книгами, о чем см. ниже.

<sup>257</sup> Введенский А. А. Библиотека и архив... С. 105–106.

<sup>258</sup> Шляпин В. П. Акты... Ч. 2. — Великий Устюг, 1913. — С. 1 53, 157.

<sup>259</sup> Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: Исследование и тексты. — Вологда, 2011. — С. 37, 44.

как оставшаяся после смерти «старца Якима, бывшего архимандрита» (вероятно, московского Ново-Спасского монастыря) и старца Христофора, бывшего архимандрита Чудова монастыря в Кремле. Скорее всего, книги эти были приобретены ими в Москве, а после опалы и ссылки в Вологду они забрали их с собой. Издавшие опись Спасо-Каменного монастыря 1628 г. А. В. Лаврентьев и А. А. Турилов считают, что именно это издание отмечено под названием «Библия печатная в две строки, в десть»<sup>240</sup>. Двумя строками в данном случае назван набор текста Острожской Библии в две колонки.

Еще один ее экземпляр был куплен в 1612 г. ярославским купцом Т. Лыткиным у холмогорца Спиридонова за 4 рубля, а затем оказался в составе его обширного книжного собрания, подаренного Красногорскому монастырю на Пинеге (около 150 томов)<sup>241</sup>. Как установил Е. Л. Немировский, в Холмогорах неизвестный книжник дополнил экземпляр Острожской Библии в 1636 г. многочисленными миниатюрами и рукописными вставками, предварив рассказом «О преведении книги сия глаголемая Библия»<sup>242</sup>. А. А. Введенский привел запись устюжского купца Силы Усова Леонтию Федорову о продаже ему Острожской Библии за 2 рубля в июле 1653 г.<sup>243</sup>. Более ранняя, чем Острожская, Библия Франциска Скорины (Пражское издание 1517–1518 гг.) также могла попасть на север в XVI–XVII вв. В. И. Срезневский приобрел один ее экземпляр во время своей поездки по Тотемскому уезду Вологодской губернии в 1902 г.<sup>244</sup>. А. А. Введенский указал на экземпляр Библии Ф. Скорины в библиотеке Строгановых, в которой тот, оказался, как считает исследователь, не ранее второй половины XVII в.<sup>245</sup>. Книги литовской печати имелись и в собрании Успенского собора Великого Устюга – Шестодневце Виленской типографии Мамоничей 1603 г. и Лексикон словенороссийский Кутейнской типографии 1658 г.<sup>246</sup>. Имелись Евангелия литовской печати (напрестольное и толковое) в Успенско-

<sup>240</sup> Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 4. Вып. 1. Документы дореволюционного периода / Отв. сост. А. А. Амосов. — Вологда, 1985. — С. 191.

<sup>241</sup> Седова Г. Е. Книгораспространение в XVII в. ... С. 218.

<sup>242</sup> Немировский Е. Л. Читатель изданий Ивана Федорова: Опыт анализа владельческих записей // Федоровские чтения – 1976. Читатель и книга: Сб. науч. труд. — М., 1978. — С. 63–64.

<sup>243</sup> Введенский А. А. Библиотека и архив... С. 84, прим. 3. В дальнейшем эта книга также пополнила Строгановское собрание.

<sup>244</sup> Срезневский В. И. Отчет... С. 270–273.

<sup>245</sup> Введенский А. А. Библиотека и архив... С. 83–84.

<sup>246</sup> Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. — Вологда, 1862. — С. 34–35.

Кривецком монастыре на Двине, приписном к Антоньево-Сийскому и Николо-Яренгской пустыни, приписной к Соловецкому монастырю в 1635 г.<sup>247</sup>.

Обращение к книжным записям показывает наличие литовских книг в церквях и монастырях Вологодского и Белозерского уездов. Напрестольное Евангелие (Виленского изд. 1575 г.) находилось в Ильинской церкви с. Глубокого в Вологодском уезде. Позднее эта книга попала в библиотеку Строгановых<sup>248</sup>. В 1588/89 гг. княгиня Пелагея Сугорская дала за долг старцу Троицкого Усть-Шехонского монастыря Филиппу учительное Евангелие, изданное в Заблудовском замке литовских магнатов Ходкевичей в 1569 г.<sup>249</sup>. Другое учительное Евангелие (Виленское изд. 1595 г.) было дано в 1601 г. посадским человеком Е. Алексеевым в церковь Дм. Прилуцкого на Кобылкиной ул. в Вологде<sup>250</sup>. Триодь постная литовской печати имелась в Спасо-Преображенской Красноборской церкви в 1677 г.<sup>251</sup>. Весьма примечательно бытование книг литовской печати у светских лиц – княгини, посадского человека, а не только духовенства, включая скромные северные обители.

Острожское издание книги Маргарит 1595 г. (сборник произведений И. Златоуста) было дано устюжским воеводой князем И. Д. Мышецким в церковь Великомученика Георгия как поминальный вклад по членам гостиной сотни Кириллу и Василию Босым в сентябре 1670 г.<sup>252</sup>. Запись об этом на книге была сделана крестьянином пригородного сельца Пятницкого А. М. Дружковым. На другом экземпляре того же издания имелась владельческая запись устюжанина, торгового человека Василия Петрова из с. Ходутина<sup>253</sup>. Литовское издание Апостола типографии Мамоничей 1595 г. было дано вкладом неким Вас. Ивановым в церковь Покрова Богородицы в Замошскую волость Вологодского уезда в апреле 1620 г.<sup>254</sup>. Печатные «литовские книги» конца XVI в. бытовали в малых монастырях на Двине и спустя столетие. На книге Василия Великого

<sup>247</sup> Сборник Грамот коллегии экономии. Т. 1. — Пг., 1922. — № 577, 579.

<sup>248</sup> Введенский А. А. Библиотека и архив... С.84.

<sup>249</sup> Асафов К. М., Протасова Т. Ф., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати XVI-XVII вв. // Археографический ежегодник. 1961. — М., 1962. — С. 278.

<sup>250</sup> Там же. С. 280.

<sup>251</sup> Русская историческая библиотека Т. XIV. — СПб., 1892. — Стб. 1179. Далее — «РИБ». Всего книжное собрание данной церкви составляло 43 экз., почти все печатные.

<sup>252</sup> Там же. С. 292–293.

<sup>253</sup> Немировский Е. Л., Емельянова Е. А. Книги кирилловской печати 1551–1600 : Каталог. — М.: Пашков дом, 2000. — С. 199–200.

<sup>254</sup> Там же. С. 210.

«О постничестве» (Острожское издание 1594 г. П. Т. Мстиславца) есть запись о взятии ее Архиепископом Афанасием Холмогорским из Козьеручского монастыря «в старом переплете», а взамен туда была послана его же казенная книга «Беседы на Иоанна Богослова»<sup>255</sup>. Архиепископ Устюжский и Тотемский Александр также проявлял интерес к старым книгам. В 1690 г. он указал прислать «для списания» на Устюг из сольвычегодской соборной церкви книгу Козьмы Индикоплова<sup>256</sup>.

Сравнительно ранним источником для изучения книжной культуры в Каргополе является опубликованная В. И. Ивановым опись имущества Спасо-Преображенской Вассиановой Строкиной пустыни 1581 г. «отводная перепись»<sup>257</sup>. Опись была составлена при вступлении в должность нового игумена Дионисия в присутствии 23 старцев. В. И. Иванов отметил, что в монастыре в то время действовал свой скрипторий, книги были рукописные (54 экз. и 33 наименования), а одна — Молитвенник форматом в четверть — даже на пергамене. Написание некоторых книг имело своим назначением их продажу на городском рынке. О продаже книг в самом Каргополе свидетельствует 26-е Чудо в Сказании о чудесах Хергозерской иконы преп. Макария Унженского. Воевода Г. А. Аничков на свои деньги приобрел новое напрестольное Евангелие «у некоего купецкого человека». Тем самым было исполнено пожелание самого Макария, явившегося во сне попу Герасиму и посетовавшего на ветхость и изношенность старого Евангелия в монастыре<sup>258</sup>.

Печатным в собрании пустыни в 1581 г. являлось только напрестольное Евангелие, данное вкладом Шихоном каргопольцем, московским веденцем, состоятельным купцом, переведенным в Москву. В монастыре была распространена практика дарений (вкладов, «положений») книг игуменами и старцами. Посадские люди и духовенство Каргополя также участвовали своими вкладами в процессе формирования монастырской библиотеки: книга такая-то «...положение Семена Сокола; ...Фомы Шалги; ...Киндея, никольского священника; ... дьяка воскресенского Григория», «...данье Павла Васильева с. Новгородца». Подобные сведения придают

<sup>255</sup> Там же. С. 195.

<sup>256</sup> РИБ. Т. XII. — СПб., 1890. — Стб. 1002–1003.

<sup>257</sup> Иванов В. И. Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь (Вассианова Строкина пустынь) в XVI-XVII веках : Приложение // XVII век в истории и культуре Русского Севера... С.120–124.

<sup>258</sup> Докучаев-Басков К. А. Сказание о чудесах в Каргопольской Хергозерской пустыне от иконы преп. Макария Унженского и Желтоводского. — М., 1902. — С. 26–27.

монастырским описям характер отчасти вкладных книг. Эта черта присуща и некоторым описям вологодских и белозерских монастырей.

Публикация В. И. Срезневским описи Вассиановой Строкиной пустыни за 1678 г. позволяет сравнить состав книг в ее библиотеке за конец XVI и конец XVII в. (см. Таблицу 2 Приложений). Опись 1678 г. была составлена по приказу преосвященного Корнилия, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук, священниками каргопольских церквей — Воскресенской и Сошествия Св. Духа. «Книжная казна» монастыря в это время хранилась в Преображенской церкви за правым крылосом в обитом железом сундуке. Описание книг в 1678 г. было дано по принципу формата: в десть (примерно 24 экз.), полдесть (27), четверть (11), осьминку (1). После 1581 г. произошло увеличение общего количества книг — с 54 к 70, среди которых теперь преобладали печатные — 43 экземпляра, хотя и доля рукописных (24) оставалась, все же, заметной.

Среди печатных книг отмечались те, что были переизданы в связи с церковной реформой патриарха Никона, «печать новая», «новоисправные», «новых выходов (Часословы, Служебники, Канунники). О практическом назначении новопечатных Требников свидетельствует постоянное их упоминание в благословенных храмосвятных грамотах новгородских владык, разрешавших построение новых церквей с последующим их освящением<sup>259</sup>. Судя по единственному упоминанию харатейной книги в описи 1678 г., это был пергаменный Молитвенник, отмеченный еще в 1581 г., значит, пергамен как материал для письма в XVII в. уже не использовался. Таким образом, и немногочисленные пергаменные, и бумажные, и старопечатные книги (дониконовских изданий и «новых выходов») образовывали в конкретной монастырской библиотеке единое культурное пространство.

В собрании Вассиановой пустыни в 1678 г. имелись две книги Апостольский деяний киевской печати: одна с Апокалипсисом, другая без него. Репертуар включал библейскую, богослужебную, агиографическую тематику (жития митрополита Филиппа, Антония Сийского, Никодима Кожеозерского, Николая Чудотворца). За счет этих житий данный раздел монастырского книжного собрания после 1581 г. заметно обновился. Пополнили его и книги, отражающие каноническое и церковное право (печатная Кормчая, монастырский

<sup>259</sup> См., например: Олонецкие губернские ведомости. 1887. № 74. Часть неофиц. С. 648–649; Докучаев-Басков К. А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI–XIX вв. — М., 1900. — С. 10, 13, 15.

устав Иосифа Волоцкого), официально принятые нормы богослужения (Скрижаль, изданная в Москве в 1655 г.), восточнохристианскую классику (Григорий Богослов, Симеон Новый Богослов, Иоанн Златоуст, Феодор Эдесский, Иоанн Лествичник, Ефрем Сирийский, Исаак Сирийский).

Некоторые книги из описи 1678 г. можно соотнести с соответствующими упоминаниями в описи 1581 г., например, «Прологи во весь год писмянные, в десть, в четырех книгах» или «Соборники четьи». О продолжавшемся использовании рукописных книг и их дополнении новыми текстами на протяжении 1581-1678 гг. свидетельствует упоминание «Охтайцев на восемь гласов в полдесть, в двух книгах» (1581 г.). В 1678 г., вероятно, они же названы «Осмочастником в одной книге с Иоанном Экзархом и иные повести писмяные в полдесть». Упомянутый в 1581 г. устав монастырский можно отождествить с «Книгой о монастырском строенье» Иосифа Волоцкого описи 1678 г. В Евангелие от Марка к 1678 г. была вплетена «книга Григория Беседовника». Вместе с тем какие-то книги вышли из обихода и не отмечены в описи 1678 г.: древнерусский сборник нравоучительных изречений Пчела, сборник особых псалмов, читаемых в страстную пятницу — Часы царские.

К четьей литературе относилась имевшая широкое распространение в средневековье Повесть про индийского Иоасафа-царевича и пустынника Варлаама. Отдаленным прототипом Иоасафа в Европе считался Будда. В русской рукописной традиции данное произведение сближалось с жанром жития и было очень популярно в церковной и светской среде. Этому способствовало включение повести в Великие Четьи-Минеи митрополита Макария. Помимо описи Вассиановой пустыни, такая книга отмечена в описях Антоньева Сийского монастыря 1556 и 1627 гг.<sup>260</sup> С уточнением формата «в десть» она упомянута и в библиотеке Николо-Коряжемского монастыря 1586 г., задолго до ее первого издания в Белоруссии в 1637 г. (в Кутейнском монастыре) и в России Симеоном Полоцким в Верхней типографии в 1680 г.<sup>261</sup>

В настоящее время от книжного собрания Вассиановой пустыни в Каргопольском музее осталось лишь несколько книг<sup>262</sup>. Это Трефологион 1637 г., вклад митрополита новгородского Корнилия, посланный

<sup>260</sup> Макарий, епископ. Исторические сведения об Антоньевом Сийском монастыре // Чтения ОИДР. 1878. Кн. 3. С. 9; Сборник ГКЭ, т. 1. № 533. Стб. 607.

<sup>261</sup> Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. — М., 1982. — С. 137.

<sup>262</sup> См.: Пригодина О. Б. Библиотека Спасо-Преображенского монастыря в г. Каргополе. 12 с. (на правах рукописи). Благодарю главного хранителя КИАХМ Ольгу Борисовну Пригодину за возможность ознакомиться с этой рукописью и библиографическую помощь.

в пустынь с каргопольцем Я. М. Калининым, и Евангелие 1677 г. Уже после описи 1678 г. пустынь приобрела Евангелие 1681 г. и Обед Душевный Симеона Полоцкого 1681 г.

Распределение книг между монастырями и пустынями, сообразно масштабу и рангу последних, было неравномерное. Например, по сравнению с Вассиановой пустыней библиотека Николо-Коряжемского монастыря в 1580-е гг. отличалась более внушительными размерами. Здесь, по описи 1586 г., имелось свыше 100 номеров различных книг<sup>263</sup>, среди них абсолютно преобладали рукописные. В ходе земледельческого освоения Каргополя в XVII в.<sup>264</sup> возникло несколько новых монастырей, книжные собрания которых были прямо-таки микроскопическими. Например, в новооснованной на «черном лесу» в 170 верстах от Каргополя при озере Елгомском Троице-Богоявленской пустыни, согласно духовной строителя Тарасия ок. 1648 г., было только четыре книги — Устав, Пролог, Часовник и Житие св. Николая Чудотворца<sup>265</sup>. Судя по описи Зосимо-Савватиевской пустыни Устюжского уезда 1690 г., в этой малой обители было 26 книг, из которых названия 15 «писчих ветхих» не были приведены<sup>266</sup>. Интересно и то, что к концу XVII в. часть книг старой (дониконовской) печати тоже уже являлась ветхой. Данная опись отметила также практику передачи части книг в еще более малую обитель — Негренскую пустынь (Триодь цветную и Минею общую). Небольшими были, судя по описаниям 1635 и 1683 гг., книжные собрания двинских и важских монастырей — Вознесенской пустыни в Слободском стане Верховажской четверти (14 печатных плюс 3 рукописных), Успенско-Кривецкой пустыни (25), Николо-Яренской пустыни (28, некоторые в «тетратях», т. е. без переплета)<sup>267</sup>.

Анализ состава книжных собраний показывает, что, несмотря на отмеченную неравномерность в распределении, рукописные и печатные книги северорусских церквей и монастырей в совокупности своей составляли разнообразный книжный мир и круг чтения, без которого невозможно представить духовный универсум общества и человека той эпохи (см. Приложения).

<sup>263</sup> Опись издана З. В. Дмитриевой: Социально-правовое положение северного крестьянства: досоветский период. — Вологда, 1981. — С. 178–191.

<sup>264</sup> См. подробнее: Мелехова Г. Н. Каргопольские монастыри в XVII в. // XVII век в истории и культуре Русского Севера... С. 108.

<sup>265</sup> Олонецкие губернские ведомости. 1887. Часть неоф. № 74. С. 648; № 92. С. 851 (в первые десятилетия существования пустынь относилась к Двинской десятинае Важского у., в XVIII в. — к Каргопольскому уезду).

<sup>266</sup> РИБ. Т. XII. Стб. 1021.

<sup>267</sup> Сборник ГКЭ. Т. 1. № 577, 579; Т. 2. — Л., 1929. — № 252.

**Приложения. Таблица 1. Книги в сельских церквях Вологодского уезда (1589/90 г.)**

Волость, погост или село и церковь	Евангелие	Устав	Апостол	Псалтирь	Охтай	Минея	Триодь	Часовник	Трефолой	Шестоднев	Каноник	Златоуст	Пролог	всего
Первая половина уезда														
Вол. Юг - Успения Пречистые	1	-	-	1	2	-	-	-	1	-	-	-	-	5
Сц. Мусара - Воскресения Христова	1	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-	-	-	4
Вол. Угла - Происхождения Честного Креста	1 х.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1 х.
Пог. Воздвижения Честного Креста	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Пог. Благовещения Пречистые	1	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-	-	-	4
Вол. Раменье - Николы Чуд.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Пог. Кузьмы и Демьяна	1	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-	-	-	4
Пригородные села														
С. Говорово - Симеона Богопримца	1	1	1	1	2	1	-	1	2	-	1	1	1	13
С. Кобылино - Павла Обнорского	2 п.	-	1	1	-	1	-	-	1	1	-	-	-	7
С. Турунтаево - Николы Чуд.	1	-	-	-	1	9	-	-	-	-	-	-	-	11
Заозерская половина уезда														
Пог. Лещовский - Воскресение Христова	-	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-	-	-	3
Пог. Ильи Пророка	1	-	1	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	6
Пог. Рождества Христова	1 х.	-	1 х.	1 х.	-	-	-	-	-	-	-	-	11 х.	14 х.
Иванова Слобода - Живоначальные Троицы	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Вол. Катрома - Рождества Пречистые	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Пог. Валга - Преображения Господня	1	-	1	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	5

Примечание: х. — харатейная; п. — печатное  
 Источник: Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археограф. сб. Вып. 2. — Вологда, 1972 г. — С. 6–183.

**Таблица 2. Книжное собрание Вассиановой Строкиной пустыни по описям 1581 и 1678 гг.**

Название	годы	
	1581	1678
Евангелие	2	5
Апостол	2	2
Апокалипсис	-	1
Псалтирь	6	7
Пролог	4	5
Октоих	2	2
«Богородичен» (разновидность Октоиха)	3	-
Минея	13	13
Триодь	3	2
Трефолой	1	1
Соборник четий	2	3
Соборник	1	-
Пчела	1	-
Потребник	3	-
Требник	4	3
Устав монастырский	2	2
Полууставье	1	--
Каноник	2	1
Службник	1	3
Ирмолой	1	1
Шестоднев	1	1
Часовник	2	5
Часы Царские	1	-
Молитвенник харатейный	1	1 (?)
Златоуст недельной	1	1
Маргарит	-	1
Иоасаф царевич	-	1
Симеон Новый Богослов	-	1
Ефрем Сирий и авва Дорофей	-	2
Иоанн Лествичник	-	1
Феодор Эдесский	-	1
Патерик Печерский	-	1
Иосиф Волоцкий	-	1
Житие митрополита Филиппа и Никодима Кожеозерского	-	1
Житие Антония Сийского	-	1
«Николино житие»	-	1
Цветник духовной	-	1
Церковник, или Скрижалъ	-	1
Стихира певчая	-	1
«Певчие книжицы»	-	3
Кормчая	-	1

Источник: Срезневский В.И. Отчёт Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 г.). — СПб., 1904 г. — С.17–18; Иванов В.И. Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь (Вассианова Строкина пустынь) в XVI-XVII веках: Приложение // XVII век в истории и культуре Русского Севера: Материалы XII Каргопольской науч. конф. — Каргополь, 2012 г. — С.121–124.

Richard Davies (England)

## Wooden Churches: Travelling in the Russian North

Ричард Дэвис (Англия)

### Деревянные Церкви: путешествие по Русскому Северу

In 2001, I came across some postcards published in Russia in 1905 and 1911 by the Society of the St. Eugenia Community. They showed photographs and illustrations of wooden churches in northern Russia by the artist Ivan Yakovlevich Bilibin. I learnt that Bilibin had undertaken the first of his three expeditions to the Russian North in 1902 and determined to set off in 2002 to photograph the wooden churches he had recorded — any of those that might have survived the last 100 years.

The first *'Bilibin church'* I visited was The Church of St. Demetrius of Thessaloniki (1784) at Verkhnyaya Uftyuga — it had survived. The architect, Alexander Popov and his team, had conducted a restoration project lasting seven years from 1981 to 1988, and brought the church back from the verge of extinction. Popov had used the same techniques and tools as the builders of 1784. With the help of the local blacksmith Popov had been able to experiment with the forging of axes based on sketches of axe heads found by archaeologists in Siberia. The Church of the Virgin of Vladimir (1642) at Belaya Sluda, another Bilibin postcard, was not so lucky. Long since abandoned, the church was stuck by lightning in 1962 and burnt to the ground.

The nearby bell tower at Tsyvozero (1658) of which Bilibin tells *'She is living her last days, she is leant over sideways and trembles in the wind. The bells have been taken from her'* is hanging on. I last saw the bell tower in 2012. Alexander Popov, the restorer, who was with me to assess the condition of this most famous monument of Russian wooden architecture, was horrified by its condition. An attempt had been made by the local people to waterproof the roof and to prop up the structure on one side. Popov thought that the bell tower was beyond restoration as the majority of its timbers were rotten. However, it could and should be preserved in a controlled environment — under the dome of the Pushkin Museum in Moscow, replacing the plaster David is a thought. A Russian masterpiece instead a Michelangelo sham!

When in 988 Prince Vladimir of Kievan Rus decided to be baptised into the Orthodox faith the chronicles tell us that he *'ordained that wooden churches should be built and established where pagan idols had previously*

*stood.* "Thousands of wooden churches were built all over Russia and over time many were rebuilt with stone and brick. Wooden churches became unfashionable. In the 1830's a German traveller noted that *'the Russian country people take a particular pride in stone churches in their villages . . . nay' its inhabitants would scarcely marry those of villages with wooden churches.'*

However in northern Russia, where wood was the most common building material, wooden churches were still being built up to the time of the Bolshevik revolution. Although the new and surviving ancient churches were often clad in white painted boards and their aspen-shingled onion domes gave way to shiny metal onion domes to give the impression that they were, indeed, spanking new stone churches.

The painter Vereshchagin complained, in 1894, of the neglect of the churches by the local clergy — 'I wish they had even a brief course in the Fine Arts at the seminaries. If priests who have responsibility for the old churches do not show mercy and unceremoniously demolish them, what can we expect from the semi-literate country fathers? They are ready to sacrifice every ancient wooden church for a gaudy new stone church, embellished with mannerist golden baubles.'

If the custody of the wooden churches by the priesthood was shoddy, the custody by the local Soviets, after the revolution, was catastrophic. The artist Ivan Grabar and Pyotr Baranovsky, the architect and preservationist joined the campaign to save the northern wooden architecture. In 1921 Baranovsky undertook the first of ten expeditions to the North to study the architecture — *'In the villages on the banks of Pinega there were so many churches that were 'extremely miraculous' that I decided that come what may, I would go up the river to its very source. You arrive in a village and there are two or three tent-roofed church beauties, three-storey wooden houses, mill-strongholds — and all of them first-class architectural masterpieces . . . I do not know anything more miraculous than Russian wooden architecture! . . . It is hard to acknowledge the fact that the descendents of those who raised this miracle with their calloused hands destroyed the glory of their great-great grandfather's father.'* And destroyed they were, no wooden church survives on the Pinega river today. Those that did survive in the north were used by the local Soviets as warehouses, grain stores, clubs, garages, dance halls and cinemas. Most were left to rot.

After the Great Patriotic War, during which God had been reinstated by Stalin to fight on the side of Holy Russia, there was an effort to restore the wooden churches that had survived. They were recognised as a great symbol of Russian culture, the culture that the Russian people

had been fighting desperately to preserve. In 1948 the architect Alexander Opolovnikov (1911–1994) supervised the restoration of the wooden Church of the Assumption at Kondopoga. Opolovnikov with his team and later with his daughter Elena Opolovnikova (1943–2011) restored over 60 monuments of wooden architecture and much of what we see today, including the churches at Kizhi, and the Cathedral of the Assumption at Kem, we owe to their dedicated work. He also produced technical drawings of the churches and of their construction details representing great works of art.

With the break-up of the Soviet Union, funds disappeared and most restoration works came to a halt. In 2011 I asked Mikhail Milchik, Vice-Director of the St Petersburg Research Institute of Restoration and an expert on Russian wooden architecture to write an afterword to *Wooden Churches: travelling in the Russian North*. He was not optimistic, his first sentence read, '*Wooden Architecture, the most original and most unique part of the cultural heritage of Russia, is on the verge of extinction.*' Almost four years on, I am slightly more confident of its survival.

I have one or two reasons for believing this. First, I am very impressed by the grass root organisations that have been set up to record what has survived and other organisations that have been set up, often on a local scale, to do what can be done to literally stop the rot. The ingress of water is the main enemy of wooden buildings. When the joints are rotten, collapse is imminent. Local people have taken it upon themselves to repair the roofs of their churches and bell towers, to shutter windows and to clear out the detritus of years of neglect.

A Moscow priest, Father Alexey, founded the organisation *Obsheye Delo* (Common Cause). Father Alexey, who with his family, spends his summers at Vorzogory on the White Sea explains, '*When we first came here we suddenly heard the unexpected sound of an axe splitting wood by the abandoned bell tower. It was Grandpa Sasha, for years he had been patching and repairing the tower — he simply could not bear the thought of it one day collapsing before his eyes. We were so inspired by his example that we immediately offered our help, and now, every summer we work to restore the ancient temples of Vorzogory.*'

*Obscheye Delo* has now set itself the task of saving the wooden churches of northern Russia. Each summer, its members, now in their hundreds, patch leaky roofs, prop up walls, clear undergrowth and dig trenches to act as firebreaks. Professional restorers will take their place in time, but many of the churches and chapels being patched up by these volunteers are having their lives extended a few more years.

Money has been made available from private and public sources to restore churches. Alexander Popov is now working on restoration of the early 18<sup>th</sup> century Church of the Saints Cosmas and Damian, near Lezhdam in the Vologda region. It had been neglected in the woods for many years but has now been dismantled and transferred to Popov's workshop in Kirillov. (STOP PRESS — the funds have dried up — the Russian sponsor has moved to England). Another example is the 17<sup>th</sup> century Church of St George. It was discovered beside the Northern Dvina River, again abandoned in the woods, by the artist Ivan Glazunov in the Arkhangelsk region in 1997. The church has now been professionally restored and re-erected at the Kolomenskoe Museum of Architecture at the Moskva river, in Moscow.

The Church of the Transfiguration (1781) at Turtchasovo was in the process of restoration during Soviet times but that came to a stop with the break-up of the USSR. I first visited the church in March 2006, when the snow was thick on the ground. The church and its bell tower stood magnificently above the frozen sweep of the Onega River. Svetlana the churchwarden opened the church for us. The windows were shuttered and it was dark inside, '*Don't stand under the dome, the birds will drop something revolting on you.*' She told us of Alexey Sioutine, who works in Norway but whose mother was born in the village. He is trying to raise funds to finish the restoration and to hang bells again in the bell tower.

On my visit in 2010 the timber window shutters have been replaced with plastic sheeting and our need for care is clear to see. Svetlana is now saying prayers in the church every day, others join her some days and she is encouraging the children to take an interest in and to respect their church. By 2012 the guano has been replaced by a plastic sheet, the church has been cleaned with the help of the children and the restorer, Sergei Golovenchenko, and others are working on the roof, cutting out the rotten wood where possible and laying down new timbers to keep out the wet. There is much to do, the village women have set up a canteen in a building donated by the community to keep the workers fed, and tea'd. In 2013, with Alexey, we climb up through the mass of church timbers and out onto the roof to meet the local carpenters, Alexey Malofeev and Mikhail Makhnov who are continuing the work to make the church watertight. We look down on the bell tower, which still needs a set of bells and over the great curve of the Onega River as it makes its way to the sea.

Alexey tells us that the work he is doing is illegal — the church belongs to the state, but the state is doing nothing, so if not him, then who? He cannot stand by and see it collapse before his eyes — another

Grandpa Sasha. If I remember the rusting sign stating that the church is under the protection of the state is still attached by a rusting nail or two.

I plan to visit Turtchasovo again this summer, the bells have been ordered and they will ring out again over the Onega River — for the first time in over eighty years. As Pyotr Baranovsky has said there is nothing more miraculous than Russian wooden architecture — it would be tragedy if it does not survive.



Ансамбль Архангельского погоста с храмами XVIII века, с. Архангело, Каргопольский район. Фото Р. Девиса, 2004 г.

### **Резолюция Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений», 2014 г.**

Участники международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений» (далее — конференция), представляющие 11 городов Российской Федерации, США и Великобритании, обсудив вопросы государственной охраны объектов архитектурно-градостроительной среды исторических поселений, регулирования градостроительной деятельности и проектирования в исторических городах, обобщив имеющийся опыт изучения и сохранения объектов культурного наследия в исторических городах и поселениях, сохранения и развития культурных ландшафтов, констатируют наличие глубокого кризиса в деле сохранения культурного наследия исторических малых городов России и поддерживают положения проекта «Основ государственной политики», предложенного Администрацией Президента Российской Федерации, в части особого внимания к теме «Культура малых городов и поселений», широкого понимания термина «культурное наследие», включающего материальные и нематериальные ценности, природное наследие;

- отмечают важность сохранения уникальной исторической среды и ее использования как основы для создания новых ценностей и видов деятельности, формирования восприимчивости общества к осознанной культуре сохранения;
- уверены, что исторические поселения должны развиваться, но по законам охраняемых территорий;
- считают необходимым продолжение диалога, посвященного современной градостроительной политике в системе ограничений; капитализации исторических поселений и исторических центров как туристических, общественных пространств;
- подчеркивают необходимость дальнейшего развития нормативной правовой базы, направленной на сохранение исторической градостроительной среды и в целях предотвращения дальнейшей деградации культурного наследия малых исторических городов России;
- считают необходимым обратиться с предложениями:

**1. К Правительству Российской Федерации и Министерству культуры Российской Федерации:**

1.1. Дополнить Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» статьей об отнесении исторических поселений, вошедших в перечень исторических населенных мест РСФСР, утвержденный постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР от 19 февраля 1990 года № 12, коллегии Госстроя РСФСР от 28 февраля 1990 года № 3 и Президиума Центрального совета ВООПИиК от 16 февраля 1990 года № 12 (162), не включенных в список исторических поселений, утвержденный приказом Министерства культуры Российской Федерации и Министерства регионального развития Российской Федерации от 29 июля 2010 года № 418/339, к историческим поселениям регионального значения (по согласованию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации).

1.2. Разработать порядок определения предмета охраны исторического поселения федерального значения.

1.3. Дополнить Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ понятиями «историческое поселение», «объекты ценной средовой застройки» и «историко-культурный опорный план исторического поселения», а также положениями, позволяющими установить особое регулирование градостроительной деятельности на территории исторических поселений в соответствии с изменениями, внесенными в Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» Федеральным законом от 12 ноября 2012 года № 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ.

1.4. Внести в Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ и Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» изменения в части возвращения нормы обязательного согласования проектов нового строительства и реконструкции объектов капитального строительства в зонах охраны объектов культурного наследия с соответствующими органами охраны объектов культур-

ного наследия, исключенной статьей 30 Федерального закона от 18 декабря 2006 года № 232-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

1.5. Внести в Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Положение о государственной историко-культурной экспертизе изменения, предусматривающие обязательность проведения историко-культурной экспертизы при принятии решений по формированию перечней исторических поселений как федерального, так и регионального значения, решений о согласовании проектов нового строительства и реконструкции существующей застройки в зонах охраны объектов культурного наследия и исторических поселениях, а также решений о согласовании разрешения на отклонение от разрешенных параметров объектов нового строительства и реконструкции в зонах охраны объектов культурного наследия и исторических поселениях.

1.6. Внести в Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ изменения, предусматривающие при разработке генерального плана поселения при наличии на его территории объектов культурного наследия обязательную разработку в составе проекта генерального плана проекта (ов) зон охраны объектов культурного наследия (если таковые отсутствуют или требуют корректировки).

1.7. Выделить в федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)» раздел по сохранению исторических поселений федерального и регионального значения, предусматривающий реализацию мероприятий по разработке историко-культурных опорных планов границ территорий и зон охраны объектов культурного наследия на территории исторических поселений, мероприятий по сохранению культурных ландшафтов.

1.8. Обеспечить разработку механизмов включения объектов культурного наследия в программы социально-экономического развития территорий исторических поселений федерального и регионального значения в качестве методических рекомендаций при разработке документов территориального планирования в целях реализации комплекса мер по их сохранению и развитию с определением критериев социального и экономического эффектов от использования объектов культурного наследия, в том числе

в сфере государственно-частного партнерства для решения задач сохранения, использования и популяризации историко-культурного наследия, развития культурно-познавательного туризма.

1.9. Обеспечить разработку и внедрение на государственном уровне эффективного механизма финансовой поддержки для лиц, выполняющих за счет собственных средств работы по сохранению объектов культурного наследия.

**2. К органам законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органам государственной исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере культуры, исполнительным органам государственной охраны объектов культурного наследия и органам местного самоуправления Российской Федерации:**

2.1. Обратить внимание на необходимость принятия мер по скорейшей разработке и утверждению зон охраны объектов культурного наследия и соответствующей корректировке ранее разработанной и утвержденной документации территориального планирования, правил застройки и землепользования муниципальных образований.

2.2. В составе региональных и местных нормативов градостроительной деятельности разработать сборники архитектурно-планировочных рекомендаций для нового строительства в исторических поселениях и в границах зон охраны объектов культурного наследия, что помогло бы удешевить заинтересованным лицам разработку проектной документации на новое строительство и сократить случаи возведения в исторической среде дисгармонирующих построек.

2.3. С учетом региональных особенностей разрабатывать и внедрять рекомендации по проведению ремонтных работ для собственников и пользователей традиционных построек в исторических поселениях.

2.4. Включать в региональные и муниципальные программы социально-экономического развития раздел по сохранению исторических поселений федерального и регионального значения (разработка историко-культурных опорных планов, определение границ территорий и зон охраны объектов культурного наследия на территории исторических поселений).

2.5. Отметить необходимость введения в штаты администраций муниципальных образований, имеющих в своих границах

исторические поселения, должности главного архитектора и создания коллегиального совещательного органа (общественного совета) для принятия компетентных решений в части регулирования градостроительной деятельности с учетом обеспечения сохранности историко-культурного компонента.

2.6. Для сохранения историко-культурного потенциала исторических поселений при осуществлении градостроительной деятельности, повышения качества архитектурно-градостроительной среды исторических поселений рекомендовать органам местного самоуправления сформировать перечень ценных градоформирующих объектов и построек, подлежащих постановке на государственную охрану в качестве объектов культурного наследия местного значения.

**3. К руководству Российского государственного архива древних актов:**

Подготовить к публикации отдельным изданием документы XVI–XVII вв. по г. Каргополю и Каргопольскому уезду.

**4. К Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды:**

4.1. Пересмотреть намерения о строительстве на территории Каргопольской метеостанции, расположенной по адресу: г. Каргополь, ул. Сергеева, д. 4, доплеровского метеорологического локаатора С-диапазона (ДМРЛ-С) высотой 42 м в зоне регулирования застройки исторического города с ограничением высоты застройки до 13 м. Строительство подобного объекта в историческом центре Каргополя может негативно отразиться на здоровье людей и стать серьезным препятствием для развития туризма как важной социально-экономической составляющей развития территории.

4.2. Для строительства ДМРЛ-С оформить права на новый земельный участок, удовлетворяющий градостроительным и санитарным требованиям.

**5. По итогам обсуждения проблем сохранения и использования историко-культурного потенциала г. Каргополя и Каргопольского района и в связи с подготовкой Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея к своему 100-летию участники конференции просят Правительство Архангельской области и министерство культуры Архангельской области:**

5.1. Рассмотреть возможность создания в исторической части г. Каргополя историко-культурного заповедника с соответствующим

режимом и финансированием и преобразования Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея в музей-заповедник с соответствующими функциями и полномочиями.

5.2. Ускорить процесс утверждения проекта зон охраны объектов культурного наследия города Каргополя.

Участники конференции, отмечая актуальность прозвучавших докладов, обозначенных вопросов и предложений по их решению, выработанных в ходе обсуждения на «круглом столе», считают необходимым направить настоящую резолюцию в соответствующие органы государственной власти Российской Федерации, Архангельской области и органы местного самоуправления Каргопольского района Архангельской области.

Участники конференции выражают благодарность государственному бюджетному учреждению культуры Архангельской области «Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей», министерству культуры Архангельской области и организационному комитету за хорошую организацию и проведение конференции.



## Список сокращений

**АН** — Архитектурное наследство

**АОКМ** — Архангельский областной краеведческий музей

**БНП** — бывшие населенные пункты

**БРАН** — Библиотека Российской Академии Наук

**Вол.** — волость

**ВООПиК** — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

**ГАОО** — Государственный архив Архангельской области

**ГИМ ОПИ** — Государственный Исторический музей.

Отдел письменных источников

**ГИМ ОР** — Государственный Исторический музей. Отдел рукописей

**ГИС** — государственная информационная система

**ГМЗК** — Государственный музей-заповедник Коломенское

**ГМИР** — Государственный музей истории религии (С.-Петербург)

**ГНБ ОР** — Государственная национальная (Публичная) библиотека

**ГРМ** — Государственный Русский музей

**ГТГ** — Государственная Третьяковская галерея

**ГУЛАГ** — Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключений

**ДМ** — достопримечательное место

**ЕКОВАСТ** — Европейский совет по селам и малым городам

**ЗОА** — зона охраны археологического слоя

**ЗОЛ** — зона охраняемого природного ландшафта

**ЗРЗ** — зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности

**ИККРОМ** — Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей

**ИКОМОС** — Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест

**Илл.** — иллюстрация

**КИАХМ. КП** — Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей. Книга поступлений.

**КГИАХМ. НВФ** — Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей.

Научно-вспомогательный фонд

**КМИИ** — Карельский музей изобразительных искусств (Петрозаводск)

**Кн.** — книга

**Л.** — лист

**МГО** — Московское городское отделение ВООПиК  
**МДЗ** — материалы дистанционного дозирования  
**Музеи «in situ»** — музеи под открытым небом на местах сохранившихся памятников  
**НАРК** — Национальный музей республики Карелия.  
**Об.** — оборот  
**ОГВ** — Олонецкие губернские ведомости  
**ОЗ** — охранная зона  
**ОИДР** — Общество изучения древних рукописей  
**ОКН** — объекты культурного наследия  
**Оп.** — опись  
**Пог.** — погост  
**ПЗЗ** — проект зон застройки  
**ПЗО** — проекты зон охраны  
**ПКНО** — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник  
**ПСРЛ** — полное собрание русских летописей  
**РГАДА** — Российский государственный архив древних актов  
**РГНФ** — Российский государственный научный фонд  
**РИБ** — Российская историческая библиотека  
**РПЦ** — русская православная церковь  
**РСФСР** — Российская советская федеративная социалистическая республика  
**СГУ** — Смоленский государственный университет  
**СО РАН** — Сибирское отделение Российской академии наук  
**СПб. ИИ РАН** — Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук  
**ТАФ** — Театр архитектурной формы  
**ТОДРЛ** — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской Академии наук  
**ТОС** — территориальное общественное самоуправление  
**УрО РАН** — Уральское отделение российской академии наук  
**Ф.** — фонд  
**ЦМР СССР** — Центральный музей революции СССР

## Об авторах

**Алипова Юлия Борисовна** — начальник Управления правового обеспечения и охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Республики Карелия, Петрозаводск

**Агафонова Ирина Святославовна** — главный архитектор научно-исследовательского предприятия «Этнос», Нижний Новгород

**Блинов Константин Владимирович** — директор по развитию ООО «ТДП», «НЛК- Домостроение», член Российского Комитета ЕКОВАСТ, Москва

**Болотина Наталья Юрьевна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государственной службы Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва

**Брумфилд Уильям (США)** — профессор славистики, Почетный член Российской академии художеств

**Герасимова Елена Леонидовна** — хранитель музейных предметов, Краеведческий центр «Дом Няна», Няндомы, Архангельская область

**Давыдов Алексей Иванович** — начальник отдела историко-культурных исследований Научно-исследовательского предприятия «Этнос», Нижний Новгород

**Дэйвис Ричард (Великобритания)** — фотограф

**Егоров Андрей Николаевич** — глава МО «Каргопольский муниципальный район», Каргополь

**Ермолаев Александр Павлович** — профессор, руководитель мастерской ТАФ (Театр архитектурной формы), Москва

**Завьялова Надежда Иосифовна** — кандидат архитектуры, государственный эксперт историко-культурной экспертизы Министерства культуры РФ, Москва

**Иванов Андрей Владимирович** — архитектор, урбанист, член Российского Комитета ЕКОВАСТ

**Комиссаренко Аркадий Иванович** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственной службы Академии государственной службы при Президенте РФ, Москва

**Кононова Антонина Юрьевна** — кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов, Москва

**Кузнецова Елена Васильевна** — научный сотрудник, Краеведческий центр «Дом Няна», Няндомы, Архангельская область

**Кукушкин Игорь Полиевктович** — ведущий специалист, «Вологодреставрация», Вологда

**Куспак Светлана Олеговна** — начальник Отдела обеспечения сохранности объектов культурного наследия Министерства культуры Республики Карелия, Петрозаводск

**Лаптева Татьяна Александровна** — доктор исторических наук, заместитель начальника Отдела научной информации и публикации Российского государственного архива древних актов, Москва

**Макарова Екатерина Сергеевна** — научный сотрудник научно-экспозиционного отдела ГБУК АО «Каргопольский музей», Каргополь

**Мильчик Михаил Исаевич** — кандидат искусствоведения, член Российского Комитета ИКОМОС, член Советов по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга и Министерстве культуры РФ, Санкт-Петербург

**Николаева Мария Валентиновна** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Академии художеств, Москва

**Онучина Ирина Викторовна** — заведующий научно-экспозиционным отделом ГБУК АО «Каргопольский музей», Каргополь

**Охремчук Виталий Петрович** — начальник управления государственной охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Архангельской области, Архангельск

**Попов Виктор Александрович** — ведущий архитектор-консультант АЭО «Музей народного деревянного зодчества «Витославицы», Великий Новгород

**Пятницкая Татьяна Николаевна** — архитектор-реставратор высшей категории МК РФ, Член Российского Комитета ИКОМОС, главный архитектор проектов АРМ-2, ЗАО Института «Спецпроектреставрация», Санкт-Петербург

**Решетников Николай Иванович** — кандидат исторических наук, профессор кафедры истории культуры и музееведения МГУ-КиИ, Москва

**Севан Ольга Георгиевна** — кандидат архитектуры, президент Российского Комитета ЕКОВАСТ, член Российского Комитета ИКОМОС, (ICOMOS-CIVVIN, CIAV), Заслуженный работник культуры, Москва

**Сорокин Анатолий Иванович** — Заместитель директора по науке Плесского музея-заповедника, Плес

**Тормосова Наталья Ильбрусовна** — ученый секретарь ГБУК АО «Каргопольский музей», Каргополь

**Трапезникова Ольга Николаевна** — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института геоэкологии им. Е.М. Сергеева РАН, Москва

**Тузов Дмитрий Валерьевич** — кандидат педагогических наук, заместитель директора Строительного колледж № 26, Москва

**Черкасова Марина Сергеевна** — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Вологодского государственного педагогического университета, Вологда

**Шургин Игорь Николаевич** — искусствовед, управляющий Фонда «Поддержка памятников деревянного зодчества», Москва



Церковь Димитрия Солунского, 1780–1783 гг., с. Щелейки,  
Ленинградская область. Фото Р. Девиса

## НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Ассоциация развития научных инициатив «Научная инициатива»  
Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей  
Российский комитет по селам и малым городам ЕКОВАСТ (ECOVAST)  
Ассоциация деревянного домостроения, НЛК Домостроение  
Российский Комитет ИКОМОС (ICOMOS-CIVVIN, CIAV)

### АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

*По материалам  
международной научно-практической конференции  
г. Каргополь, Архангельская область, 12–15 августа 2014 г.*

**Ответственный редактор:** О. Г. Севан  
**Корректор:** Н. В. Назарова  
**Компьютерная верстка:** М. В. Маркелова

Подписано в печать, май 2016.  
Формат 70x100/16.

Диски отпечатаны в ООО «СиДи Копи»  
111024, Москва, ул. Пруд-Ключики, д. 3